

Краткая история нормандского завоевания Англии

Эдвард А. Фримен

A SHORT HISTORY OF THE NORMAN CONQUEST OF ENGLAND

EDWARD A. FREEMAN
1908

Электронная книга проекта Гутенберга Краткая история нормандского завоевания Англии

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и в большинстве других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Краткая история нормандского завоевания Англии

Автор: Эдвард А. Фримен

Дата выхода: 11 сентября 2022 г. [Электронная книга № 68963]

Последнее обновление: 19 октября 2024 г.

Язык: Английский

Оригинальная публикация: Великобритания: The Clarendon Press, 1908

Кредиты: Чарли Ховард и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" КРАТКАЯ ИСТОРИЯ НОРМАНДСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ АНГЛИИ " ***

Примечание переписчика

Переписчик добавил название и автора на оригинальную обложку и разместил результат в общественном достоянии.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ НОРМАНДСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ АНГЛИИ

ЭДВАРД А. ФРИМЕН, доктор философии, LL.D.

Покойный Региус, профессор современной истории в Оксфордском университете

Третье издание

ОКСФОРД

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ CLARENDON PRESS

1908

ГЕНРИ ФРОУД, МАГИСТР,
ИЗДАТЕЛЬ ОКСФОРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В
ЛОНДОНЕ, ЭДИНБУРГЕ
НЬЮ-ЙОРКЕ И ТОРОНТО

Содержание.

ГЛАВА	СТРАНИЦА
I. ВВЕДЕНИЕ	1
II. АНГЛИЧАНЕ И НОРМАННЫ	6
III. РАННИЕ ОТНОШЕНИЯ Между АНГЛИЧАНАМИ И НОРМАННАМИ	16
IV в. ЮНОСТЬ ГЕРЦОГА ВИЛЬГЕЛЬМА	30
Против ГРАФА И КОРОЛЯ ГАРОЛЬДА	39
VI. ДВА ГАРОЛЬДА	55
VII. ПРИХОД ГЕРЦОГА ВИЛЬГЕЛЬМА	64
VIII. ВЕЛИКАЯ БИТВА	76
IX. КАК ГЕРЦОГ ВИЛЬГЕЛЬМ СТАЛ КОРОЛЕМ	86
X. КАК КОРОЛЬ ВИЛЬГЕЛЬМ ЗАВОЕВАЛ ВСЕ КОРОЛЕВСТВО	93
XI. БОЛЕЕ ПОЗДНИЕ ВОЙНЫ КОРОЛЯ ВИЛЬГЕЛЬМА	108
XII. КАК КОРОЛЬ ВИЛЬГЕЛЬМ ПРАВИЛ СТРАНОЙ	118
XIII. ДВА УИЛЬЯМСА	128
XIV. РЕЗУЛЬТАТЫ НОРМАНДСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ	134
XV. ПОЗДНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ	148

Введение.

Я рассказал здесь в форме букваря ту же историю, которую уже рассказывал в пяти больших томах. Я должен только сказать, что, хотя рассказанная история та же самая, все же маленькая книга не является сокращением большой, а строго повторяет ту же историю, рассказанную заново. Я буду очень рад, если когда-нибудь смогу рассказать ту же историю в третьем, промежуточном масштабе.

Сомерлиз, Уэллс,
5 июня 1880 г..

НОРМАНДСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ АНГЛИИ.

ГЛАВА I.

Введение.

1. Значение нормандского завоевания.—Под нормандским завоеванием Англии мы понимаем серию событий во второй половине одиннадцатого века, в результате которых нормандский герцог был возведен на английский трон и получил возможность передать корону Англии своим потомкам. Нормандское завоевание Англии на самом деле означает гораздо больше, чем простая передача короны от одного принца или одной семьи другой, или даже чем передача короны от принца, родившегося на этой земле, принцу, пришедшему из-за моря. Это означает огромное количество всевозможных изменений, которые с тех пор сделали историю и состояние нашей земли совсем не такими, какими они были бы, если бы Нормандского завоевания никогда не произошло. Ибо нормандский герцог не мог взойти на английский трон, не произведя множества всевозможных изменений в государстве Англии. Но тот факт, что нормандский герцог был возведен на английский трон, является центральным моментом всей истории нормандского завоевания Англии. Эта история должна рассказывать о том, как Вильгельм герцог норманнский стал Вильгельмом королем английским. В нем также должно быть рассказано, как получилось, что нормандский герцог смог стать английским королем; то есть в нем должно быть что-то рассказано о причинах, приведших к нормандскому завоеванию. В нем также должно быть рассказано о изменениях, произошедших в результате того, как нормандский герцог стал английским королем. То есть она должна что-то рассказать о последствиях, последовавших за нормандским завоеванием. И для того, чтобы правильно понять причины Завоевания, это должно кое-что рассказать о положении вещей как среди норманнов, так и среди англичан до того, как произошло нормандское завоевание Англии. И, чтобы правильно понять последствия Завоевания, далее следует рассказать кое-что о временах на некоторое время после самого Завоевания, чтобы мы могли увидеть, каким образом происходили изменения, последовавшие за Завоеванием, и как они повлияли на английскую историю с тех пор.

2. Значение слова Завоевание.—Теперь мы можем немного подробнее спросить, что означает слово *завоевание*, может ли быть больше видов завоеваний, чем одно, и есть ли в нормандском завоевании Англии что-нибудь такое, что похоже или непохоже на любое другое завоевание. Итак, слово *завоевание* строго означает завоевание или получение чего-либо, справедливо или нет, силой или нет. Это может означать, например, завоевание земли, будь то королевство или что-то меньшее, военной силой, или это может означать завоевание ее по приговору закона. И это первое значение слова имеет какое-то особое отношение к нормандскому завоеванию Англии. Ибо, когда короля Вильгельма называли *Завоевателем*, это поначалу не означало, что он завоевал корону Англии силой; ибо он провозгласил ее своей по закону. Но хотя он провозгласил ее своей по закону, фактически ему пришлось завоевывать ее силой; поэтому мы можем с полным правом говорить о *Завоевании* и о *Завоевателе* в том смысле, который сейчас обычно вкладывают в эти слова, а именно о завоевании земли и господстве над ней военной силой. Ибо, хотя герцог Вильгельм по закону претендовал на корону как на свою собственную, он мог получить ее, только войдя в нашу страну с армией и свергнув и убив нашего короля в бою; и когда он получил корону и был назван королем, ему все еще приходилось отвоевывать землю по крупицам, часто в упорных боях, прежде чем он действительно получил в свои руки все

королевство. Таким образом, нормандское завоевание Англии было завоеванием в самом известном значении этого слова; это было завоевание страны военной силой.

3. Различные виды завоеваний. Тот факт, что герцог Вильгельм провозгласил английскую корону своей по закону и все же был вынужден завоевать ее в битве во главе иностранной армии, имел большое отношение к особому характеру нормандского завоевания Англии и к тому эффекту, который это Завоевание оказало на историю Англии с тех пор. В разное время происходили завоевания самого разного рода. Иногда целый народ переходил из одной земли в другую; они насильно селились на земле, где жили другие люди, и убивали или изгоняли людей, которых находили на этой земле, или позволяли им жить как рабам на их собственной земле. Это простая сила без каких-либо претензий на право, и подобное завоевание может произойти только среди совершенно нецивилизованных людей, какими были мы, англичане, когда впервые прибыли на остров Британия. Нормандское завоевание было совсем не похоже на это; англичане не были ни убиты, ни изгнаны, ни обращены в рабство, а продолжали жить на своей земле, как и прежде. Нормандское завоевание было, так сказать, меньшим завоеванием, чем завоевания подобного рода. Но это было гораздо большее завоевание, чем некоторые другие завоевания другого рода. В некоторых завоеваниях более поздних времен все, что происходило, было чем-то в этом роде. Король завоевал королевство силой или добавил несколько новых земель к королевству, которое у него было раньше. Изменения, произведенные таким завоеванием, могут быть лишь тем, что мы можем назвать политическими изменениями, изменениями в правительстве и, скорее всего, в некоторой степени в законе. Такое завоевание может быть осуществлено с очень небольшими изменениями, непосредственно затрагивающими частных лиц; оно может быть осуществлено без изгнания кого-либо из его дома или земли. Действительно, многие люди могут даже сохранить государственные должности, которые они занимали раньше. Итак, нормандское завоевание Англии, хотя и не в такой степени, как другие виды завоеваний, было гораздо большим, чем это. Ибо, хотя английская нация не была убита или изгнана, все же у очень многих англичан отобрали их земли, дома и должности и передали чужакам. Особенно это касалось самых крупных поместий и высших должностей. Они почти полностью перешли к незнакомцам. Дело было не только в том, что иностранный король завоевал английскую корону, но и в том, что его иностранные последователи вытеснили англичан почти на все высшие посты в английском королевстве.

4. Природа нормандского завоевания. Этот особый характер нормандского завоевания Англии, как более чем одного рода завоеваний и менее чем другого, был обусловлен главным образом тем фактом, что принц, претендовавший на английскую корону по закону, на самом деле завоевал ее силой оружия. Никто в Англии не поддержал его притязаний; он должен был добиться успеха во главе иностранной армии. И когда он таким образом завоевал корону, он должен был сразу же обезопасить себя в чужой стране, которую он завоевал, и вознаградить тех, кто помог ему завоевать ее. Поэтому он в значительной степени отобрал земли и должности у англичан, которые воевали против него, и отдал их норманнам и другим чужеземцам, которые сражались за него. Но, поскольку он утверждал, что является королем, правящим в соответствии с законом, он передал им эти земли и должности, которые должны принадлежать английской короне, в соответствии с английским законодательством. Из-за этого и многих других причин произошло то, что потомки норманнов, поселившихся в Англии, шаг за шагом стали, если можно так выразиться, англичанами, если не по крови, то по усыновлению. В течение нескольких поколений после завоевания высшие положения страны, большие

поместья и высшие должности почти всегда занимали люди нормандской или другой иностранной крови. Но всего за несколько поколений эти люди научились говорить по-английски и испытывать чувства англичан. Результатом нормандского завоевания Англии было не подчинение Англии Нормандии и не превращение ее в нормандскую землю. Это обеспечило Англии гораздо более высокое место в мире в целом, чем она занимала раньше. Дома англичан не изгоняли и не превращали в норманнов, но норманны в Англии были превращены в англичан. Но в этой работе по превращению себя в англичан они мало-помалу внесли множество изменений в законы Англии, а также в язык, манеры и мысли англичан.

5. Причины нормандского завоевания. Таким образом, мы увидели, каким трудом было нормандское завоевание Англии по сравнению с другими завоеваниями нашей страны и других земель. Хорошо бы хорошенько разобраться в этом в общих чертах, прежде чем мы начнем подробно рассказывать нашу историю. И прежде чем мы перейдем к рассказу о самом Завоевании, мы должны попытаться ясно понять, что за людьми были и англичане, и норманны в то время, когда норманны пересекли море, чтобы завоевать Англию. Мы должны понять, каковы были истинные причины и каковы были непосредственные поводы, приведшие к событию, которое кажется таким странным, как то, что нормандский герцог объявил, что у него есть право на английскую корону и что он действительно может завоевать ее войной. И чтобы сделать это, мы должны бегло пробежаться по истории как англичан, так и норманнов вплоть до того времени, когда они впервые начали иметь какие-либо отношения друг с другом.

ГЛАВА II.

Англичане и норманны.

1. Английские и нормандские поселения.—Когда норманны пересекли море, чтобы завоевать Англию, англичане гораздо дольше проживали на земле, которая у них называлась Англией, чем норманны на земле, которая у них называлась Нормандией. Именно в пятом веке англичане начали селиться в тех частях острова Британия, которые от них получили название Англии. Но только в начале десятого века норманны поселились в той части материковой Галлии, которая от них получила название Нормандии. Таким образом, англичане жили на своей земле шестьсот лет, в то время как норманны прожили на своей всего около ста пятидесяти лет. Таким образом, англичане в XI веке чувствовали себя в Англии как дома в большей степени, чем норманны в Нормандии. Среди англичан авантюрный дух новых поселенцев исчерпал себя в длительных войнах с валлийцами, которые установили английское владычество в Британии. Но у норманнов этот дух был еще довольно свеж. Их завоевание Англии было лишь одним, хотя и величайшим, из нескольких завоеваний в чужих землях, совершенных норманнами примерно в то же время. Оба были храбры; но храбрость англичан была пассивной, с какой люди защищают свои собственные дома; храбрость норманнов была беспокойной, честолубивой, с какой люди отправляются на поиски нового дома.

2. Англичане в Британии.— Впервые дела Нормандии и Англии стали иметь какое-либо отношение друг к другу примерно за восемьдесят лет до нормандского завоевания Англии. В то время вся Англия была объединена в одно королевство под властью королей дома Западных саксов. В течение примерно ста лет после своей первой высадки англичане основали семь или

восемь главных королевств, не считая небольших государств, за счет валлийцев, заняв все восточные и центральные части Британии. Среди этих штатов четыре выделяются особой важностью, поскольку в разное время казалось, что они могут завоевать главную власть над всеми своими соседями. Это были Кент, Уэссекс, Мерсия и Нортумберленд. Власти Кента рано пришел конец, но долгое время казалось очень сомнительным, к кому из трех других стран перейдет главная власть. Иногда кто-то одерживал верх, а иногда другой. Но, наконец, в начале девятого века западносаксонский король Эгберт завоевал верховную власть над всеми английскими королевствами и над всеми валлийцами в южной части острова. Северные части острова, населенные пиктами, шотландцами и северными валлийцами, оставались вполне независимыми. А в королевствах Англии и южного Уэльса короли продолжали править, хотя западносаксонский король был их *господином*, а они были его *людьми*. То есть, хотя он не имел никакого отношения к внутренним делам их королевств, они должны были следовать за ним в вопросах мира и войны и, во всяком случае, никогда не воевать против него. Задолго до того, как верховная власть таким образом перешла в руки западносаксонских королей, все английские королевства приняли христианство. Кент был первым, кто сделал это; его обращение началось в конце шестого века (597 г.), и вся Англия стала христианской еще до конца седьмого.

3. Датчане в Англии. Вскоре после того, как западносаксонские короли завоевали главную власть над другими английскими королевствами, началась серия событий, которые произвели большие перемены в Англии и которые, по правде говоря, положили начало норманнам как народу. Примерно в это же время народы Скандинавии, датчане и норманны, или норвежцы, начали сначала грабить, а затем обосновываться как в Англии, так и в Галлии. Они все еще были язычниками, такими же, какими были англичане, когда они впервые высадились в Британии. Поэтому их вторжения были более ужасными, и они получали особое удовольствие от разрушения церквей и монастырей. В Англии вся вторая половина IX века посвящена рассказам об их разорении и поселениях. Они обосновались в восточной и северной Англии; на мгновение они захватили Уэссекс, но там были разбиты и изгнаны знаменитым королем Альфредом. Они опрокинули другие английские королевства, так что Уэссекс теперь был единственным независимым английским и христианским королевством. Поэтому Альфред мог обращаться с ними как с единым английским королем. Датский король Гутрум принял крещение, и была проведена граница между его владениями и владениями Альфреда, в результате чего Альфреду достался весь Уэссекс и другие земли к югу от Темзы и вся юго-западная Мерсия. Таким образом, Альфред проиграл как верховный лорд; но его собственное королевство расширилось; а приход датчан, уничтоживших с корнем другие английские королевства, открыл западносаксонским королям путь к завоеванию всей Англии. Это было сделано при преемниках Альфреда, Эдуарде, Этельстане, Эдмунде и Эадредом, в первой половине десятого века. После долгой борьбы все английские королевства были отвоеваны у датчан и объединены в королевство Западных саксов. И короли Англии, как их теперь называли, правили другими королевствами Британии, шотландским и Валлийским.

4. Норманны в Галлии.— Пока это происходило в Британии, нечто во многом аналогичное происходило в Галлии. На протяжении всего девятого века норманны грабили Галлию, плыли вверх по рекам, сжигали города и монастыри, а иногда основывали небольшие поселения тут и там. Но в начале десятого века они основали гораздо более крупное и прочное поселение. Колония норманнов обосновалась в той части Галлии, которая от них получила название Нормандии, и основала там новое европейское государство. Это было в 912 году. Великое

владычество франков при Карле Великом было теперь полностью разделено на четыре королевства. Государство Западных франков, называемое *Каролингией*, потому что несколько его королей носили имя Карл, захватило большую часть Галлии. Корона не раз оспаривалась между королями из дома Карла Великого, который правил в Лане, и герцогами французскими, столицей которых был Париж, и чье герцогство *Франция* было величайшим государством Галлии к северу от Луары. Некоторые из этих герцогов сами носили корону, а когда этого не делали, то были гораздо могущественнее королей Лаона. Но независимо от того, правил ли король в Париже или в Лане, принцы к югу от Луары, хотя и называли себя его людьми, обращали на него очень мало внимания. Теперь, когда королевство находилось в Лаоне, король был довольно далеко от пути захватчиков, пришедших морем; но ни одна часть Галлии не была более уязвимой, чем герцогство Франция, с его протяженным побережьем на Ла-Манше и с устьем реки Сены, прокладывающей дорогу для северян до Руана и Парижа. В девятом веке Париж несколько раз подвергался осадам; и теперь, в начале десятого, берега Галлии, особенно северное побережье, были разорены великим пиратским предводителем по имени Рольф, называемым по-латыни *Ролло*, а по-французски *Ру*, который овладел Руаном и, казалось, намеревался обосноваться на этой земле.

5. Поселение Рольф.— В это время королевством Западно-франков владел Карл, прозванный Простым, который правил в Лаоне. Роберт, герцог Французский, был его человеком, но человеком гораздо более могущественным, чем его господин. Но ни один принц в Галлии не пострадал так сильно от опустошительных действий Рольфа. Итак, король Карл и герцог Роберт согласились, что лучше всего было бы сделать то же, что Альфред сделал с Гутрумом, - предоставить Рольфу часть земли как свою собственную, если он примет крещение и будет владеть ею как человек короля. Итак, Рольфа крестили вместе с герцогом Робертом в честь его крестного отца, и он взял его имя при крещении, хотя его по-прежнему обычно называли Рольфом. И он получил город Руан и земли от Эпте до Дайва в качестве феода от короля Карла и стал его человеком. Итак, Рольф и его последователи поселились на земле, которую они называли *Землей норманнов*, а впоследствии герцогством Нормандия. Во времена самого Рольфа он был расширен за счет добавления города Байе и его территории, а во времена его сына Уильяма Длинного Меча - за счет присоединения полуострова Кутанс, называемого *Котантен*, и земли Авранш к югу от него. Нормандские герцоги также претендовали на то, чтобы быть лордами графств Британия и Мэн; но они так и не смогли по-настоящему укрепить там свою власть. Но все северное побережье герцогства Франции теперь стало герцогством Нормандия. Париж и его принц, иногда король, иногда всего лишь герцог, были совершенно отрезаны от моря землями нормандских герцогов в Руане.

6. Ранние нормандские герцоги.— Это положило начало вражде между Нормандией и Францией, которая, когда одни и те же князья стали править Англией и Нормандией, переросла в длительные войны между Францией и Англией. Принцы и народ Франции никогда не забывали, что они потеряли великий город Руан и всю прекрасную землю Нормандии. Но король Карл в Лане выиграл оттого, что французское герцогство было таким образом ослаблено и разрезано надвое. Он тоже выиграл, потому что, когда Рольф поклялся быть его человеком и хранить ему верность, он действительно сдержал свою клятву. Ибо, когда сначала герцог Роберт Французский (922), а затем герцог Рудольф Бургундский (923) восстали против короля Карла и стали королями вместо него, и Рольф, и его сын Уильям после него прилепились к господину, которому Рольф впервые присягнул. Рольф тоже хорошо правил своей землей и расправлялся с ворами и убийцами, так что ходили слухи, что он повесил драгоценный камень

на дерево, и ни один человек не осмелился его взять. При нем и его сыне Уильяме Длинном Мече (927-943) большинство норманнов постепенно стали христианами, отказались от своего скандинавского языка и научились говорить по-французски. К концу правления Вильгельма в Руане говорили только по-французски; но в землях к западу, которые были завоеваны совсем недавно, люди все еще говорили по-датски, и многие по-прежнему поклонялись богам Севера. Эта языческая и датская партия не раз восставала, и после смерти герцога Вильгельма они даже на некоторое время завладели молодым герцогом Ричардом и заставили его присоединиться к их языческому богослужению. Примерно в то же время в Котантене были созданы новые поселения с Севера. Но герцог Ричард вскоре перешел на сторону Гуго Великого, герцога Французского; то есть он стал его человеком, а не человеком короля. В течение оставшейся части его правления герцогства Франция и Нормандия находились в тесном союзе, и Ричард приложил главную руку к передаче королевства Гуго Капету, сыну Гуго Великого.

7. Манеры норманнов.—Тогда, во время правления Ричарда, норманны все больше и больше становились французами в своем языке и манерах. И более того, именно с их помощью корона Каролингии была отнята у немецких королей в Лаоне и передана французским королям в Париже. Таким образом, герцоги Франции стали королями Франции, и по мере того, как они расширяли свою власть, название их герцогства *Франция* постепенно распространилось почти на всю Каролингию и на большую часть остальной Галлии. Во времена следующего герцога, Ричарда Доброго (996-1026), в Нормандии произошло крупное восстание крестьян. Скорее всего, они были в основном кельтского происхождения, в то время как все крупные землевладельцы были норманнами. И еще об этом герцоге замечено, что он начал проводить новые различия между своими подданными и не желал видеть рядом с собой никого, кроме *джентльменов*. Это почти первый раз, когда мы слышим это слово. Крестьяне были подавлены, и джентльмены одержали верх. Теперь норманны совершенно изменили образ жизни своих северных предков. Из моряков они превратились в лучших наездников в мире. Нормандский джентльмен верхом на коне, со щитом, похожим на воздушного змея, длинным копьем, а иногда и с мечом или булавой, становился лучшим из всех воинов своего рода. И теперь, когда они полностью обосновались на своей земле, норманны начали, вполне в духе своих предков, хотя и в другом одеянии, разъезжать по всему миру в поисках сражений везде, где предстояло сражаться. Часто религиозное рвение смешивалось с любовью к сражениям. Некоторые отправились помогать христианам Испании против сарацин, а другие, позже в том же столетии, отправились помогать восточным императорам против турок. Но их величайшие подвиги из всех были совершены на двух величайших европейских островах, одном из величайших в Средиземном море, другом - в океане, на Сицилии и в Британии.

8. Норманны в Италии и на Сицилии.—Вскоре мы перейдем к их действиям на нашем собственном острове. Но следует отметить, что нормандское завоевание Англии, без сомнения, было в значительной степени вызвано подвигами норманнов в южной Италии и на Сицилии. Они продолжались почти весь одиннадцатый век, но начались при Ричарде Добром. Это были предприятия не нормандских герцогов и никоим образом не нормандского государства, а частных нормандских джентльменов, которые отправились на поиски своей удачи. Они основали не одно княжество в южной Италии, но самым известным поселением было поселение, основанное сыновьями простого нормандского дворянина по имени Танкред из Отевиля. Они завоевали всю южную Италию, положив конец владычеству Восточных императоров, и добились, чтобы папа наделил их тем, что они завоевали. Затем Роберт

Вискард, сын Танкреда, стал герцогом Апулии. Затем он продолжил атаковать Восточного императора за Адриатикой и фактически некоторое время удерживал там Дураццо и другие владения. Оттуда он вернулся, чтобы помочь папе против западного императора Генриха Четвертого, так что он победил обоих императоров за один год. Его брат Рожер, частично с его помощью, отвоевал у магометан всю Сицилию. Его называли только Великим графом; но его сын, другой Рожер, стал первым королем Сицилии. Все это началось до нормандского завоевания Англии и продолжалось в то же время. Мы говорим об этом здесь, чтобы показать, какими людьми были норманны одиннадцатого века. Когда частные лица могли основывать герцогства и королевства и обращать императоров в бегство, мы действительно могли ожидать великих свершений всякий раз, когда нормандский герцог во главе всего своего народа выступал со всей своей силой.

9. Датское завоевание Англии. Между тем датские вторжения в Англию, которым был положен конец великими королями, последовавшими за Альфредом, снова начались в последние двадцать лет десятого века и продолжались тридцать шесть лет (980-1016), пока Англия не была полностью завоевана. Но это были вторжения иного рода, чем более ранние датские вторжения. В девятом веке и Англия, и Дания все еще состояли из различных поселений, более или менее обособленных друг от друга, и та или иная партия датских авантюристов приезжала оседать в ту или иную часть Англии. Но в течение десятого века Дания, как и Англия, была объединена в одно королевство; и вторжения теперь приняли форму предприятия короля всей Дании, пытающегося завоевать корону всей Англии. Но, хотя Англия теперь была объединена под властью одного короля, ее различные части еще не были полностью спаяны воедино, и ей нужен был великий король, чтобы заставить все силы королевства действовать сообща. В первой половине десятого века в Англии были такие великие короли; но когда датские вторжения начались снова, у нее был король, Этельред, совсем другого рода. Его имя означает "*благородный рече*" или "советник", но люди называли его "*Неготовый*" или "человек без рече". Ибо, хотя у него иногда случалось то, что мы могли бы назвать приступами энергии, обычно они были не к месту; и за время его долгого правления лишь однажды, ближе к самому концу, он вообще проявил себя как национальный лидер в борьбе с врагом. Обычно датчане высаживались в том или ином месте; затем, если у людей этого удела был храбрый предводитель, с ними завязывался хороший бой; но общего сопротивления не было. Король больше думал о том, чтобы дать датчанам денег на отъезд, чем о том, чтобы сражаться с ними. И, конечно, это только заставило их прийти снова за новыми деньгами. Таким образом, опустошалось одно графство за другим; земля постепенно ослабевала, пока датчане не смогли маршировать, где им заблагорассудится, даже во внутренних районах страны. Наконец, в 1013 году датский король Свен или Свеген смог покорить всю Англию, и заставить англичан признать его королем. Королю Этельреду пришлось бежать с земли и искать убежища за морем. И его жене и ее детям пришлось искать убежища за морем вместе с ним. К этому времени история Нормандии и история Англии начинают сливаться в одно целое. Ибо жена Этельреда была нормандкой, и земля, в которой он и она искали убежища, была ее собственной землей в Нормандии. Поэтому теперь мы должны немного вернуться назад в нашей истории и посмотреть, как норманны и англичане уже привыкли иметь дело друг с другом, как на войне, так и в мирное время.

ГЛАВА III.

Ранние отношения между англичанами и норманнами.

1. Ранние отношения между Англией и Галлией.—До десятого века англичане имели очень мало общего со своими соседями в Галлии. Английские короли обычно женились на дочерях других английских королей или, после того как осталось только одно королевство, на дочерях своих собственных великих людей. Английским королям было несколько более свойственно отдавать своих дочерей за иностранных королей, но даже это случалось не очень часто. Но во времена Эдуарда Старшего и его сына Этельстана несколько дочерей Эдуарда были замужем за главными принцами Западной Европы. Среди них одна вышла замуж за короля Карла Ланского, а другая - за герцога Гуго Парижского. Таким образом, король Людовик, сын Карла, был сыном сестры английских королей Этельстана и Эдмунда. Они играли определенную роль в делах Галлии от имени своего племянника, и, поскольку Льюис был врагом норманнов, возможно, что некоторая неприязнь между англичанами и норманнами началась так рано. Но открытой ссоры не было до последних лет десятого века, когда Этельред был королем Англии и когда долгое правление Ричарда Бесстрашного в Нормандии подходило к концу.

2. Первая ссора между Англией и Нормандией.— Впервые отчетливо зафиксировано, что англичане и норманны встретились как враги, во время ссоры, возникшей из-за датского вторжения в Англию. В 991 году король Этельред и герцог Ричард поссорились, и папа Иоанн Пятнадцатый сделал их друзьями. Поводом для ссоры, по-видимому, послужило то, что датчанам разрешили продавать награбленное в Англии в нормандских гаванях. Примерно девять лет спустя мы слышим о другой ссоре. Нормандские писатели говорят, что Этельред послал флот с приказом опустошить всю страну и привести герцога Ричарда к себе со связанными за спиной руками. Затем они рассказывают нам, что английский флот действительно высадился в Котантене, но был отброшен местными мужчинами с помощью женщин без какой-либо помощи со стороны герцога Ричарда. Нам не нужно верить этим деталям, так же как нам не нужно верить деталям многих других историй тех времен; но у этой истории должна быть какая-то основа. Во всяком случае, нет никаких сомнений в том, что Этельред в 1002 году женился на Эмме, дочери герцога Ричарда. Скорее всего, это было тогда, когда был заключен мир, и некоторые говорят, что Этельред сам отправился в Нормандию, чтобы привезти домой свою невесту.

3. Брак Этельреда и Эммы.— Этот брак знаменует собой один из главных этапов событий, приведших к Нормандскому завоеванию. Во-первых, как мы уже видели, для английского короля было необычно жениться на иностранке. За все время пребывания англичан в Британии это, насколько нам известно, произошло всего дважды. Это одна из многих вещей, которые показывают, что Англия теперь стала иметь больше общего с чужими землями, чем раньше. Во-вторых, благодаря этому браку норманны и другие франкоговорящие люди впервые начали селиться в Англии и занимать английские должности. Теперь Эмма стала леди Англии, ибо по обычаю западносаксонцев жену короля звали не *королевой* а *Леди*, и она сменила свое имя с иностранного Эмма на английское Эльфгифу. Как жена короля, она получила подарок от своего мужа. Этот подарок состоял из земель и городов, и среди них город Эксетер. Здесь Леди назначила своим управляющим некоего Хью, которого англичане называют французским мужланом. Когда датчане напали на Эксетер в 1003 году, Хью, если он на самом деле не предал город, по крайней мере, плохо оборонялся, и Эксетер был взят. Таково было начало

нормандского правления в Англии. В-третьих, впервые в западносаксонском доме дети короля были наполовину чужими по рождению, а то, что последовало за этим, сделало их чужаками еще более основательными. И в-четвертых, правящие дома Англии и Нормандии теперь стали родственниками друг другу, и именно это впервые натолкнуло герцога Вильгельма на мысль, что он, возможно, унаследует трон своих английских родственников.

4. Брак Кнута и Эммы.—Эмма, нормандская леди, теперь становится очень важной персоной в английской истории. Она была женой двух королей и матерью двух королей. Ее первому мужу Этельреду не пришлось долго оставаться в изгнании в Нормандии. На следующий год умер датский король Свеген. Затем датчане выбрали его младшего сына Кнута или Канута королем Англии, в то время как его старший сын Гарольд правил Данией. Последовала война между Кнутом и Этельредом, в которой Этельред, наконец, проявил немного духа, но великим лидером на стороне англичан был его сын Эдмунд по прозвищу Айронсайд. Он был сыном не Эммы, чьи дети, Альфред, Эдвард и Годжифу, были еще совсем маленькими, а более ранней жены Этельреда. Затем, в начале 1016 года, умер Этельред. Теперь многие англичане считали, что лучше всего признать Кнута королем; поэтому он был выбран на собрании в Саутгемптоне, в то время как Эдмунд был выбран на другом собрании в Лондоне. Англичане постепенно присоединились к Эдмунду; он был сильным и храбрым капитаном, совсем не похожим на своего отца; за год было проведено шесть сражений; Лондон трижды осаждался Кнутом; но в последней битве при Ассандуне в Эссексе Эдмунд потерпел поражение из-за измены своего шурина Эдрика. Тем не менее, он был настолько могуществен, что было решено разделить королевство: Кнут будет править на Севере, а Эдмунд - на Юге. Но не прошел и года, как Эдмунд умер, и многие думали, что Эдрик, а некоторые и Кнут, стали причиной его смерти. Затем, на Рождество 1016-1017 годов, Кнут был в третий раз избран королем всей Англии, и одной из первых вещей, которые он сделал, было послать в Нормандию за овдовевшей леди Эммой, хотя она была на много лет старше его. Она приехала; она вышла замуж за нового короля и снова стала леди Англии. Она родила Кнуту двоих детей, Хартакнут и Гунхильд. Трое ее детей от Этельреда остались в Нормандии. Кажется, она совсем не заботилась ни о них, ни о памяти об Этельреде; вся ее любовь перешла к новому мужу и новым детям. Так получилось, что дети Этельреда выросли в Нормандии и испытывали чувства скорее норманнов, чем англичан, что опять же очень помогло нормандскому завоеванию.

5. Правление Кнута.—Хотя Кнут пришел как иностранный завоеватель, все же он правил как английский король. Его выбрали, когда он был совсем молодым; Англия была его первым королевством; и, хотя вскоре он унаследовал королевство Дания, а затем завоевал Норвегию, все же Англия всегда была той землей, которую он любил больше всего. Он начал резко, изгоняя или предавая смерти всех, кого считал хоть сколько-нибудь опасным, особенно тех из родственников Этельреда, до кого мог добраться. Двое сыновей Эммы были в безопасности в Нормандии, возможно, в большей безопасности со своим дядей герцогом Ричардом — то есть Ричардом Добрым, сыном Ричарда Бесстрашного, который правил с 996 по 1026 год, — чем они были бы со своей матерью в Англии. Но когда Кнут полностью утвердился на троне, он прекратил эту жестокость; он правил англичанами по их собственным законам и постепенно избавился от датчан, которые пришли с ним и которым он дал графства и другие высокие должности. Теперь эти места снова были отданы англичанам, и главным среди них был Годвин, граф Западных саксов. При Кнute Англия стала центром великой Северной империи, какой не было ни до, ни после. Его отец Свеген был крещен в детстве, но он отверг христианство и снова стал язычником. Поэтому его сын Кнут был воспитан как язычник, но он был крещен еще

молодым человеком по имени Ламберт, хотя его всегда звали Кнут, точно так же, как Рольфа всегда называли Рольфом, а не Робертом. Он совершил паломничество в Рим и был там с большим почтением принят папой римским и императором Конрадом, который прибыл на коронацию, пока он был там. Все его войны были на Севере, в Шотландии, Норвегии и Швеции. Он всегда был в хороших отношениях с герцогом Ричардом Нормандским; но ситуация в этом отношении изменилась до конца правления Кнута. Когда Ричард Добрый умер, ему наследовал его сын Ричард Третий, который правил всего два года. Затем, в 1028 году, родился его другой сын Роберт, который известен во многих отношениях, но, возможно, больше всего тем, что был отцом Вильгельма Завоевателя Англии.

6. Герцог Роберт и английские этельинги.— Кажется, нет никаких сомнений в том, что Кнут и Роберт поссорились в каком-то роде, но история рассказывается по-разному, и нелегко разобрать точную правду. Но, похоже, Роберт женился на сестре Кнута Эстрид, а затем выгнал ее. По-видимому, до этого она была замужем за датским графом Ульфом, который был казнен Кнутом, и она была матерью Свегена, названного в честь своего *Эстритсона*, который впоследствии стал королем датчан и который также сыграл большую роль в английской истории. Северные писатели рассказывают несколько диких историй о Кнute, вторгшемся в Нормандию и погибшем при осаде Руана; но совершенно точно, что он тихо скончался в Шафтсбери в 1035 году. Но представляется вероятным, что Роберт, хотя на самом деле он никогда не вторгся в Англию, все же был готов сделать это. Он играл большую роль в делах соседних государств, и ему, по-видимому, было особенно приятно возвращать обездоленных князей в их владения. Таким образом, он восстановил Балдуина графом Фландрии, а своего собственного сеньора Генриха королем Франции. Поэтому весьма вероятно, что он, прежде всего, если у него возникнут какие-либо разногласия с Кнутом на других основаниях, попытается вернуть домой своих двоюродных братьев, английских *этельингов* или сыновей короля, Альфреда и Эдуарда, и посадить одного из них на английский трон. Говорят, что он собрал флот и отправился в путь, но ему помешал ветер, и его отбросило к побережью Британии, где он едва не поссорился с правящим графом Аланом. Итак, вместо того, чтобы завоевать великую Британию, частью которой является Англия, все, что он сделал, - это разграбил малую Британию в Галлии. Но, без сомнения, эта попытка герцога Роберта заставила бы говорить в Нормандии о вторжении в Англию как о чем-то возможном и, возможно, особенно помогла бы вбить это в голову его сыну Вильгельму.

7. Вторая попытка Этельингов.—О восшествии на престол и молодости Вильгельма мы поговорим подробнее чуть позже. Сейчас достаточно сказать, что Кнут и Роберт умерли почти в одно и то же время. После смерти Кнута английское королевство снова было разделено, как это было раньше, между Эдмундом и Кнутом. Граф Годвин и западные саксы хотели сохранить все королевство за сыном Эммы Хартакнутом, который уже правил Данией при своем отце. Но было постановлено, что Хартакнуту достанется только Уэссекс, а остальная Англия, вместе, по-видимому, с верховенством над всеми, перейдет к Гарольду, который, как говорили, был сыном Кнута от англичанки по имени Эльфгифу. Но Хартакнут остался в Дании, и его английским королевством правила его мать Эмма, а Годвин был ее министром. Таким образом, мы, кажется, приближаемся к нормандскому завоеванию, когда нормандская леди правила Уэссексом. А теперь начинается история, которая древними авторами излагается в самых противоположных выражениях. Несомненно, что один или оба английских этельинга, Альфред и Эдуард, предприняли еще одну попытку заполучить английское королевство, что Альфред попал в руки Гарольда, что ему выкололи глаза по приказу Гарольда, и что вскоре после этого он умер. Но что

касается всех деталей этой истории, то здесь нет ничего, кроме противоречий. Некоторые говорят, что Эдуард вторгся в Англию с нормандским флотом и выиграл битву под Саутгемптоном, но уплыл, больше ничего не предприняв. Другие ничего не говорят об Эдварде и говорят только об Альфреде. И многие верили, что граф Годвин предал Альфреда Гарольду, хотя те, кто так говорит, похоже, забыли, что Годвин был министром Хартакнута. Некоторые также говорят, что с Альфредом был большой отряд норманнов, и что они были преданы смерти различными жестокими способами. Главное для нашей цели - это то, что в Нормандии полностью верили, что либо сам Годвин, либо английский народ во главе с Годвином предал и убил Этельинга, родственника нормандского герцога. Так что это было ценно как повод для мести английской нации в целом и Годвину в первую очередь.

8. Эмма и Эдуард.—Следующее, что произошло в Англии, вряд ли понравилось норманнам намного больше. Ибо западным саксам надоело ждать своего короля Хартакнута, который все время оставался в Дании; поэтому в 1037 году они оставили его и выбрали Гарольда королем Уэссекса, а также остальной Англии. Первое, что сделал Гарольд, это изгнал леди Эмму со своей земли. Она отправилась не в Нормандию, а во Фландрию, потому что Нормандия как раз тогда, как мы сейчас увидим, была полна смятения. Но в 1040 году Гарольд умер, и Хартакнут был избран королем всей Англии. Таким образом, у Англии был король, который по материнской линии был нормандского происхождения. Эмма вернулась, и Хартакнут послал за своим сводным братом Эдуардом, чтобы тот приехал из Нормандии и жил при его дворе. И Эдуард привез с собой французского племянника, своего и Хартакнута. Это был Ральф, сын их сестры Годжифу или Года, дочери Этельреда и Эммы, которая была замужем за французским принцем Дрого, графом Мантийским. Так распространялось иностранное влияние, нормандское и французское. Другая их сестра Гунхильд, дочь Кнута и Эммы, была замужем за королем Германии Генрихом, впоследствии великим императором Генрихом Третьим. Хартакнут, как и его брат Гарольд, правил недолго и умер в 1042 году. Тогда англичане сказали, что с них хватит чужих королей и что они хотели бы иметь короля старого рода. Сейчас в живых осталось только два человека из этого рода. Эдмунд Айронсайд оставил двух маленьких сыновей-близнецов, Эдмунда и Эдварда, которых отправили за море во времена Кнута. Один из них, Эдмунд, умер, но Эдвард жил далеко, в Венгрии. По современным законам он был бы законным наследником, как сын старшего брата. Но в те дни считалось достаточным выбирать внутри королевского дома, не задумываясь о каких-либо конкретных правилах наследования. Поэтому никто не подумал об Эдуарде, который был далеко, в Венгрии, и Мудрецы — великие люди страны в своем собрании — выбрали Эдуарда, который был под рукой, сына Этельреда и Эммы. Некоторые выступали за выбор другого датского короля, Свегена, сына сестры Кнута Эстрид. Впоследствии Свеген очень мудро правил Данией, и, возможно, действительно было бы лучше выбрать именно его. Но все были настроены в пользу короля старинного английского происхождения, поэтому был выбран Эдуард.

9. Король Эдуард.—С избранием Эдуарда связь между английскими и нормандскими делами становится еще теснее; мы могли бы почти сказать, что нормандское завоевание началось в его время. Люди думали, что, выбрав Эдуарда, английский королевский дом был восстановлен в правах на корону; но на самом деле это было все равно, как если бы был выбран нормандский король. В Хартакнате было столько же нормандской крови, сколько и в Эдуарде, но он вырос не в Нормандии; его чувства и повадки были датскими. Но чувства и повадки Эдуарда были полностью норманнскими. То, что он был сыном матери-норманнки, не имело к этому особого отношения, поскольку между матерью и сыном не было большой любви. Эмма совершенно

пренебрегала своими детьми от Этельреда и, кажется, даже была против избрания Эдуарда. Он недолго был королем, прежде чем отобрал все ее сокровища. Что действительно делало Эдварда скорее нормандцем, чем англичанином, так это то, что он с детства жил в Нормандии и завел там много друзей, и главным образом своего юного кузена герцога Вильгельма. Ему нравилось говорить по-французски и окружать себя франкоговорящими людьми, особенно нормандскими церковниками, которым он отдавал английские епископства и другие высокие предпочтения. Он также раздавал поместья и должности норманнам и другим франкоговорящим мирянам, насколько это было возможно; но король не мог раздавать великие светские должности в такой степени по своему усмотрению, в какой он мог раздавать великие места Церкви. Он не мог отдать ни того, ни другого без согласия своих Мудрецов; но Мудрецы были более готовы позволить иностранному епископу, чем иностранному графу. Итак, хотя в правление Эдуарда мы находим несколько франкоговорящих епископов и аббатов, мы находим только одного франкоговорящего графа. Это был племянник короля Ральф, сын Годжифу. Из более мелких людей, как духовенства, так и мирян, многие владели бенефициями и поместьями. Особенно это было заметно в первую часть правления Эдуарда, которая была главным образом временем борьбы между английским и иностранным влиянием в стране.

10. Король Эдуард и граф Годвин.—Эдуард был набожным и доброжелательным человеком. Со своей любовью к иностранцам он едва ли мог что-либо поделать; его главным недостатком были время от времени приступы страсти, во время которых он иногда отдавал необдуманные и жестокие приказы. Но в этих случаях его, по-видимому, обычно заводили его любимцы. В остальном он был удивительно свободен от жестокости или любых других распространенных пороков своего времени. Таким образом, будучи действительно хорошим и благочестивым человеком, которого почитали и норманны, и англичане, на него очень рано смотрели как на святого и считали, что он творит чудеса. Но он был слабым человеком и совершенно не годился для управления своим королевством. Первые девять лет его правления были одной долгой борьбой за то, должны ли Англией править иностранные фавориты короля или английский граф Годвин. Годвин вместе со своим другом епископом Лифингом приложили главную руку к избранию Эдварда, и это притязание на благодарность короля сделало его еще более первым человеком в королевстве, чем он был раньше. Король женился на своей дочери Эдит, и его сыновья постепенно получили графские титулы, некоторые из них были еще очень молоды. Годвин, вне всякого сомнения, был англичанином, который любил свою землю и народ; но он слишком заботился о себе и о своих детях. Выдавая свою дочь замуж за короля, он, без сомнения, рассчитывал, что его собственный внук будет носить корону; но у Эдуарда не было детей, и, по крайней мере, в начале своего правления, он, похоже, не испытывал особой любви к своей жене. И объединение многих графств в одном доме графа западносаксонского оскорбило не только норманнов, но, по-видимому, графов и народ остальной Англии. Таким образом, эти первые годы правления Эдварда рассказывают нам историю как о могуществе Годвина, так и о его падении.

11. Графства.—Здесь будет полезно объяснить, кто были главными людьми Англии в то время и какими графствами они владели. В то время графство было не просто рангом или титулом, а означало управление одним или несколькими графствами, над которыми граф был поставлен властью короля и его Мудрых людей. Теперь существовало четыре главных графства, подчинявшихся четырем величайшим из древних королевств: Уэссексу, Мерсии, Нортумберленду и Восточной Англии. Эти четверо были всегда; но были и другие, и графства часто отбирались у одного графства и передавались другому, как считалось в то время

правильным. Прежде всего, мерсийские графства, расположенные в центре Англии, очень часто передавались из рук в руки от одного графа к другому. Когда Эдуард был избран, Годвин был графом Вест-саксов, то есть всей Англии к югу от Темзы. Сивард, знаменитый датчанин, был графом Нортумбрии, то есть всей Англии к северу от Хамбера и Риббла, а также Нортгемптоншира и Хантингдоншира. Леофрик был графом Мерсии, но под его непосредственным правлением находилась только западная часть Мерсии. Кто был графом Восточных Англов, мы не знаем. Кроме них, были и другие графы, которые владели одним или несколькими графствами, по-видимому, подчинявшимися великим графам; и когда эти графства поменьше опустели, нашлось место как для друзей короля, так и для семьи Годвинов. Таким образом, племянник короля Ральф стал графом сначала Вустера, а затем Херефорда. И Годвин очень скоро получил графства для своих старших сыновей Свегена и Гарольда, а также для племянника своей жены Беорна, брата датского короля Свегена. У Свегена было правительство странной формы, включавшее Сомерсет, Глостершир, Херефордшир, Беркшир и Оксфордшир. Гарольд владел Восточной Англией; Беорн владел всей восточной Мерсией, за исключением Нортгемптоншира и Хантингдоншира. Таким образом, власть Годвина и его дома была очень велика; но, возможно, она была поколеблена преступлениями его старшего сына Свегена, который убил своего двоюродного брата Беорна. За это он был изгнан, но впоследствии был восстановлен в своем графском титуле.

12. Нормандское влияние в Англии. То, как Годвину приходилось бороться против любви короля к чужеземцам, показано, как мы уже говорили, при назначении епископств и других важных должностей в Церкви. В начале его правления, в 1044 году, лондонский престол был передан Роберту, аббату Жюмьежа в Нормандии, и это был первый случай, когда английским епископством управлял франкоговорящий мужчина. Роберт обладал огромной властью над королем, которую он использовал против англичан и особенно против Годвина. Наконец, в 1051 году Роберт сам стал архиепископом Кентерберийским; другие епископства были переданы норманнам, а нормандские клерки и рыцари владели бенефициями и поместьями в различных частях королевства. Но король не рискнул дать графство ни одному норманну или иностранцу, кроме своего собственного племянника Ральфа. Одним из способов, который норманны принесли с собой, было строительство *замков*. Англичане использовались для укрепления городов, а их короли и другие высокопоставленные лица жили в *залах*, часто на вершинах курганов и огороженных частоколом. Но теперь норманны начали строить *замки*, то есть либо крепкие квадратные башни, либо крепкие каменные стены, венчающие курганы. Оттуда они могли угнетать народ разными способами, и писатели того времени всегда говорят о строительстве замков с некоторым содроганием.

13. Изгнание Годвина.— Назначение Роберта архиепископом знаменует собой время, когда у норманнов все было по-своему. Примерно в это же время шурин короля, граф Юстас Булонский, приехал нанести ему визит. Возвращаясь домой, он и его сторонники въехали в город Дувр и попытались расположиться в домах, где им заблагорассудится. Последовала драка, в которой несколько человек были убиты с обеих сторон. Затем граф поехал обратно и рассказал королю, как дерзко обошлись с ним жители Дувра. Тогда Эдуард впал в один из своих приступов гнева и приказал Годвину отправиться и опустошить Дувр огнем и мечом. Но Годвин сказал, что он не сделает ничего подобного; он ничего не сделает никому в своем графстве, кроме как в соответствии с законом; жители Дувра должны быть законно судимы перед Мудрецами, и, если

они будут признаны виновными в каком-либо преступлении, они должны быть законно наказаны. Пока все это происходило в Кенте, из Херефордшира также донесся крик о деяниях неких тамошних норманнов, Ричарда и его сына Осберна, которые построили замок под названием *Замок Ричарда* и сильно притесняли народ. И в то же самое время архиепископ и другие норманны настраивали короля против Годвина сильнее, чем когда-либо, и вспоминали старую историю о его брате Альфреде. Поэтому Годвин и его сыновья собрали мужчин своих графств и потребовали, чтобы король выдал иностранцев, в том числе графа Юстаса, для законного суда. Эдуард собрал силы остальной части королевства под командованием графов Сиварда, Леофрика и Ральфа и приготовился к войне. Соответственно, западные саксы и восточные англй двинулись на Глостер, где находился король; но настоящей войне воспрепятствовал Леофрик, и было решено, что все вопросы будут рассматриваться на собрании в Лондоне. Король прибыл туда с армией. Собрание собралось; объявление Свегена вне закона было возобновлено; Годвина и Гарольда вызвали на суд как преступников. Поскольку они отказались приехать без охранной грамоты, их объявили вне закона. Гарольд и Леофвин нашли убежище в Ирландии, Годвин и остальные члены семьи - во Фландрии. Жена короля, леди Эдит, осталась в Англии, но ее лишили королевского сана и отправили в монастырь Уэруэлл. Теперь у норманнов на какое-то время все было по-своему. Они подумали, что герцогу Вильгельму самое время приехать и нанести визит своему двоюродному брату королю. Уильяму сейчас было около двадцати трех лет, и его называли герцогом с тех пор, как он был семилетним ребенком. Теперь мы вернемся назад и посмотрим, что происходило в Нормандии в эти первые годы его правления.

ГЛАВА IV.

Юность герцога Вильгельма.

1. Рождение и восшествие на престол герцога Вильгельма.— Мы уже говорили о герцоге Роберте и о том, как он пытался вернуть своих кузенов Этельингов в Англию. Ближе к концу своего правления герцог Роберт решил отправиться в паломничество в Иерусалим, чтобы помолиться у гробницы Христа и получить прощение своих грехов. Перед отъездом он хотел решить вопрос о наследовании своего герцогства на случай, если ему суждено погибнуть в столь долгом и опасном путешествии. У него не было законных детей, и было совершенно неясно, кто из его родственников имел наибольшее право стать его преемником. Итак, после некоторых трудностей ему удалось убедить мудрецов Нормандии признать своим будущим герцогом его маленького сына Вильгельма, которого, поскольку его родители никогда не были женаты, звали Вильгельмом Бастардом, пока он не завоевал право называться Вильгельмом Завоевателем и Вильгельмом Великим. Уильям родился до того, как его отец стал герцогом, в то время как он был всего лишь графом земли Хисмес, столицей которой был Фалез, город на скалах, где у графа Роберта был замок. Там до сих пор стоит знаменитый замок, но он появился несколько позже времен Вильгельма, и он, конечно, родился не в нем. Но нет никаких сомнений в том, что Уильям родился в Фалезе и что его мать Херлева была дочерью кожевника из этого города, которого Роберт впоследствии сделал своим камергером. У Херлевы также была дочь Аделаида от герцога Роберта, и после его смерти она вышла замуж за рыцаря по имени Херлвин из Контевиля, которому родила двух сыновей, Одо и Роберта, сводных братьев Уильяма,

которые играют большую роль в нашей истории. Уильям нисколько не стыдился своего низкого происхождения по материнской линии и, став герцогом, воспитал ее сыновей в почете. Поскольку он не был законным сыном герцога Роберта, он не имел права наследовать престол в соответствии с современным законодательством; но правила наследования в то время вообще не были установлены, и норманны, прежде всего, мало думали о законном браке и рождении в таких вопросах. Главным возражением против признания Уильяма будущим герцогом было то, что он был всего лишь ребенком, около семи лет, так что, если бы его отец умер, пока его не было, он не смог бы управлять страной. Но герцог Роберт сказал: “Он маленький, но он вырастет”, и, наконец, мудрецы Нормандии поклялись ему. Затем Роберт отправился в свое паломничество и не вернулся. Он умер по пути домой, в 1035 году, далеко от своей родины, в Никее в Азии, где во времена Константина проходил знаменитый Церковный собор, и был похоронен там.

2. Детство Уильяма.— Это было после того, как Уильям стал герцогом, но еще до того, как он стал взрослым мужчиной, Этельинг Альфред пришел к своему печальному концу в Англии, и Этельинг Эдвард был избран там королем. Мы не можем сказать, какое личное отношение имел Уильям к тому или иному вопросу. Он приехал в свое герцогство ребенком, но его детство и юность были такими, которые очень рано сделали его мужчиной, причем сильным и мудрым. Нормандской знатью было очень трудно управлять в любое время, и когда принц был ребенком, они делали все, что хотели. Они всегда сражались друг с другом, а иногда и убивали друг друга с помощью хитрости. И они всегда бунтовали против своего молодого герцога, а иногда и покушались на его жизнь. Ибо следует помнить, что они вовсе не желали видеть своим господином сына Херлевы, и было несколько родственников герцога Роберта, которые считали, и, по нашим представлениям, справедливо, что у них больше прав на герцогство, чем у Вильгельма. У молодого герцога были хорошие и верные опекуны, но несколько из них были убиты. Короче говоря, страна находилась в состоянии полного замешательства. И теперь, когда Нормандия была разделена и слаба, старая дружба с Францией начала рушиться, и французы и их короли снова начали вспоминать, что поселение норманнов отрезало Францию от моря. Итак, Генрих, король Франции, присоединился к другим врагам Вильгельма и захватил его замок Тильер на границе с Францией. Таким образом, он был врагом Вильгельма в начале его правления и снова стал его врагом впоследствии; но в самый опасный момент нормандского правления Вильгельма французский король был его верным другом. Это было в 1047 году, когда большая часть Нормандии подняла восстание против Вильгельма, о котором мы должны сказать немного больше.

3. Восстание в Западной Нормандии.— Следует помнить, что западная часть Нормандии, земли Байе и Кутанса, были завоеваны нормандскими герцогами после восточной части, земель Руана и Эвре. И следует помнить, что эти западные земли, завоеванные совсем недавно и подпитываемые новыми колониями с Севера, все еще оставались языческими и датскими некоторое время после того, как восточная Нормандия стала христианской и франкоговорящей. Теперь мы можем быть уверены, что задолго до правления Вильгельма вся Нормандия была христианской, но вполне возможно, что древний язык сохранился в западных землях. Во всяком случае, существовала большая разница в духе и чувствах между более французскими и более датскими районами, не говоря уже о Байе, где до прихода норманнов существовало саксонское поселение. Короче говоря, одна часть герцогства была полностью романтической в речи и манерах, в то время как более или менее тевтонский характер все еще сохранялся в другой. Итак, теперь тевтонская Нормандия восстала против герцога Вильгельма, а романская

Нормандия была верна ему. Дворяне *Бессена* и *Котантена* заключили союз с двоюродным братом Вильгельма Ги Бургундским, имея в виду, насколько можно судить, сделать Ги герцогом Руана и Эвре и вообще не иметь для себя лорда. Их предводителем был Нил, виконт Котантена, сын того самого Нила, который отразил английское вторжение во времена Этельреда. Когда вспыхнуло восстание, Вильгельм был среди них в Валони, и они попытались схватить его. Но его шут предупредил его ночью; он спасал свою жизнь и благополучно добрался до своего родного Фалеза.

4. Битва при Валь-о-Дюнах. Вся восточная Нормандия была лояльна, но Вильгельм сомневался, что сможет в одиночку одолеть столь многочисленный отряд мятежников. Поэтому он отправился в Пуасси, между Руаном и Парижем, и попросил своего господина короля Генриха помочь ему. Итак, король Генрих прибыл с французской армией; и французы и те, кого мы можем назвать французскими норманнами, встретились с тевтонскими норманнами в битве при Валь-о-дюнах, недалеко от Кана. Это было первое серьезное сражение Вильгельма, битва всадников, в которой король и герцог сражались врукопашную с мятежниками, и каждый убил несколько своих военачальников. И все же однажды король Генрих был сброшен с коня копьем с Котантена, и этот подвиг жители полуострова воспевали в своих стихах. Но, тем не менее, они были разбиты, и вся восставшая земля покорила. Нил бежал и через некоторое время был помилован, и рука герцога Вильгельма вовсе не была тяжела для его побежденных врагов. Но он полностью победил их. Теперь он был полным хозяином своего герцогства; битва при Валь-дюн окончательно установила, что Нормандия должна перенять свой характер от романтического Руана, а не от тевтонского Байе. Короче говоря, Вильгельму удалось одолеть саксов и датчан в Галлии, прежде чем он пришел, чтобы одолеть их в Британии. Ему пришлось завоевать свою собственную Нормандию, прежде чем он смог завоевать Англию, и мы увидим, что в промежутке между этими двумя завоеваниями ему пришлось в некотором роде завоевать и Францию.

5. Визит герцога Уильяма к королю Эдуарду.—Таким образом, герцог Вильгельм впервые стал хозяином в Нормандии, а четыре года спустя, без сомнения, говорили, что король Эдуард впервые стал хозяином в Англии. Годвина не стало, и у нормандских фаворитов короля все было по-своему. И вот молодой герцог приехал навестить своего кузена. При таком количестве норманнов при дворе и в других частях страны ему могло почти показаться, что он все еще находится в своем собственном герцогстве. Может быть, именно сейчас ему впервые пришла в голову мысль, что он мог бы стать преемником своего бездетного родственника в королевстве, которое выглядело так, словно уже стало нормандским? Несомненно то, что Уильям всегда говорил, что Эдуард пообещал ему корону после его смерти; и этот визит кажется более подходящим временем для такого обещания, чем любое другое время до или после. Конечно, мы должны помнить, что Эдуард не мог по английским законам действительно оставить Вильгельму корону; максимум, что он мог сделать, это порекомендовать Мудрецам выбрать его после его смерти. Но как раз в это время ни Уильям, ни Эдуард, вероятно, не придавали большого значения английскому праву, а нормандские советники Эдуарда все еще были менее склонны думать об этом, чем кто-либо из них. Мы не можем сказать наверняка, как это было; но мы вряд ли можем сомневаться, что Эдуард действительно дал Уильяму какое-то обещание, и сейчас, по-видимому, наиболее подходящее время для этого. Как бы то ни было, Вильгельм к тому времени завоевал Нормандию и посетил Англию. Это два шага к тому времени, когда он снова придет в Англию, но не как гость, а как Завоеватель.

6. Герцог Вильгельм в своем собственном герцогстве. Вскоре мы увидим, что ход событий в Англии, должно быть, полностью отбросил надежды Вильгельма относительно английской короны. Но он продолжал завоевывать славу и власть в своей стране за морем. Он правил своим герцогством мудро и хорошо, и оно при нем очень процветало. Он продвигал ученых людей из других стран, прежде всего двух мужчин, которые дожили до того, чтобы играть большую роль в Англии, чем в Нормандии. Это были Ланфранк из Павии в Италии и Ансельм из Аосты в Бургундии. Они оба были монахами недавно основанного монастыря Бек в Нормандии, который в то время был рассадником знаменитых людей. Герцог женился на Матильде, дочери Балдуина, графа Фландрии, от которой у него было несколько дочерей и, в настоящее время, три сына: Роберт, Ричард и Уильям. Самой известной из его дочерей была Адела, вышедшая замуж за Стефана, графа Блуа. Но правление герцога Вильгельма не обходилось без восстаний внутри страны и войн за рубежом. В течение короткого времени после битвы при Валь-э-дюнах дружба между герцогом и королем Франции Генрихом продолжалась. Оба участвовали в войне против Джеффри, графа Анжуйского, который теперь владел землей Мэн между Анжу и Нормандией. В 1049 году герцог Вильгельм впервые расширил свои владения, завоевав замки Домфронт и Амбриер в штате Мэн, из которых Домфронт с тех пор является частью Нормандии. Но вскоре король Генрих позавидовал власти Вильгельма и теперь всегда был готов оказать помощь любому нормандскому мятежнику. Люди во Франции снова начали говорить, что Нормандия - это земля, отрезанная от Франции, и что Францию следует заставить снова выйти к морю, как в старые добрые времена. И другие соседние принцы завидовали ему так же, как королю. Все его соседи в Британии, Анжу, Шартре и Понтье, были против него. Но великий герцог смог выстоять против них всех и вскоре значительно пополнил свои владения.

7. Войны герцога Вильгельма с Францией.—Войны между Нормандией и Францией очень важны, потому что они имеют огромное значение для английской истории. Между Англией и Францией не было ссор, пока между ними находилась Нормандия. Но у Франции и Нормандии было много ссор и войн; поэтому, когда один и тот же принц правил в Англии и в Нормандии, Англия была втянута в ссоры Нормандии, и между Англией и Францией выросло соперничество, которое продолжилось после того, как Нормандия была завоевана Францией. Таким образом, эти войны между герцогом Вильгельмом и королем Генрихом на самом деле являются началом долгих войн между Англией и Францией. Король Генрих трижды вторгся в Нормандию. В первый раз, в 1053 году, король пришел на помощь родственнику герцога, Вильгельму графу Аркскому, близ Дьеппа, где до сих пор можно увидеть замок с очень глубоким рвом. На этот раз французская армия попала в засаду и была наголову разбита. В этом сражении был убит Ингельрам, граф Понтье, что освободило место для восшествия на престол его брата графа Ги. В следующем, 1054 году, король Генрих снова пришел с гораздо большей армией, собранной из его собственного королевства и из владений многих других галльских принцев. Они пришли двумя большими дивизиями, чтобы атаковать Нормандию по обоим берегам Сены. Те, что перешли на правый берег, были полностью разбиты в городе Мормемер, который они заняли и где норманны напали на них ночью. Затем герцог послал гонца, который переправился на другой берег реки, где находилась собственная армия короля, где он взобрался на дерево и крикнул им в темноте, чтобы они шли хоронить своих друзей, погибших при Мормемере. Поэтому их охватила паника, и они бежали. В этой битве новый граф Понтье, Ги, был взят в плен и не отпускался до тех пор, пока не стал человеком герцога Вильгельма в своем графстве. Теперь с Францией был заключен мир, и герцогу Вильгельму было разрешено совершить

некоторые завоевания за счет Анжу. Но очень скоро Франция и Анжу снова объединились против Нормандии. В 1058 году король Генрих совершил свое последнее вторжение. На этот раз французская армия была отрезана внезапной атакой у брода Варавиль близ Дайва. Все эти кампании показывают, что Вильгельм, который мог так хорошо сражаться в решающем сражении, был не менее искусен во всевозможных хитроумных предприятиях. Вскоре после этого, в 1060 году, умерли и король Генрих, и Жоффруа Анжуйский. Теперь Вильгельм был в безопасности от любых нападков с этой стороны, тем более что новый король Франции Филипп был ребенком, а регентом был тесть Вильгельма, граф Балдуин Фландрский.

8. Завоевание штата Мэн. Таким образом, Вильгельм, который в некотором роде завоевал свою собственную Нормандию при Валь-о-дюнах, в некотором роде также завоевал Францию при Мортемере и Варавиле. Но он еще не расширил свои владения, за исключением Домфронта и Амбриера и одного или двух других пунктов на границе с Мэном. Вскоре он смог завоевать все графство. И эта часть жизни Уильяма должна быть тщательно изучена, потому что его завоевание штата Мэн поразительно похоже на его завоевание Англии. В обоих случаях он завоевал землю против воли ее жителей, и все же с некоторой демонстрацией законного права. В штате Мэн были свои графы, некоторые из них были известными людьми, как и многие епископы великого города Ле-Ман; горожане тоже были мужественными и ревниво относились к своей свободе. Но недавно земля Мэн перешла под власть Жоффруа Анжуйского. После смерти Джеффри законный граф Герберт, чтобы вернуть свое графство, вверил себя Уильяму, и они договорились, что сын Уильяма Роберт женится на сестре Герберта Маргарет, а Мэн перейдет к их потомкам. Это было что-то вроде обещания Эдуарда английской короне Вильгельму. В 1063 году Герберт умер бездетным, и Уильям заявил права на графство от имени своего сына, хотя они с Маргарет еще не были женаты. Но жители штата Мэн выбрали своим графом Уолтера графа Манта, который был женат на тете графа Герберта Биоте. Он был сыном сестры короля Эдуарда Годжифу и братом Ральфа Херефордского. Это было похоже на то, что английский народ выбрал Гарольда. Затем Уильям начал войну с Мэном и постепенно оккупировал графство, пока город не сдался и Уолтер не подчинился ему. Вскоре после этого Уолтер и Биота умерли; враги Уильяма говорили, что он отравил их, что маловероятно. Но с этого времени он правил Мэном, а также Нормандией. Мы увидим, что его храбрый народ не раз восставал и против него, и против его сыновей. Но завоевание штата Мэн подняло могущество и славу Уильяма на более высокий уровень, чем когда-либо в другое время до его завоевания Англии. И вскоре после завоевания Мэна дела Нормандии и Англии, которые оставались порознь со времени визита Вильгельма к Эдуарду, начинают объединяться. Тогда пришло время вернуться назад и посмотреть, что происходило тем временем в Англии.

ГЛАВА V.

Гарольд граф и король.

1. Возвращение Годвина и Гарольда.—Когда герцог Вильгельм нанес свой визит королю Эдуарду в 1052 году, Годвин и вся его семья, за исключением только леди Эдит, находились в изгнании, а норманны были у власти в стране. Но вскоре англичане возжелали вернуть Годвин обратно. Вскоре люди начали уставать от иностранных фаворитов короля, которые, казалось, не

могли даже защитить страну от валлийцев. Ибо валлийский король Грифид вторгся в Херефордшир и разбил норманнов, удерживавших замок Ричарда. Люди послали просить Годвина вернуться; он умолял короля позволить ему вернуться, и он заставил графа Болдуина, у которого он остановился, а также короля Франции просить за него; но фавориты короля не позволили ему прислушаться. Затем, в 1052 году, Годвин решил вернуться без разрешения короля, поскольку знал, что ни один англичанин, скорее всего, не станет сражаться против него. Поэтому он отплыл из Фландрии, а Гарольд и Леофвин отплыли из Дублина. Экипажи их кораблей, должно быть, были ирландскими датчанами, что, возможно, заставляло англичан бояться их. Ибо, когда они высадились в Порлоке в Сомерсете, местные жители оказали им сопротивление, и Гарольд и Леофвин разбили их в битве и опустошили окрестности. Но когда Годвин пришел в южную Англию, ни один человек не устоял перед его приходом, но в большинстве районов люди охотно присоединились к нему, сказав, что будут жить и умрут вместе с ним. Король собрал против себя флот, но у команды не хватило мужества, и флот был рассеян еще до прихода Годвина. Наконец корабли Годвина и Гарольда встретились, и они вместе поплыли вверх по Темзе и 14 сентября подошли к Лондону. Тогда горожане сказали, что они сделают все, что пожелает граф; король и его графы собрали армию и еще один флот, но эти люди не захотят сражаться против графа Годвина. Затем был заключен мир; было решено, что на следующий день должно быть созвано собрание, чтобы все уладить. Затем Годвин высадился на берег, вернувшись без пролития крови. Тогда страх охватил всех норманнов, которые были в Лондоне и окрестностях, и они разбежались туда-сюда. В частности, нормандский архиепископ Роберт и Ульф, епископ Дорчестерский, прорубили себе путь из города, убивая на ходу, и ушли за море, и никогда не вернулись в Англию.

2. Восстановление Годвина.—На следующий день собрание собралось и проголосовало за то, чтобы Годвину и всей его семье были возвращены все их блага и почести. Было также решено, что все норманны, которые ввели короля в заблуждение, особенно архиепископ Роберт, которого уже не было в живых, должны быть изгнаны. Итак, Годвин и Гарольд получили обратно свои графства, а леди Эдит вернулась из своего монастыря; только Свеген не вернулся, потому что он раскаялся в своих грехах и отправился босиком в паломничество в Иерусалим, а на обратном пути умер, примерно в то время, когда его отец и братья вернулись домой. Некоторым из норманнских друзей короля было разрешено остаться, а епископу Уильяму Лондонскому было разрешено сохранить свое епископство; но с этого времени норманны больше не получали епископств или других важных должностей. А английский епископ Стиганд получил архиепископство Кентерберийское вместо Роберта. Это следует особо запомнить, поскольку против Стиганда, Годвина, Гарольда и всейанглийской нации было выдвинуто обвинение в том, что Роберт был изгнан со своего архиепископства, а Стиганд поставлен на его место без разрешения папы, а просто путем голосования английского собрания. Таким образом, римские папы никогда не признавали Стиганда законным архиепископом, и хотя он сохранял архиепископство до четырех лет после прихода Вильгельма, многие люди в Англии, похоже, боялись, что он совершит какую-либо важную церковную церемонию. Епископы обычно отправлялись на хиротонию к папе римскому или архиепископу Йоркскому. Легко понять, как герцог Уильям смог использовать все это в своих целях.

3. Смерть Годвина.—В Пасхальный прилив следующего года, 15 апреля 1053 года, граф Годвин скончался. С ним случился припадок, когда он сидел за королевским столом, и он умер три дня спустя. Норманны рассказывали странные истории о его смерти, но это простая история в наших собственных Хрониках. Затем его сын Гарольд сменил его на посту графа Западных

саксов и был главным правителем Англии в течение оставшихся тринадцати лет правления Эдуарда. Нет никаких признаков какого-либо спора между королем и графом, хотя главным фаворитом Эдуарда был не Гарольд, а его младший брат Тостиг. Королю разрешалось иметь при своем дворе друзей-норманнов, но не ставить их во главе королевства. Епископства передавались либо англичанам, либо выходцам из Лотарингии, то есть, как мы теперь должны сказать, из Бельгии, которые, скорее всего, могли говорить как на нижнеголландском, так и на французском. Племянник короля Ральф и его друг Одда сохраняли свои графства до тех пор, пока были живы; но когда графства опустели, они были отданы мужчинам из двух великих семей Годвинов и Леофриков. Эльфгар, сын Леофрика, наследовал Гарольду в Восточной Англии. В 1055 году Сивард Нортумберлендский умер, и его графство перешло к Тостигу, сыну Годвина. И когда в 1057 году графы Леофрик и Ральф умерли, графства снова были разделены. Эльфгар отнял у своего отца графство Мерсия; только графство Ральфа Херефорд, которое особенно нуждалось в защите от валлийцев, было присоединено к графству Гарольда. Сын Годвина Гирт наследовал Эльфгару в Восточной Англии, а другой его сын Леофвин получил Кент и другие графства вокруг Лондона. Таким образом, большая часть Англии оказалась под властью дома Годвинов, а то, чего не было, осталось под властью дома Леофрика; ибо, когда Эльфгар умер, ему наследовал его сын Эдвин.

4. Шотландская и Валлийская войны.— Последние годы правления Эдуарда, в течение которых Гарольд действительно был правителем Англии, были отмечены несколькими волнующими событиями. Так началась война с Шотландией, где за корону не раз спорили две семьи. Нынешний король Макбет вступил на престол после битвы, в которой был убит бывший король Дункан. Дункан был родственником графа Сиварда, который поэтому хотел восстановить своего сына Малькольма. В 1054 году Сивард вторгся в Шотландию, победил Макбета и провозгласил Малькольма королем; но война продолжалась еще четыре года, пока Макбет и его сын не были убиты, а Малькольм не получил все королевство. Затем было несколько войн с валлийцами под предводительством их последнего великого короля Грифида, сына Лливелина. В 1055 году граф Эльфгар был изгнан; затем он присоединился к Граффиду во вторжении в Херефордшир. Граф Ральф вышел ему навстречу, но либо он знал только французский способ ведения боя, либо он ему больше нравился. Поэтому он заставил англичан вступить в бой верхом, к чему они не привыкли, и поэтому они потерпели поражение. Затем Эльфгар и Граффид сожгли и разграбили Херефорд, но пришел граф Гарольд и заново укрепил город. С Граффидом был заключен мир, и Эльфгар снова получил свой графский титул. Вскоре Граффид снова начал войну, но при следующем заключении мира потерял часть своих земель. Похоже, он всегда поддерживал связь с Эльфгаром и его семьей, и он женился на дочери Эльфгара Элдгит. Наконец, в 1062 году его опустошительные действия были уже невыносимы, и было решено полностью подчинить его себе. В следующем году граф Гарольд провел большую кампанию в Уэльсе, в ходе которой, чтобы лучше сражаться в горах, он заставил англичан перейти на валлийский способ ведения боя и таким образом заставил всех валлийцев подчиниться. Вскоре Граффид был убит своим собственным народом, и граф Гарольд передал Уэльс двум принцам, Бледдину и Риваллону, в качестве людей короля. Эти валлийские и шотландские войны составляют почти все, что произошло между Англией и другими землями за это время. С Нормандией был мир; но герцог Вильгельм больше не наносил визитов своему двоюродному брату королю. О визите, который нанес ему граф Гарольд, мы поговорим позже.

5. Наследование короны.— Все это время люди, должно быть, думали, кто должен стать королем, когда король Эдуард умрет. По английским законам, когда король умирал, Мудрецы

выбирали следующего короля. Но они выбирали представителя королевского дома, и, если последний король оставлял править сына в возрасте, его почти всегда выбирали. Действительно, если бы он действительно был сыном короля, родившимся после того, как его отец был коронован, он имел особое право быть избранным. Но корона никогда не передавалась женщине, и не похоже, чтобы сын королевской дочери имел какие-либо права выше другого мужчины. Но считалось, что, хотя корона и не могла перейти по завещанию, все же некоторый вес должны иметь пожелания покойного короля. Теперь у короля Эдуарда не было детей, и единственным мужчиной в королевском доме был его племянник Эдуард, сын его старшего брата Эдмунда Айронсайда. Это тот, кого отослали ребенком во времена Кнута. Сейчас он жил в Венгрии со своей женой и тремя детьми - Эдгаром, Маргарет и Кристиной. Король Эдуард в 1054 году пригласил его приехать в Англию, несомненно, имея в виду, что он должен стать его преемником. Это показывает, что он полностью отказался от всякой мысли о том, что его преемником станет его нормандский кузен. Эдуард Этельинг — то есть сын короля, как сын Эдмунда Айронсайда - прибыл в Англию в 1057 году; но вскоре после высадки он заболел и умер. Его сын Эдгар был совсем ребенком и не был сыном короля. Более того, он родился не в этой стране и вряд ли мог быть настоящим англичанином. Поэтому люди должны были подумать, кто должен быть королем, если король Эдуард умрет до того, как Эдгар вырастет. Можно предположить, что король, возможно, пожелал бы оставить корону своему племяннику графу Ральфу; но, хотя он и был племянником короля, он не принадлежал к королевскому дому и не был англичанином. Ральф тоже умер в том же году. Вряд ли можно сомневаться, что с этого времени люди начали задумываться, не наступит ли время, когда им придется выбирать короля не из королевского дома. С этого времени граф Гарольд, кажется, занимает особое место, и о нем говорят по-особому. Его имя соединяется с именем короля необычным образом, и его даже называют *Субрегулусом* или *младшим королем*. Все это выглядит так, как будто мысль о том, чтобы выбрать его королем, когда Эдуард умрет, уже была в умах людей.

6. Церковь графа Гарольда в Уолтеме.— В те дни почти каждый великий человек, как в Англии, так и в Нормандии, считал своим долгом сделать какой-нибудь великий дар Церкви, обычно основать или обогатить какой-нибудь монастырь, построить или перестроить его великую церковь или кафедральный собор. В то время герцогом Вильгельмом и его баронами в Нормандии было основано множество монастырей и церквей. То же самое было и в Англии. Великим делом короля Эдуарда было восстановление и обогащение собора Святого Петра на острове Торни на Темзе, который, поскольку стоял к западу от великой лондонской церкви Святого Павла, был известен как *Западный собор*. Итак, леди Эдит, граф Леофрик и его жена Годдджифу, граф Сивард, граф Одда и многие епископы и аббаты были заняты в это время строительством церквей и основанием монастырей. Эрл Годвин - единственный великий человек того времени, о котором мы не слышим ничего подобного. Граф Гарольд, с другой стороны, был таким же щедрым, как и любой из них, только его щедрость досталась не монахам, а светскому духовенству. Это были те священнослужители, которые не были, подобно монахам, связаны особыми обетами лично, а только общим законом Церкви. Они были приходскими священниками и канониками соборных и коллегиальных церквей; только в Англии в настоящее время в нескольких соборных церквях служат монахи, а впоследствии их стало еще больше. Ибо монахи были сейчас гораздо более в моде; однако граф Гарольд, когда основал большую церковь, поместил в нее не монахов, а светских каноников. Это было в Уолтеме в Эссексе. Церковь была основана там во времена Кнута его знаменосцем Тофиком Гордым, который

поместил в нее крест, привезенный из Леодгарсбурга (впоследствии названного Монтакутом) в Сомерсете, и считалось, что он творит чудеса. Теперь Гарольд перестроил церковь Тофига с большим размахом; и, в то время как Тофиг основал только двух священников, Гарольд увеличил их число до двенадцати, один из которых был настоятелем, а другой *Воспитателем* детей. Граф Гарольд всю свою жизнь питал особое почтение к Святому Кресту Уолтема, и в битве боевым кличем его ближайших последователей было “Святой Крест”.

7. Гарольд и Уильям. Таким образом, герцог норманнов и граф Западных саксов завоевали славу и могущество, каждый по свою сторону моря. Они, вне всякого сомнения, были выдающимися людьми, один в Англии, другой в Галлии. Но между их позициями была разница, которая проистекала из разных политических условий Англии и Галлии. Гарольд был подданным короля Англии, его главным советником и министром, правителем значительной части королевства при короле. Но он все еще был подданным, хотя и питавшим некоторую надежду однажды стать избранным королем над своей собственной землей и народом. Вильгельма нельзя было назвать подданным короля Франции; он был суверенным принцем, правящим своей собственной землей и обязанным королю в лучшем случае внешним почтением. Но у него, как у Гарольда, не было шанса когда-либо стать королем в своей собственной стране; его единственным шансом стать королем было завоевать силой или хитростью корону Англии. Следовательно, Гарольд и Вильгельм были соперниками. К этому времени они, должно быть, уже знали, что они соперники. Но пока еще не произошло ничего, что могло бы вызвать открытую вражду между ними. Вряд ли они могли встретиться лицом к лицу, но каждый, должно быть, внимательно наблюдал за действиями другого. И вскоре им предстояло встретиться лицом к лицу; но существует так много историй о том, как произошла их встреча, что очень трудно сказать о ней что-либо определенное. Гарольд совершил путешествие по континенту в 1058 году, когда совершил паломничество в Рим. И говорят, что на обратном пути он тщательно изучил положение вещей среди галльских князей. В то время главные враги Вильгельма, Генрих Французский, Вильгельм Аквитанский и Жоффруа Анжуйский, были живы, и вполне возможно, что у Гарольда были какие-то планы союза с некоторыми из них на случай, если Вильгельм когда-нибудь выдвинет какие-либо опасные претензии. Но о деталях этого путешествия мы ничего не знаем. Нормандские писатели всегда говорили, что Гарольд в тот или иной момент принес Вильгельму клятву, которую нарушил, приняв английскую корону. Но они рассказывают историю так по-разному, с такой разницей во времени, месте и обстоятельствах, что мы не можем быть уверены ни в каких деталях. Английские писатели ничего не говорят об этой истории, но тот факт, что они ничего не говорят о ней, является лучшим доказательством того, что в ней есть доля правды. Ибо существует множество нормандских наветов на Гарольда, на которые они тщательно отвечают; так что мы можем быть уверены, что, если бы они могли полностью опровергнуть эту историю, если бы они могли сказать, что Гарольд вообще никогда не приносил никакой присяги Вильгельму, они бы с радостью так и сказали. Следовательно, мы можем полагать, что Гарольд действительно принес какую-то клятву Уильяму, и Уильям мог сказать, что клятву Гарольд нарушил. Но кроме этого, мы ничего не можем сказать наверняка. Поэтому все, что мы можем сделать, - это рассказать историю таким образом, который из множества способов ее изложения кажется наименее невероятным.

8. Клятва Гарольда.—Тогда кажется, что, скорее всего, в 1064 году, после войны в Уэльсе, Гарольд плыл по Каналу, скорее всего, со своим братом Вульфнотом и сестрой Эльфгифу. Они потерпели крушение у берегов Понтье, где граф Ги, по жестокому обычаю того времени по отношению к потерпевшим кораблекрушение людям, заключил Гарольда в тюрьму в надежде

получить выкуп. Но граф ухитрился отправить послание лорду Гая герцогу Уильяму, и герцог немедленно послал освободить его, заплатив Гаю большой выкуп. Затем Вильгельм отвез Гарольда к своему двору в Руан и держал его там в качестве своего гостя во всех дружеских отношениях. Гарольд даже согласился, несомненно, в обмен на доброту, оказанную ему герцогом, помочь Вильгельму в войне, которую он вел с бретонским графом Конаном, войне, в ходе которой Вильгельм и Гарольд вместе взяли город Динан. На каком-то этапе этого визита Гарольд принес клятву. Наиболее вероятно, что клятва на самом деле заключалась в том, чтобы просто жениться на одной из дочерей Уильяма, но клятва сопровождалась актом почтения к Уильяму. Подобные акты почтения часто совершались в обмен на какую-либо услугу, не имея в виду ничего особенного; и Гарольд только что получил большую услугу от Уильяма, освободив его из тюрьмы Гая. Этот поступок можно было бы понимать двояко; но очевидно, что у Вильгельма было бы большое преимущество, когда он предъявил бы права на корону, из-за того факта, что Гарольд каким-либо образом стал его человеком. Рассказываются всевозможные другие истории, некоторые странные, некоторые совершенно невероятные. Гарольда заставляют пообещать не только передать корону Вильгельму после смерти Эдуарда, но и отдать замок Дувр и другие места в Англии под контроль нормандских гарнизонов. И есть одна особенно известная история о том, как Уильям обманом заставил Гарольда совершенно невольно выругаться необычайно торжественным образом. Согласно легенде, его заставили положить руку на сундук, и впоследствии ему показали, что этот сундук полон мощей святых. И те, кто рассказывает эту историю, очень шокированы предполагаемым преступлением Гарольда, но, похоже, не видят ничего плохого в трюке, разыгранном Уильямом. Все истории противоречат друг другу; но все они сходятся в одном, а именно в том, что Гарольд пообещал жениться на дочери Уильяма. И это обещание он, конечно же, не сдержал. После всего этого Гарольд вернулся в Англию, оставив, как могло показаться, своего брата Вульфнота в качестве заложника для выполнения своего обещания, каким бы оно ни было.

9. Восстание в Нортумберленде.— Следует помнить, что Тостиг, сын Годвина, был назначен графом Нортумбрии после смерти Сиварда в 1055 году. Помимо Нортумберленда, его графство включало в себя отдаленные графства Нортгемптон и Хантингдон. В нормандских сказаниях говорится о Гарольде и Тостиге как о врагах с детства; но ничто не заставляет нас думать, что в этом есть хоть капля правды, и Тостиг помогал Гарольду в его войнах в Уэльсе. У Тостига также было несколько собственных войн с Малькольмом Шотландским, который вторгся в Нортумберленд, хотя он и Тостиг были названными братьями. Тостиг также, как и Гарольд, совершил паломничество в Рим, и, когда его и его людей ограбили, он очень дерзко высказался в адрес папы Николая. В его собственном графстве правили свирепые люди, и он правил ими свирепо; начав с сурового правосудия, он постепенно скатился к угнетению. Похоже, он также нанес оскорбление, отказавшись от своего графства вместе с королем, у которого он был большим фаворитом, и передав Нортумберленд под власть одного копсиджа. Наконец, когда он казнил нескольких вождей и наложил очень тяжелый налог, весь народ восстал. Это было в октябре 1065 года. Они провели собрание в Йорке, на котором объявили Тостига низложенным и выбрали Моркера, сына Эльфгара, своим графом. При нем Освульф, потомок старых графов, должен был править Бернисией. Они разграбили сокровища Тостига, убили его последователей и друзей и двинулись маршем на Нортгемптон, по пути опустошая страну. Там их встретил брат Моркера Эдвин, граф Мерсии, с людьми своего графства и большим отрядом валлийцев. Таким образом, половина Англии была охвачена восстанием. Тостиг тем временем охотился с королем в Уилтшире. Королю не терпелось развязать войну с нортумбрийцами; но граф Гарольд хотел

заклучить мир, даже за счет своего брата. Король, наконец, дал ему полную власть улаживать дела; поэтому он созвал собрание в Оксфорде и, видя, что пытаться примирить Тостига и нортумбрийцев безнадежно, удовлетворил их требования. Был заключен мир, и законы Кнута были обновлены; иными словами, было постановлено, что Нортумберлендом следует управлять так же хорошо, как это было во времена Кнута. Моркер был признан графом Нортумбрии, но Нортгемптоншир и Хантингдоншир были отданы Уолтефу, сыну Сиварда. А Освульф, один из потомков старых графов Нортумбрии, правил, по-видимому, при Моркере, в северной части графства, той, которая теперь стала называться Нортумберлендом. Тостиг был изгнан и искал убежища во Фландрии. В результате этой революции дом Леофриков снова стал по меньшей мере таким же могущественным в Англии, как дом Годвинов, отбросив личное влияние Гарольда.

10. Смерть Эдуарда.—Сейчас мы приближаемся к концу правления короля Эдуарда. Все это время он строил великую церковь Святого Петра в Вестминстере, рядом со своим дворцом, и ему удалось закончить ее только перед смертью. Мудрецы собрались в Вестминстере на рождественский праздник 1065 года; король, как обычно, надел свою корону; но он заболел перед освящением нового собора, которое было совершено в День Невинных. Еще до окончания праздника, 5 января 1066 года, он умер, последний король Сердика по мужской линии. Перед смертью он произнес несколько странных слов, которые были приняты за пророчество и которые впоследствии были поняты как повествование о завоевании Англии и о преемственности последовавших за ней королей. Но его последним поступком было рекомендовать Мудрецам избрать графа Гарольда королем вместо него. На следующий день, в праздник Богоявления, король Эдуард был похоронен в своей собственной церкви Святого Петра. Он построил его специально для коронации и захоронения королей. В течение нескольких дней после освящения его использовали для обеих целей.

11. Избрание и коронация Гарольда.—И вот настало время, которого люди, должно быть, так долго ждали. Король Эдуард был мертв; предстояло избрать нового короля, а в королевском доме не было никого, кто подходил бы для этого. Поскольку рождественский пир еще не закончился, Мудрецы все еще собирались в Вестминстере, чтобы сразу же сделать выбор. Неясно, знал ли кто-нибудь в Англии что-либо о клятве Гарольда Вильгельму; если о ней что-то и было известно, то, должно быть, считалось, что она не имеет силы. Мы также не знаем, говорилось ли о притязаниях Уильяма или Эдгара или о них думали. Несомненно лишь то, что, как только Эдуард умер, ассамблея собралась и, согласно воле покойного короля, избрала графа Гарольда кинга. На следующий день он был посвящен в короли в новой церкви Святого Петра; то есть он был коронован и помазан, и он принес присягу своему народу. Поскольку у людей были сомнения в том, является ли Стиганд Кентерберийский законным архиепископом, обряд совершил Элдред, архиепископ Йоркский. В этом нет никаких реальных сомнений, хотя некоторые нормандские авторы говорят, что Гарольд был коронован Стигандом. То есть они хотят подразумевать, что он не был коронован законно. Ибо в те дни коронация короля была не просто театрализованным представлением. Это было его фактическое вступление в царский сан, точно так же, как посвящение в епископы. Пока он не был коронован, он мог иметь, по рождению или избранию, единственное право стать королем; но он не стал королем до тех пор, пока на его голову не вылили елей и не водрузили на нее корону. Поэтому люди могут возразить, что, если бы обряд проводил архиепископ, не имевший законных прав на свой престол, коронация была бы недействительной. Все это стоит отметить, как отражающее чувства того времени. Но нет никаких сомнений в том, что Гарольд довольно регулярно приходил к короне,

что Эдуард рекомендовал его на смертном одре, что он регулярно избирался ассамблеей и регулярно короновался архиепископом Элдредом. Если бы все шло спокойно, Гарольд, скорее всего, был бы первым из новой династии королей. Это событие в нашей истории очень похоже на то, что произошло у франков триста лет назад. Последний король из дома Мервингов был свергнут, и Пиппин, отец императора Карла Великого, был избран королем вместо него. Только в Англии не было необходимости низлагать Эдуарда, а просто выбрать Гарольда, когда он умрет. И в одном очень важном моменте смена королевского дома у англичан была совершенно непохожа на ту же смену у франков. Ибо Папа римский особо одобрил избрание Пиппина, в то время как папа римский был очень далек от одобрения избрания Гарольда.

12. Король Гарольд в Нортумберленде.— В одной из английских хроник говорится, что девять месяцев правления Гарольда были временем “небольшого затишья”. Так оно и было на самом деле; он усердно работал с самого начала. В какое время герцог Вильгельм впервые бросил вызов короне, точно неизвестно; но, вероятно, это произошло вскоре после коронации Гарольда. Однако об этом нам лучше всего поговорить в другой главе. Но новый король сразу же обнаружил, что часть его королевства не готова признать его. Это был Нортумберленд, народу которого он недавно оказал столько благосклонности, подтвердив низложение его собственного брата и выбор Моркера своим графом. Гарольд действительно был коронован их собственным архиепископом, и их главные мужи, должно быть, признали его вместе с остальными Мудрецами; но мы должны помнить, что на собрании в Лондоне, хотя и присутствовало много мужчин из Уэссекса, Мерсии и Восточной Англии, не могло быть много представителей Нортумберленда. Это действительно было бы верно почти для каждого собрания, которое вообще проводилось; поскольку тремя обычными местами были Винчестер, Вестминстер и Глостер, все они, в свою очередь, были удобны для разных частей южной Англии, но ни одно из них не было удобным для Нортумберленда. Но смена королевского дома была актом более весомым, чем любой другой, и у нортумбрийцев могли быть какие-то основания утверждать, что выбор был сделан без их согласия. Насколько братья-графы Эдвин и Моркер имели какое-либо отношение к разжиганию недовольства, мы не можем сказать, но их поступки как до, так и после выглядят именно так. Как бы то ни было, нортумбрийцы отказались признать короля Гарольда. Теперь король поступил точно так же, как несколько месяцев назад. Он не думал о силе; но он сам отправился в Йорк, взяв с собой своего друга Вульфстана, епископа Вустерского, святейшего человека, которого впоследствии называли святым Вульфстаном. В Йорке он созвал ассамблею, и речи короля и епископа убедили нортумбрийцев подчиниться без всяких сражений. И, скорее всего, именно в это время, чтобы еще больше понравиться нортумбрийцам, король Гарольд женился на Элдгит, сестре Эдвина и Моркера и вдове валлийского короля Грифида. Таким образом, он сделал совершенно невозможным женитьбу на дочери герцога Вильгельма. И нормандские писатели не преминули выступить против этого брака на этот счет и, кроме того, обвинить его в том, что он женился на вдове человека, которого он убил. И все же Гарольд просто победил Граффида в честном бою, и он не имел никакого отношения к его смерти, которая была делом рук собственного народа Граффида.

13. Комета.—Король Гарольд вернулся из Йорка в Вестминстер и там устроил свой пасхальный пир. Обычным местом был Винчестер, но теперь значение Лондона росло, особенно в эти несколько месяцев правления Гарольда. Ибо все это время он был занят подготовкой к обороне всей южной и восточной Англии, и для этого Лондон был лучшей штаб-квартирой. Он не назначал никого из графов Западных саксов, но держал Уэссекс в своих руках, в то время как

юго-восточные графства образовали графства его братьев Гирта и Леофвайна. Мы много читали о его хорошем правительстве и хороших законах, что, конечно, просто означает, что он продолжал вести себя как король так же, как и граф. Ни на какое принятие новых законов у него не было времени. Но, похоже, он уделил все возможное внимание церковным назначениям и реформе, поскольку ему было особенно необходимо привлечь духовенство на свою сторону. Одна вещь особенно отличала это пасхальное собрание. Была замечена самая яркая комета, о чем пишут всевозможные авторы как в Англии, так и в других местах. В те времена, когда астрономия была малоизвестна, люди верили, что комета была послана как знак того, что должно произойти какое-то великое событие. И вот теперь люди смотрели на волосатую звезду и гадали, что из этого выйдет. К тому времени каждый, должно быть, уже знал что-то о грядущей великой борьбе. Считалось, что комета предсказала падение какой-то великой державы; но они пока не могли сказать, предсказала ли она падение Гарольда или Вильгельма.

14. Краткое содержание. Таким образом, мы увидели, как после смерти своего отца Гарольд, как граф западносаксонский, постепенно стал главным правителем Англии, и как после смерти Эдуарда перед ним открылся путь к тому, чтобы стать королем. Мы видели, как он дал своего рода клятву герцогу Вильгельму, которую, можно сказать, нарушил, приняв корону. Мы видели, как, тем не менее, его регулярно называли, избирали и короновали королем, и как он получил во владение все королевство. Теперь мы должны посмотреть, что все это происходило за морем, какие приготовления делал его соперник герцог Вильгельм и какие другие опасности угрожали Англии с других сторон.

ГЛАВА VI. Два Гарольда.

1. Вторжение Тостига.—Гарольд и английский народ, должно быть, к тому времени очень хорошо знали об опасности, которая угрожала им со стороны Нормандии. Возможно, они не слишком задумывались о другой опасности, которая угрожала им в то же время. Помимо герцога Вильгельма, против них вооружался еще один враг, и, как оказалось, именно этот другой враг нанес первый удар. Это действительно было время небольшого затишья, когда людям приходилось защищаться от двух вторжений одновременно. Или, скорее, оказалось невозможным защититься от них обоих. В то время как король Гарольд делал все, что в его силах, чтобы обезопасить южное побережье Англии от норманнов, другой враг, которого он не ожидал, выступил против него на севере. Это был знаменитый король норманнов, Гарольд, сын Сигурда, по прозвищу *Хардрада*, то есть *Хард-ред*, суровый в советах. Король Норвегии Гарольд пришел раньше герцога Вильгельма Нормандского. И все же король Норвегии Гарольд пришел не первым. В конце концов, именно юг Англии подвергся первому вторжению, но это был гораздо меньший враг, чем великий король или великий герцог. Это был не кто иной, как изгнанный граф Тостиг. Похоже, он пытался где бы то ни было получить помощь, чтобы вернуть себе графский титул, даже ценой иностранного завоевания Англии. Одни говорят, что он был в Нормандии, чтобы расшевелить герцога Вильгельма, другие - что он был в Норвегии, чтобы расшевелить короля Гарольда. Эти сведения нелегко собрать воедино. Но несомненно, что к маю он откуда-то собрал несколько кораблей и на них прибыл в Уайт. Затем он разграбил

южное побережье, но к этому времени английский король Гарольд готовил свой огромный флот и армию, чтобы противостоять герцогу Вильгельму. Итак, король Гарольд двинулся к побережью, а Тостиг уплыл. Затем он приплыл в Линдси и стал там грабить. Но графы Эдвин и Моркир прогнали его, и он нашел убежище в Шотландии у короля Малькольма.

2. Гарольд Хардрада.—Гарольд Норвежский был самым знаменитым воином Северной Европы. Его юность прошла в изгнании; поэтому он поступил на службу к восточным императорам, которые теперь содержали скандинавскую гвардию, называемую варангианами. В этом отряде он совершил много подвигов, особенно помогая в войне, когда в 1038 году императорский генерал Георгий Маниакес отвоевал у сарацин большую часть Сицилии. Говорят даже, что он вел войну с сарацинами в Африке, а затем совершил паломничество в Иерусалим, которое, как говорят, не обошлось без сражений. И в Венеции есть камень, привезенный из Пейреуса, афинской гавани, на котором высечено имя Гарольда Высокого, и считалось, что это свидетельство некоторых тамошних подвигов Гарольда Хардрады. И о нем рассказывают много странных историй, о том, как он убивал драконов и львов, похищал принцесс и тому подобное. Короче говоря, он один из великих героев северной романтики. Но нет никаких сомнений в том, что он вернулся в Скандинавию, что он получил королевство Норвегия, которым владели его предки, и вел долгую войну со Свегеном Датским. Теперь, во время смерти Эдуарда и избрания нашего Гарольда, на Севере царил мир. Великий воин, возможно, устал от мира; и, либо по собственному разумению, либо потому, что его подзадорил Тостиг, он начал планировать экспедицию против Англии. Раззадорил его Тостиг или нет, но несомненно, что, когда он отправился в путь, Тостиг присоединился к нему, поклонился ему и стал его человеком, помогая ему в войне против его собственного брата и его собственной страны.

3. Приготовления Гарольда Английского.—Все лето 1066 года король Англии Гарольд делал все, что в его силах, чтобы привести южную Англию в состояние, способное противостоять любому нападению из Нормандии. Если он вообще знал о приближении короля Норвегии Гарольда, то это все равно было его главной задачей, поскольку он не мог быть везде одновременно, защищать ту часть королевства, которая находилась под его непосредственным правлением и которая была беззащитна перед более опасным врагом. Заботу о Севере он должен был возложить на его собственных графов, Эдвина и Моркере, которые теперь были его шуринами и которые из всех мужчин на острове больше всего заботились о том, чтобы не впутывать в это Тостига. Затем король Гарольд собрал величайший флот и армию, которые когда-либо видели в Англии, и с их помощью продолжал наблюдать за побережьем. В те дни это была очень тяжелая работа. Ибо лишь небольшая часть его армии, называемая его собственными *слугами*, были регулярными наемными солдатами; большую часть составляли жители страны, чьим долгом было сражаться за землю, когда их призывали. Такая армия была достаточно готова собраться вместе и вступить в битву; но было трудно долгое время держать ее при оружии без боя. И еще было очень трудно прокормить их, потому что, конечно, им нельзя было позволить грабить на их собственной земле. Замечательно то, что король Гарольд смог удержать их вместе так долго, с мая по сентябрь. Все это время они ждали герцога Уильяма, а герцог Уильям так и не приехал. В начале сентября они больше не могли сдерживаться; еды больше не было, и каждый мужчина хотел вернуться домой и пожинать урожай на своем поле. Итак, великий флот и армия распались, и земля осталась без какой-либо особой защиты. И в течение месяца, в течение которого они расстались, пришли оба врага. В том же сентябре король Норвегии Гарольд и герцог Нормандии Вильгельм высадились в Англии. Но норвежский

король Гарольд пришел первым, и действительно, война с ним закончилась еще до того, как герцог Вильгельм пересек море.

4. Путешествие Гарольда Норвежского. То ли Тостиг подстегнул его, то ли он отправился в путь по собственной воле, но король Норвегии Гарольд собрал могучий флот и отплыл в Англию, намереваясь завоевать эту землю и править там. Но люди говорили, что по пути он и его друзья видели странные сны и видения, которые предвещали хозяину зло. Можно было видеть, как войско Англии маршировало к берегу, а перед ними ехал волк, и жена-ведьма ехала верхом на волке, и она кормила волка человеческими тушами, и, как только он съедал одну, у нее наготове была другая, чтобы дать ему. Хорошо бы отметить эти истории, которые восходят к старым сказаниям и песням северян, поскольку они показывают, что за люди были те, кто в последний раз выступил против Англии. Вся история Гарольда Хардрады рассказана в одной из величайших старых северных сказок, но когда мы начинаем изучать ее по нашим собственным Хроникам, мы видим, что правдой может быть только часть из них. Но, несмотря на дурные предзнаменования, огромный флот продолжал плавание и достиг островов Шетландских и Оркнейских. В то время это было скандинавское графство, и его графы Пауль и Эрлинг присоединились к норвежскому флоту. К нему присоединились также другие скандинавские принцы из Исландии и Ирландии, король Шотландии Малькольм и, наконец, когда король Норвегии Гарольд достиг Тайна, английский предатель Тостиг. Сговорившись или нет, он встретил норвежский флот со всеми, кто у него был, он стал человеком Гарольда Хардрады и согласился выступить вместе с ним против его брата Гарольда Английского. Они плыли вдоль побережья Йоркшира, как теперь стали называть Дейру; они разорили Кливленд и не встречали сопротивления, пока не достигли Скарборо. Там норманны взобрались на холмы над городом и сбросили вниз огромные горящие бревна, чтобы поджечь его. Затем они поплыли дальше; жители Холдернесса тщетно сражались с ними; они вошли в устье Хамбера; нортумбрийцы бежали перед ними и проплыли, насколько это было возможно на маленьких кораблях тех времен, долгий путь вглубь страны, вверх по реке Уорф до Тадкастера. Таким образом, норвежский флот смог беспрепятственно пройти вверх по реке Уз в направлении Йорка. Они достигли Риколла, места примерно в девяти милях от Йорка по суше, но гораздо дальше по реке. Там войско высадилось; часть войск оставили охранять корабли, в то время как основная часть армии во главе с Гарольдом Хардрадой и Тостигом выступила в поход на Йорк.

5. Битва при Фулфорде.— Казалось бы, два брата-графа, правившие по обе стороны Хамбера, очень мало заботились о защите своих берегов; но они не были трусами, когда разразилась настоящая битва. Теперь они были вместе в Йорке; и когда норманны приблизились, они выступили со всеми войсками, которые у них были, и встретились с Гарольдом Норвежским в Фулфорде, в двух милях от Йорка, 20 сентября 1066 года. События сейчас так быстро накладываются друг на друга, что мы должны помнить дни недели, а битва при Фулфорде произошла в среду. Хотя Фулфорд гораздо ближе к Йорку, чем к Риколлу, Гарольд Норвежский добрался туда раньше английских графов и смог сам выбрать себе территорию. Битва разыгралась на горном хребте, с одной стороны которого протекала река, а с другой - ров и болото. На этой стороне была самая слабая часть норвежской армии, правая; здесь граф Моркере атаковал и некоторое время наступал. Но слева король Норвегии Гарольд со своим королевским знаменем "*Разрушитель земель*" рядом с ним гнал всех перед собой. Вскоре англичане обратились в бегство, и немало их, не считая тех, кто был убит мечом, были сброшены в реку и в ров. Два графа с остатками своего войска нашли приют в Йорке.

6. Капитуляция Йорка.—Йорк продержался всего четыре дня и в воскресенье заключил соглашение с врагом. Было проведено собрание, на котором Гарольд Хардрада был принят как король, и было решено, что жители Нортумберленда должны последовать за ним против южной Англии. Сразу же были даны заложники для города, и были обещаны заложники для графства. Очевидно, что все это не соответствовало действительным желаниям нортумбрийцев; но можно было бы подумать, что Эдвин и Моркерэ, должно быть, были плохими командирами, если не продержались немного дольше. Норвежская армия теперь шла маршем к Стэмфордбриджу, примерно в восьми милях к северо-востоку от Йорка, на реке Дервент. Туда должны были доставить заложников. Не очень понятно, почему они ушли так далеко от Йорка и еще дальше от своих кораблей в Риколле. Возможно, это было потому, что поблизости, в Олдби, по-видимому, находился королевский дом, которым либо Тостиг, либо Гарольд Норвежский, возможно, захотели завладеть сразу. Как бы то ни было, основная часть армии расположилась лагерем в Стэмфордбридже. Там был деревянный мост через Дервент, и войско было разбросано по обоим берегам реки.

7. Поход английского короля Гарольда.— Людям Йорка нужно было подождать всего на день дольше, и им не пришлось бы кланяться Гарольду Норвежскому. Ибо король Англии Гарольд был в походе; в то самое воскресенье, когда они сдались, он был в Йоркшире; в понедельник утром он был в самом Йорке. Когда флот и армия, охранявшие южное побережье, рассеялись, король поехал в Лондон и там услышал весть о прибытии Гарольда Норвежского. Говорят, что в то время он был болен, но держался так хорошо, как только мог, чтобы подготовить свою армию. И рассказывали, что король Эдуард явился ночью аббату Этельзигу из Рэмси и велел ему пойти к королю и сказать ему, чтобы он приободрился и шел вперед поражать врагов Англии. Теперь эта история кое-что доказывает, ибо те, кто собрал ее воедино, не могли смотреть на Гарольда как на клятвопреступника, узурпатора или человека, не подчиняющегося королю Эдуарду, каким его считали норманны. Гарольд был осужден папой римским, и все же англичане, даже в последующие времена, не думали о нем хуже за это. Так что подобную историю стоит рассказать. Как бы то ни было, король Гарольд собрал свою армию и двинулся в путь так быстро, как только мог. Когда он покидал Лондон, он не мог знать о битве при Фулфорде; но он услышит новости по дороге, и это заставит его двигаться дальше еще быстрее. В воскресенье, 29 сентября, он прибыл в Тэдкастер и произвел смотр флоту на пристани. На следующее утро он прибыл в Йорк. Весь город с радостью принял его, но он сразу же прошел через город, чтобы напасть на врага. Земля между Йорком и Стэмфордбриджем расположена так, что армия, идущая из Йорка, может незаметно подойти совсем близко к Стэмфордбриджу. Итак, мы читаем, что король Англии Гарольд и его войско застали врасплох короля Норвегии Гарольда и его войско. А затем, в тот же понедельник, состоялось первое из двух великих сражений этого года - бой при Стэмфордбридже.

8. Битва при Стэмфордбридже.—В норвежской истории есть грандиозный рассказ о битве, который можно прочитать во многих книгах. Но это не может быть правдой; должно быть, это было сделано много лет спустя. Ибо в нем английская армия описывается как состоящая в основном из всадников и лучников, которые были как раз теми силами, которых не было в английской армии того времени. В последующие дни, когда англичане перешли на нормандский способ ведения боя, там были английские лучники и всадники, и эта история, должно быть, была написана именно тогда. Но в те дни англичане сражались пешими; те, кто выезжал на поле боя верхом, слезали с лошадей, когда начиналось сражение. Тяжеловооруженные сначала метали свои дротики, а затем сражались своими огромными

топорами, а иногда и мечами. Меч был более старым оружием; топор появился при Кнуте. У легковооруженных были дротики, пращи, любое оружие, которое они могли достать; лук был самым редким из всех. Но хотя мы не можем верить норвежской истории, мы кое-что знаем об этой битве от наших собственных Хронистов, и у одного из наших латиноамериканских авторов, Генриха Хантингдонского, есть отрывки, которые явно переведены с английской песни. И эта песня, должно быть, была написана в то самое время, потому что всего через несколько дней людям было о чем подумать, кроме создания песен о Стэмфордбридже. Таким образом, мы узнаем, что битва началась на правом берегу Дервента, ближайшем к Йорку. Английская армия застала врасплох северян, находившихся на той стороне, которые не были ни в порядке, ни полностью вооружены. Вскоре они были изрублены на куски. Но тем временем основные силы на другом берегу успели сформироваться под командованием короля Норвегии Гарольда и ярла Тостига, и один доблестный северянин удержал мост против всего английского войска. Он зарубил своим топором сорок человек; один из немногих лучников в английской армии напрасно выпустил в него стрелу; наконец какой-то человек спустился под мост и пронзил его снизу сквозь сбрую. Затем англичане переправились через реку, и началась настоящая битва, битва двух Гарольдов. Битва была долгой и страшной между двумя одинаково храбрыми армиями, сражавшимися почти одинаково, и каждой из них руководил великий полководец. Но в конце концов англичане одержали полную победу. Гарольд Норвежский и Тостиг оба были убиты в битве, и большая часть норвежской армии была отрезана. Тостиг был известен по отметине на его теле и похоронен в Йорке. А король Англии Гарольд, который в понедельник утром выступил маршем в Йорк из Тадкастера, в тот же понедельник вечером снова выступил маршем в Йорк из Стэмфордбриджа, свергнув первого из двух врагов, угрожавших ему. Итак, заложники всего Йоркшира так и не были переданы Гарольду Норвежскому.

9. Дни после битвы. Норвежская армия была отрезана у Стэмфордбриджа; но норвежский флот все еще находился в Узе у Риколла. Там были Олаф, сын Гарольда Норвежского, и графы Оркнейские. Король Англии Гарольд предложил им мир; поэтому они прибыли в Йорк, дали заложников и поклялись, что будут хранить дружбу с Англией. Несколько дней спустя в Йорке был устроен пир в честь победы; и пока король сидел за столом, прибыл гонец, прискакавший так быстро, как только мог, с юга, чтобы сообщить, что прибыл второй враг. Герцог Вильгельм Нормандский высадился в Сассексе и разорял страну. Он действительно высадился через три дня после битвы при Стэмфордбридже, в четверг, 28 сентября 1066 года. Теперь мы должны вернуться назад и посмотреть на все, что он делал с момента коронации английского короля Гарольда.

ГЛАВА VII.

Приход герцога Вильгельма.

1. Претензии герцога Уильяма.— Каждый, кто знал, что произошло между Уильямом и Гарольдом, должен был знать, что после этого герцог Уильям непременно будет претендовать на английскую корону всякий раз, когда умрет король Эдуард. Скорее всего, он бы так и сделал, даже если бы Гарольд никогда ни в чем ему не клялся; но теперь, когда Гарольд поклялся в чем-то, чем бы это ни было, он был еще более уверен в своих требованиях, чем раньше. Стоит

остановиться и подумать, в чем же на самом деле заключалось заявление Уильяма. Правда в том, что у него не было никаких реальных претензий на что бы то ни было; но он смог хитрым способом соединить несколько вещей вместе, каждая из которых звучала как претензия. И вот, используя один аргумент для одной группы людей и другой для другой, он смог убедить большинство людей за пределами Англии в том, что он законный наследник английской короны, лишенный своего права из-за неправомерных действий Гарольда. На каждое из его утверждений было действительно очень легко ответить; но каждое было такого рода, что могло кого-нибудь убедить, и весь список вместе взятый звучал как действительно очень веское утверждение. Реальный случай был таков. Народ Англии имел право выбирать, кого он изберет своим королем, и он не выбрал Вильгельма. Действительно, обычно выбирали из одного королевского дома, а Гарольд не принадлежал к этому дому. Но и Уильям этого не сделал. Уильям действительно сказал, что он ближайший родственник Эдварда и должен стать его преемником. И, без сомнения, в странах, где понятие избрания королей вытеснялось из памяти, где вступала в силу наследственная преемственность, но где правила наследственной преемственности еще не были полностью установлены, это требование оказало бы влияние на умы людей. Но на самом деле Уильям имел не больше прав на наследство, чем на избрание. Он действительно был родственником Эдуарда по линии матери Эдуарда Эммы; но он не принадлежал к дому древнеанглийских королей, что само по себе могло дать ему какое-либо предпочтение в борьбе за корону перед другими людьми. А тем временем там был молодой Эдгар, более близкий родственник, чем Уильям, и принадлежавший к старому королевскому дому. И стоит отметить, что примерно сто лет спустя, когда понятие наследования укоренилось, люди начали говорить, очень часто о Гарольде, а иногда и об Уильяме, как о беззаконниках по отношению к Эдгару. Но в то время никто об этом не подумал. И согласно современным законам, сам король Эдуард также был бы преступником против Эдгара; ибо по современным законам Эдгар, внук старшего брата, был бы старше Эдуарда, младшего брата. Но наверняка никто в то время и об этом не подумал. Затем Уильям сказал, что Эдуард оставил ему корону. Теперь не может быть никаких сомнений в том, что Эдуард когда-то дал ему какое-то обещание; но английский король не мог никому оставить свою корону; самое большее, что он мог порекомендовать Мудрым Людям, а Эдуард рекомендовал Гарольда. Короче говоря, Уильям не имел никаких прав на корону ни по рождению, ни по завещанию, ни по избранию. Но ему было легко говорить так, как будто он это сделал; и еще легче было упоминать всевозможные другие вещи, которые не имели никакого отношения к делу, но все это помогало создать честное представление. Гарольд был его человеком, который отрекся от него. Гарольд поступил вопреки клятвам нормандских святых. Возможно, это были личные грехи Гарольда, но английский народ не имел к ним никакого отношения. Но Уильям нашел, что сказать и против английского народа. Они во главе с отцом Гарольда убили этельинга Альфреда, двоюродного брата Вильгельма, и его нормандских спутников. Они, в том числе Гарольд, изгнали многих норманнов, в том числе архиепископа Роберта, и поставили на его место архиепископа-раскольника. Они были нечестивым народом, который не проявлял достаточного уважения к папе римскому; он, герцог Вильгельм, пошел бы и научил их лучшим путям. И, если все остальные аргументы потерпят неудачу, он мог бы предложить земли и почести в Англии всем, кто придет и поможет ему завоевать Англию. Короче говоря, Уильям мог показать себя всем - от благочестивого миссионера до простого грабителя. Но заметьте, что вся эта забота о том, чтобы выставить себя на посмешище в глазах мужчин, показывает, что мы вышли из дней простого насилия. Когда англичане вошли в Британию, когда датчане вошли в Англию, когда норманны поселились на

территории, которая должна была стать Нормандией, им и в голову не приходило выдвигать столько веских причин для того, что они делали, сколько герцог Вильгельм выдвигает сейчас.

2. Вызов герцога Вильгельма.—Все эти аргументы очень хорошо звучали на материке, но в Англии к ним никто не прислушивался. И все же это произошло не из-за того, что они не были услышаны. Герцог Вильгельм узнал о смерти Эдуарда, а также об избрании и коронации Гарольда в одном послании; и вскоре он послал вызов новому королю. Поскольку у нас нет точных дат, мы не можем с уверенностью сказать, было ли это до или после путешествия Гарольда в Нортумберленд; но, во всяком случае, это было в начале его правления. Мы также не можем точно сказать, каковы были условия послания. Уильям, конечно, призвал Гарольда сделать то, в чем он поклялся. Но, как существует много историй о том, что именно поклялся сделать Гарольд, так же много историй, а может быть, и больше, о том, к чему именно Уильям теперь призвал его. Пусть он откажется от королевства; пусть он передаст его Вильгельму как своему господину; пусть он будет графом половины королевства при Вильгельме; пусть он в любом случае женится на дочери Вильгельма; он, во всяком случае, обещал это сделать. Итак, если послание пришло после того, как Гарольд женился на Эдгит, то эта последняя часть, должно быть, была насмешкой. Действительно, все послание, должно быть, было отправлено не с какой-либо надеждой или мыслью, что Гарольд что-нибудь предпримет из-за этого, а просто для того, чтобы Уильям мог сказать, что он дал своему врагу все шансы, и, таким образом, могло показаться, что он еще больше прав, а Гарольд еще больше неправ. Ибо нет нужды говорить, что о чем бы Уильям ни просил, Гарольд отказывался. Как существуют разные истории о вызове Уильяма, так и об ответе Гарольда существуют разные истории. В некоторых отчетах его заставляют дать ответ, который охватывает все. Его клятва не была обязательной, потому что она не была дана добровольно. Он не мог отказаться от своего королевства или отобрать его у Вильгельма, потому что английский народ отдал ему корону, и никто, кроме них, не мог отнять ее у него. А что касается женитьбы на дочери Вильгельма, то в одном рассказе он говорит, что дочь, на которой он обещал жениться, умерла, в другом - что английский король не мог жениться на иностранке без согласия Мудрецов. Его не заставляют говорить, что он уже женат. Так что, возможно, послание пришло до того, как он женился на Эдгит, или, возможно, норманнам этот ответ показался бы только усугубляющим ситуацию.

3. Советы герцога Вильгельма.—Теперь Вильгельму, если он желал английской короны, ничего не оставалось, как попытаться отнять ее силой. Тогда его первым делом было посмотреть, какую помощь он сможет получить в своем собственном герцогстве. Сначала он собрал небольшой совет из своих ближайших друзей и родственников; они сказали, что сами помогут ему, но ни за кого другого отвечать не могут. Затем он собрал большой совет из всех баронов Нормандии в Лилебоне. Здесь была большая оппозиция. Многие говорили, что следовать за герцогом за море не входит в их обязанности; многие также говорили, что это предприятие было опрометчивым и что Нормандия не в состоянии завоевать Англию. И в конце концов собрание не пришло ни к какому общему голосованию; но Вильгельм перебирал баронов одного за другим, пока все они не пообещали помочь ему; каждый даст столько-то кораблей и столько-то людей. И когда это дело однажды разгорелось за границей, люди начали охотно за ним браться, и вся Нормандия была полна рвения к этому начинанию. Первое, что нужно было сделать, - это создать флот; поэтому были срублены деревья и построены корабли, и все гавани Нормандии были заняты кораблестроением все лето. В течение августа флот был готов. Все великие люди Нормандии подарили корабли. И к тому времени люди, которых хватило бы, чтобы заполнить их, стеклись сюда как из Нормандии, так и из других земель.

4. Переговоры герцога Уильяма.—В то время все складывалось так же удачно для Уильяма, как и неудачно для Гарольда. Против Гарольда выступили сразу два врага, и он не мог выстоять против обоих. Так что несколько лет назад, если бы Вильгельм предпринял такое предприятие, как завоевание Англии, он оставил бы свое герцогство открытым сразу для нескольких врагов. Сейчас ему некого было бояться. Все его старые враги были мертвы: король Франции Генрих, герцог Вильгельм Аквитанский и граф Жоффруа Анжуйский. Мы видели, что не исключено, что Гарольд когда-то думал о союзе с некоторыми из этих принцев на случай, если у Вильгельма были какие-либо виды на Англию. Теперь такого шанса не было. Молодой король Франции Филипп был под опекой тестя Вильгельма Балдуина Фландрского. В Анжу шла гражданская война. Единственным соседом, который мог представлять опасность, был Конан из Британии. Он погиб примерно в это же время во время Анжуйской войны, и есть легенда, что Уильям ухитрился отравить его уздечку, перчатки и охотничий рог. Странно то, что об этом упоминает нормандский писатель, а бретонцы ничего не говорят по этому поводу. Но это было не похоже на Вильгельма - отравлять кого бы то ни было, и несомненно, что, кроме его собственных подданных, ни один народ не следовал за ним с такой готовностью, как бретонцы. К королю Франции Вильгельм отправил посольство; некоторые даже говорят, что он предложил удержать Англию от него. Во всяком случае, он обеспечил безопасность на стороне Франции. И он послал к молодому королю Германии Генриху, сыну императора Генриха. Здесь Англия со смертью императора действительно потеряла друга, а не просто врага врага. Ни один из этих королей не оказал Вильгельму никакой помощи; но они делали все, что он хотел; они ничего не предпринимали против него и не препятствовали своим подданным присоединяться к его армии. Но самые важные переговоры Вильгельма из всех были с папой римским Александром Вторым. Он пытался показать не только, что Гарольд был клятвопреступником и грешником против святых, которого папа должен был наказать, но и что его предприятие против Англии в значительной степени пошло бы на пользу Римской церкви. Дисциплина в Англии должна быть лучше обеспечена, и деньги, которые выплачивались папе римскому, называемые *ромеско* или *Петерпенс*, должны выплачиваться более тщательно. И помимо всего этого, в Риме были люди, которые могли видеть, насколько возросла бы власть папы, если бы ему когда-нибудь разрешили распоряжаться коронами или судить между одним претендентом на корону и другим. Некоторые кардиналы говорили, что Церковь не должна вмешиваться в дела крови или натравливать христиан на борьбу друг с другом. Но голос этих справедливых людей был отвергнут, главным образом аргументами Гильдебранда, главного советника папы римского, который в то время был архидиаконом Рима, а впоследствии сам стал великим папой Григорием Седьмым. Итак, папа Александр, по-видимому, не слыша никого с английской стороны, постановил, что Гарольд был лжесвидетелем и что дело герцога Вильгельма было праведным. Поэтому он подарил герцогу освященное знамя и кольцо с волосами святого Петра. Таким образом, Вильгельм смог напасть на Англию, ее короля и ее свободу, как если бы он вел священную войну против врагов веры.

5. Путешествие герцога Вильгельма.—В течение августа все было готово. Флот был построен и укомплектован личным составом, а армия была готова переправиться в Англию. Местом встречи было устье Дайва. О количестве кораблей и людей нам сообщают совсем по-другому; но нормандский поэт Уэйс, чей отец был там, говорит, что количество кораблей составляло 696. Это были всего лишь большие транспортные лодки с одной мачтой и парусом. Когда их соединили во время погружения, их целый месяц продержали в ожидании южного ветра, который доставил бы их в Англию. Для Англии было бы лучше, если бы южный ветер подул

сразу; ибо в августе король Гарольд и его армия все еще были готовы встретить их; но, как бы то ни было, норманны не появлялись до тех пор, пока первая армия не была распущена, а Гарольд не был занят войной на севере. Наконец, хотя южного ветра не было, зато появился западный, и флот отплыл в Сен-Валери в устье Соммы, в земле графа Ги Понтье. Теперь они были гораздо ближе к Англии, чем во время Погружения, но все равно не могли пересечь границу до среды, 27 сентября, через два дня после битвы при Стэмфордбридже. Затем, наконец, подул южный ветер, и флот переправился ночью. Собственный корабль герцога, "Мора", подарок герцогини Матильды, отплыл первым с огромным фонарем на мачте, чтобы направлять их. В четверг утром герцог нормандский и его воинство высадились в Певенси в Сассексе. Они приземлились под стенами римского города Андериды, который стоял заброшенным и пустым с тех пор, как почти шестьсот лет назад его взяли штурмом южносаксы. Только что в тех краях не было сил, способных помешать высадке норманнов. Есть история о том, что, когда Уильям приземлялся, его нога поскользнулась, и он упал. Но когда он поднялся с полными руками английской земли, он повернулся и сказал, что он *захватил* свое королевство, ибо земля Англии была в его руках. Так или иначе, он впервые овладел английской землей при Певенси, где оставил часть войск. Затем, в пятницу, 29 сентября, он двинулся к Гастингсу, который сделал своей штаб-квартирой. Он насыпал там холм и построил деревянный замок. И из этого центра он начал опустошать страну вдоль и поперек, чтобы заставить короля Гарольда прийти раньше и сразиться.

6. Поход короля Гарольда.Известие о высадке герцога Вильгельма, как мы видели, было доставлено королю Гарольду в Йорк так быстро, как только могло быть доставлено. И король Гарольд двинулся в свой поход на юг так быстро, как только мог двигаться человек. Со своими слугами и теми людьми из северных графств, которые были готовы немедленно последовать за ним, он отправился в Лондон. Эдвину и Моркеру было приказано следовать со всей скоростью во главе всего войска своих графств, в то время как король послал собрать людей из своего собственного Уэссекса и из графств своих братьев Гирта и Леофвина, чтобы прибыть на сбор в Лондон. Таким образом, люди всей южной и восточной Англии пришли по приказу короля, но главные силы севера так и не пришли. Эдвин и Моркер держали своих людей при себе, скорее всего, надеясь отстоять свои собственные графства либо от Гарольда, либо от Уильяма. Таким образом, король Гарольд получил мало помощи в своей второй борьбе от земель, которые он спас в первой. Пока войска подходили, король отправился в церковь, которую он сам построил в Уолтеме, и помолился там. И люди говорили, что при его пришествии были совершены знамения и чудеса; ибо изображение на Святом Кресте склонило голову, как бы говоря: 'Все свершилось'. Поэтому каноники Уолтема опасались, что их король и основателю причинят вред. И двое из них последовали за войском короля Гарольда к месту битвы, чтобы в любом случае увидеть конец.

7. Новое послание герцога Уильяма.Теперь войско было готово выступить в Сассекс, все, кроме жителей тех графств, чьи войска так и не прибыли. И вот от герцога Вильгельма к королю в Лондон прибыл еще один гонец. Монах из Фекана, большого аббатства в Нормандии, недалеко от морского побережья, пришел и предстал перед королем Англии на его троне. Он велел ему спуститься с него и выдержать судебный процесс между ним и герцогом, который претендовал на корону по завещанию Эдуарда и человеком которого он сам стал. Король — так утверждают нормандские авторы — ответил, что его клятва Вильгельму, как невольная, не имеет силы, и что любое завещание Вильгельму не имело силы по более поздней рекомендации самого Эдуарда. Этот ответ, как будет видно, не касался сути вопроса; но это был достаточный ответ на данное конкретное сообщение. Затем король отправил герцогу Вильгельму послание с

предложением своей дружбы и богатых подарков, если тот спокойно покинет страну; но если он настроен сражаться, он встретится с ним в бою в следующую субботу. Тогда ярл Гирт дал своему брату мудрый, но жестокий совет. Он сказал, что, поскольку Гарольд так или иначе поклялся Уильяму, было бы нехорошо, если бы он встретился с ним в бою. Пусть он, Гирт, пойдет против герцога Вильгельма с уже собранным войском; пусть король тем временем дожидается свежих войск и опустошит все земли между Лондоном и морем, так что, даже если норманны выиграют битву с Гиртом, им нечего будет есть, и их герцог будет вынужден уйти. Но король Гарольд сказал, что он никогда не позволит своим братьям и своему народу вступить в бой, в то время как сам уклоняется от этого, и что он никогда не сожжет дом или не опустошит поле в земле, над которой ему суждено стать королем. Итак, король выступил из Лондона со своим войском и в пятницу, 13 октября, достиг холма Сенлак, расположенного в семи милях от лагеря герцога в Гастингсе, и там стал ждать нападения норманнов.

8. Лагерь короля Гарольда.— Англичане, как уже было сказано, привыкли сражаться пешими. Это были отважные люди, способные метать свои дротики и встречаться с врагом врукопашную со своими топорами; но у них не было всадников и очень мало лучников. Норманны, с другой стороны, были лучшими всадниками и лучниками в мире. Поэтому план короля Гарольда состоял не в том, чтобы атаковать врага, а в том, чтобы позволить им атаковать себя; не встречаться с ними на широкой равнине, пригодной для всадников, а удерживать укрепленное место, при атаке на которое нормандская конница была бы менее полезна. Поэтому он разбил свой лагерь на холме, который выделяется из основной цепи холмов и склоны которого местами очень крутые; он огородил его частоколом и рвом с южной стороны, где местность была менее крутой. Земля между Гастингсом и Сенлаком была лесистой, неровной и холмистой, а земля у подножия холма, должно быть, тогда была простым болотом. Поэтому норманнам пришлось бы немало повозиться, чтобы добраться до холма и взобраться на него, и, если бы они добрались до вершины, то обнаружили бы там англичан, готовых сразить их наповал. Так мудро король Гарольд выбрал место своей битвы, ибо он хорошо знал землю Сассекс.

9. Последнее испытание.— И король Гарольд, и герцог Вильгельм послали шпионов посмотреть, что делает другой. Говорят, что английский шпион вернулся и сообщил, что в нормандском лагере было больше священников, чем солдат. В прежние времена и норманны, и англичане носили бороды; но теперь норманны брили все лицо, как священники, в то время как англичане носили усы только на верхней губе. Итак, шпион принял бритых норманнов за священников. Тогда король Гарольд рассмеялся и сказал, что они сочтут этих священников настоящими доблестными воинами. Одна легенда гласит, что король Гарольд и граф Гирт вместе отправились разведать лагерь норманнов и вернулись невредимыми. И еще говорят, что теперь, после того, как лагерь был разбит на Сенлаке, герцог Вильгельм послал еще одно последнее послание и вызов королю Гарольду. Еще раз, отдаст ли Гарольд королевство Вильгельму, согласно своей клятве? Удержит ли он и его брат Гирт королевство Вильгельма как его люди? Наконец, если он отклонит любое из этих предложений, встретится ли он с Уильямом один на один? Корона должна стать наградой победителю, и кровь их сторонников с обеих сторон будет пощажена. Но король Гарольд отверг все эти предложения; ибо принять любое из них, даже поединок один на один, означало бы признать, что война была его личной ссорой с Вильгельмом, а не ссорой народа Англии, на землю которой Вильгельм несправедливо вторгся. Очевидно, что Гарольд не имел права ставить на карту корону в вопросе о единоборстве. Если бы Вильгельм убил Гарольда, это не дало бы Вильгельму никаких прав на корону, которые народ Англии должен был отдать кому пожелает. И если бы Гарольд убил Вильгельма, нормандская

армия вряд ли ушла бы спокойно; в конце концов, предстояла бы битва. Так что король Гарольд, несомненно, был прав, отказываясь ставить судьбу Англии на карту в одиночку. Следует помнить, что все эти истории принадлежат нормандским писателям; наши английские хроники очень коротко излагают их. Но мы можем быть почти уверены, что в них есть доля правды, и эта история с вызовом кажется весьма вероятной. Как бы то ни было, к вечеру пятницы каждый солдат в каждой армии знал, что завтра начнется великая битва за корону и свободу Англии.

ГЛАВА VIII.

Великая битва.

1. Власти.— Прежде чем мы расскажем историю о великой битве на Сенлаке, которая составляет центр всего нашего повествования, было бы неплохо остановиться и немного подумать об источниках, из которых эта история взята. Наши собственные хронисты сообщают нам очень мало; они не любили заикливаться на поражении короля и народа Англии. Поэтому нам приходится черпать большинство подробностей из нормандских источников. Из них есть несколько, среди которых четыре имеют особое значение. Есть рассказ на латыни в прозе Вильгельма, архидьякона Пуатье, служившего в армии Завоевателя, и рассказ на латыни в стихах Ги, епископа Амьенского, написанный вскоре после этого. Оба они были придворными и льстецами Вильгельма; и все же мы можем многому у них научиться. Более честным автором, хотя и не столь близким к тому времени, является мастер Уэйс, каноник из Байе, чей отец переправился вместе с Уильямом и поэтому, скорее всего, участвовал в битве. Уэйс написал историю нормандских герцогов на французском языке под названием "*Роман де Ру*", и в ней он дает полный отчет о битве. Он явно приложил немало усилий, чтобы узнать все, что мог, об этой битве и обо всех, по крайней мере, на нормандской стороне, кто в ней участвовал. Но более всего ценен знаменитый Гобелен из Байе, который содержит всю историю Завоевания, от путешествия Гарольда до конца битвы, выполненную вышивкой. Это было сделано очень скоро по прошествии того времени по заказу епископа Одо для его церкви в Байе. Это главные авторитеты; по ним и с точки зрения местности нетрудно разобраться в истории. И мы получаем случайные сведения, такие как имена людей, участвовавших в битве на стороне англичан, из всевозможных источников здесь и там, среди них из великой летописи под названием *Domesday*, о которой мы сейчас поговорим.

2. Поход норманнов. Нормандские писатели сообщают нам, что армия герцога Вильгельма провела ночь перед битвой, ночь на пятницу, 13 октября, в молитвах и разборках, в то время как англичане провели ее в выпивке и пении. И, конечно, если наши люди споют что-нибудь из старых боевых песен, мы не будем думать о них хуже. Но именно такие вещи мы часто встречаем у писателей победившей стороны, говорящих о побежденной армии. В любом случае, рано утром в субботу обе армии были вполне готовы приступить к своей работе. Норманны прошли маршем от Гастингса до высоты Телхэм, напротив Сенлака. Там они приготовились к битве; рыцари сели на своих боевых коней и надели сбрую. Кольчуга герцога по какой-то случайности была повернута не в ту сторону; но его находчивость превратила это в доброе предзнаменование, он сказал, что герцог вот-вот превратится в короля. Затем он сел на коня, посмотрел на то место, где, по словам его шпионов, находился английский король, и поклялся,

что там, где стоял штандарт Гарольда, он, если выиграет сегодняшнюю битву, построит собор святого Мартина Турского. Затем войско двинулось тремя дивизиями. Слева граф Алан Британский командовал бретонцами, пуатевенцами и мансеями. Среди них был один английский предатель, Ральф из Вейдера или Норфолка. По-видимому, он был изгнан Эдуардом или Гарольдом, и, поскольку по матери он был бретонцем, он теперь вернулся к народу своей матери. Справа Роджер Монтгомери, один из самых известных лордов Нормандии, командовал французами и наемниками со всех сторон. В центре были сами норманны, и посреди них было знамя, прибывшее из Рима, которое нес рыцарь из Ко по имени Тустен (то есть Терстан) Белый. Рядом с ним ехали герцог и два его сводных брата, епископ Байе Одо и граф Роберт де Мортен. Герцог носил на шее реликвии, на которых поклялся Гарольд. В каждой из этих трех дивизий было по три отряда солдат. Первыми отправились лучники и другие легковооруженные пехотинцы, которые должны были попытаться привести англичан в замешательство своими стрелами и другими метательными средствами. Затем появились тяжеловооруженные пехотинцы, которые должны были попытаться разрушить частокол, и, наконец, всадники. У лучников не было защитных доспехов; всадники и тяжеловооруженные пехотинцы были в кольчугах и шлемах с наконечниками. У рыцарей были щиты в форме воздушного змея, длинные копья, занесенные над рукой, и мечи для ближнего боя. Только герцог и епископ носили булавы вместо мечей. Булава была самым страшным и сокрушительным оружием; говорили, что Одо носил ее вместо меча или копья, потому что церковные каноны запрещали священнику проливать кровь. В таком составе им предстояло пересечь холмистую и болотистую местность между холмами Телхэм и Сенлак.

3. Массив англичан.—Тем временем король Гарольд выстроил свою армию на холме, чтобы защитить свой укрепленный пост от нападения норманнов. Все были пешими; те, у кого были лошади, использовали их только для того, чтобы доставить на поле боя, и слезали с них, когда приходило время настоящего сражения. Итак, на Гобелене мы видим, как король Гарольд объезжает свое войско верхом, чтобы выстроить его и увещевать; затем он спускается с коня и пешим занимает свое место в битве. Армия состояла из солдат двух совершенно разных типов. Там были личные приверженцы короля, его приближенные, его собственные таны и отборные войска в целом, среди них мужчины из Лондона, которые утверждали, что являются особой королевской стражей, и мужчины из Кента, которые утверждали, что нанесут первый удар в битве. Доспехи у них были почти такие же, как у норманнов, с дротиками для метания в первую очередь, а для ближнего боя - либо мечом, более древним английским оружием, либо, чаще, большим датским топором, который принес Кнут. Им владели обеими руками, и это было самое страшное из всех видов оружия, если удар достигал цели; но оно оставляло своего владельца особенно незащищенным во время нанесения удара. Люди были выстроены так близко друг к другу, насколько позволяло пространство, необходимое для владения оружием; и, помимо частокола, передние ряды создавали своего рода внутреннюю защиту своими щитами, называемую *стеной из щитов*. Нормандских писателей особенно поразило теснота англичан, и они говорят о них как о стоящих, как деревья в лесу. Помимо этих отборных войск, были также общие рекруты из соседних земель, которые приходили так или иначе вооруженными, с таким оружием, какое только могли достать, причем лук был самым редким из всех. Эти второстепенные войска были размещены справа, на наименее открытой части холма, в то время как король со своими отборными войсками стоял в готовности встретить самого герцога Вильгельма. Король стоял между двумя своими знаменами, национальным значком, драконом Уэссекса, и своим собственным Штандартом - огромным флагом с вырезанной на нем золотом

фигурой воина. Рядом с королем стояли его братья Гирт и Леофвин, а также другие его родственники — среди них, несомненно, был его дядя Эльфвиг, настоятель Нового собора в Винчестере, который вышел на бой с двенадцатью своими монахами. Леофрик, аббат Питерборо, тоже был там; но мы не слышим ни об одном из епископов. Был ли там граф Уолтеф, неизвестно; несомненно, что Эдвин и Моркерэ там не были.

4. Начало битвы.—К девяти утра норманны достигли холма Сенлак, и начался бой. Но прежде чем была предпринята настоящая атака, жонглер или менестрель в нормандской армии, известный как *Тайллефер*, то есть Железный Тесак, попросил разрешения герцога нанести первый удар. И он уехал, распевая песни о Карле Великом, как французы называют императора Карла Великого, и о Роланде, его паладине. Затем он подбросил свой меч в воздух и снова поймал его; он зарубил двух англичан, а затем был зарублен сам. После этой простой бравады началась настоящая работа. Сначала послышался залп стрел от каждой дивизии нормандской армии. Затем тяжеловооруженная пехота двинулась дальше, чтобы пробиться на холм и разрушить частокол. Но англичане метали в них свои дротики, когда они приближались, и рубили их топорами, когда они подходили достаточно близко, чтобы можно было нанести удар руками. Норманны кричали “Боже, помоги нам”; англичане кричали “Боже Всемогуший”, а собственный боевой клич короля “Святой крест” — Святой Крест Уолтема. Тяжеловооруженная пехота Вильгельма наступала по всей линии, коренным норманнам пришлось столкнуться в центре с отборными войсками короля Гарольда. Атака была тщетной; они были отброшены и не смогли разрушить частокол. Тогда сами всадники во главе с герцогом устремились вверх по склону холма. Но все было напрасно; англичане удерживали свои прочные позиции; норманнам пришлось отступить; бретонцы слева действительно повернули и обратились в бегство. Тогда хуже вооруженные и менее дисциплинированные английские войска не смогли устоять перед искушением спуститься с холма и преследовать их. Вся линия нормандской армии начала колебаться и во многих частях отступать. Распространился слух, что герцог был убит. Уильям предстал перед своими войсками и своими словами, взглядами и ударами, с помощью своего брата епископа, вернул их в бой. Летящие бретонцы теперь воспрянули духом; они развернулись и разрубили на куски преследовавших их англичан. До сих пор сопротивление англичан было вполне успешным везде, где они подчинялись приказам короля и держали оборону. Но вина тех, кто отправился преследовать врага, ослабила линию обороны и показала норманнам истинный путь к победе в тот день.

5. Вторая атака.—Теперь началась самая ожесточенная борьба за весь день. Герцог и его ближайшие сторонники попытались прорваться к английским границам в том самом месте, где король стоял под своим знаменем со своими братьями. Два соперника были близки к тому, чтобы встретиться лицом к лицу. В этот момент граф Гирт метнул свое копье, которое промахнулось мимо герцога, но убило его лошадь и сбilo всадника на землю. Затем Уильям подошел к баррикаде пешком и убил Гирта в рукопашной схватке. В то же время был убит другой брат короля, граф Леофвин. Герцог вскочил на другого коня и снова ринулся вперед, но барригада и стена щитов выдержали все попытки. Справа атака французской дивизии была более удачной; частокол был частично разрушен. Но англичане со своими щитами и топорами все еще удерживали свои позиции, и норманны не смогли ни взобраться на вершину холма, ни приблизиться к знамени.

6. Притворное бегство.Сражение продолжалось уже несколько часов, и герцог Вильгельм понял, что, если он полностью не изменит свою тактику, у него нет надежды преодолеть

сопротивление англичан. Они понесли большие потери в результате гибели двух графов, и в некоторых местах их оборона была ослаблена; но армия в целом держалась на своих позициях так же твердо, как и всегда. Затем Вильгельм прибегнул к самой опасной стратагеме, то, что он прибегнул к ней, показывает, как мало у него теперь было надежды добиться успеха какой-либо прямой атакой. Он понял, что его единственный способ - сбить англичан с холма, поскольку часть их уже спустилась. Поэтому он приказал своим людям притвориться бегущими. Норманны повиновались; казалось, все войско обратилось в бегство. Нерегулярные отряды англичан справа снова прорвали их строй; они побежали вниз по склону и оставили ту часть, где подъем на него был наиболее легким, открытой для захватчиков. Теперь норманны повернулись к своим преследователям, обратили большинство из них в бегство и смогли подняться на ту часть холма, которая осталась незащищенной, по-видимому, около трех часов дня. Таким образом, англичане утратили преимущество на местности; теперь им приходилось противостоять всадникам пешими, опираясь только на свои щиты. Однако это продолжалось еще несколько часов. Но теперь преимущество было на стороне норманнов, и битва превратилась в серию единоборств. Главной целью норманнов было прорубить себе путь к знамени, где все еще сражался король Гарольд. При этой попытке погибло много людей; сопротивление англичан ослабло; и все же, когда наступил вечер, они все еще сражались во главе со своим королем, и потребовался новый прием герцога, чтобы довести битву до конца.

7. Конец битвы. Этот новый прием заключался в том, чтобы приказать его лучникам стрелять в воздух, чтобы их стрелы падали, как он сказал, подобно стрелам с небес. Им, конечно, было приказано целиться в тех, кто сражался вокруг штандарта. Тем временем двадцать рыцарей обязались опустить или снести само знамя. Лучники стреляли; рыцари наступали; и одна стрела произвела самый смертоносный эффект из всех; она пронзила правый глаз короля Гарольда. Он упал у штандарта; большинство из двадцати рыцарей были убиты, но четверо добрались до короля, когда он еще дышал, нанесли ему множество ран и унесли двух прапорщиков. Был уже вечер; но, хотя король был мертв, битва все еще продолжалась. Из отборных войск самого короля, похоже, ни один человек не бежал и не был взят в плен. Все погибли на своих постах, за исключением нескольких раненых, которые были отброшены в сторону как мертвые, но нашли в себе силы уйти на следующее утро. Но нерегулярные войска бежали, некоторые из них на лошадях убитых людей. Но даже в этот последний момент они знали, как отомстить своим победителям. Норманны, не зная местности, преследовали их в темноте. Таким образом, англичане смогли заманить их в опасное место за холмом, где было убито немало норманнов. Но герцог сам вернулся на холм, разбил там свою палатку, устроил полуночный пир и всю ночь бодрствовал там вместе со своим воинством.

8. Похороны Гарольда. На следующий день, в воскресенье, герцог отправился в поле и позаботился о погребении своих людей. И женщины по соседству пришли просить о погребении тела своих родственников и друзей. Им разрешили отнести их в соседние церкви. Но герцог Вильгельм заявил, что, если тело Гарольда будет найдено, он, как лжесвидетель, отлученный папой от церкви, не должен быть похоронен по-христиански. Мать Гарольда, Гита, предложила огромную сумму — как говорили, по весу тела в золоте, — за то, чтобы ему разрешили похоронить его в Уолтеме. Но Вильгельм отказался и приказал одному из своих рыцарей, Уильяму Мале по имени, похоронить его без христианских обрядов, но в остальном с почестями, под пирамидой из камней на скалах Гастингса. Тем не менее, в Уолтеме была могила короля Гарольда, и там всегда говорили, что двое каноников, следовавших за Гарольдом туда, попросили отдать им его тело, а когда они не смогли определить это из-за его ран, они

призвали на помощь женщину по имени Эдит, которую он любил до того, как стал королем, и что она узнала это по знаку. Затем им разрешили похоронить его в Уолтеме. Правда, скорее всего, заключается в том, что тело короля Гарольда сохранилось очень хорошо, как мы знаем, что тело графа Уолтхофа сохранилось десять лет спустя. То есть сначала его похоронили на скалах, но впоследствии Вильгельм, ныне король, смягчился и позволил похоронить его в своей собственной церкви. Во всяком случае, не может быть никаких сомнений в том, что Гарольд погиб в битве, о чем отчетливо говорят все писатели, жившие в то время, как нормандские, так и английские. Но, как часто бывает в таких случаях, впоследствии распространилась легенда, в которой говорилось, что он не был убит, а только тяжело ранен, что его унесли живым, и он прожил много лет, умерев наконец отшельником в Честере. Подобное рассказывают о брате Гарольда Гирте, но нет причин верить ни тому, ни другому рассказу.

9. Последствия битвы.— Следует хорошо понимать, что эта великая победа не сделала герцога Уильяма королем и не передала ему во владение всю землю. Он по-прежнему владел только частью Сассекса, а жители остальной части королевства пока не проявляли желания подчиняться ему. Если бы в Англии остался такой лидер, как Гарольд или Гирт, Вильгельму, возможно, пришлось бы участвовать в стольких же битвах, как Кнут, и то с гораздо меньшими шансами на победу в конце концов. Ибо большая часть Англии охотно сражалась на стороне Кнута, в то время как у Вильгельма вообще не было друзей в Англии, за исключением нескольких нормандских поселенцев. Вильгельм называл себя королем только после того, как более двух месяцев спустя его регулярно короновали, и даже тогда он реально владел лишь примерно третью часть королевства. Прошло более трех лет, прежде чем он полностью овладел всем этим. Тем не менее великая битва при Сенлаке, тем не менее, решила судьбу Англии. Ибо после этой битвы Вильгельм никогда не встречал всеобщего сопротивления. Ему никогда больше не приходилось вести ожесточенную битву с другим носителем или претендентом на английскую корону. Таким образом, он смог постепенно завоевывать эту землю. Как это произошло, мы увидим в следующей главе. Но очень важно не придавать слишком большого значения битве при Сенлаке или Гастингсе. Это не сделало Уильяма ни формальным королем, ни практическим хозяином королевства. Но, как оказалось, результат битвы сделал очевидным, что рано или поздно он станет и тем, и другим.

ГЛАВА IX.

Как герцог Вильгельм стал королем.

1. Избрание Эдгара.—Говорят, что после великой битвы герцог Вильгельм ожидал, что вся Англия сразу преклонится перед ним. В этой надежде он разочаровался. В течение целого месяца после битвы ему никто не подчинялся, за исключением тех мест, где он действительно проявил себя со своей армией. Общим намерением Англии было выбрать другого короля и вести войну под его началом. Но было трудно понять, кого выбрать. Братья Гарольда были мертвы; его сыновья были молоды, и неясно, родились ли они в законном браке. Эдвин и Моркер к этому времени добрались до Лондона, но никто в южной Англии не имел ни малейшего шанса выбрать кого-либо из них. Единственное, что оставалось сделать, это выбрать молодого Эдгара, последнего из старого королевского рода. Поэтому Мудрецы

Лондона выбрали Эдгара королем. Он совершил один или два акта королевской власти; но он никогда не был полноправным королем, поскольку не был коронован. Он, несомненно, был бы коронован на Рождество, сложись все иначе. Когда он был избран, Эдвин и Моркер вывели свои войска и вернулись в свои графства, взяв с собой в Честер свою сестру Элдгит, вдову Гарольда. Скорее всего, они думали, что либо Вильгельм будет удовлетворен занятием земель, которыми владели Гарольд и его братья, либо что они смогут отстоять против него свои собственные графства. Поступив таким образом, они уничтожили последний шанс Англии, который состоял в том, чтобы вся страна преданно сплотилась вокруг Эдгара. Одна только Южная Англия, ослабленная резней при Сенлаке, была совершенно неспособна противостоять Вильгельму.

2. Поход Вильгельма.—После битвы Вильгельм пять дней ждал в Гастингсе, думая, что люди придут и поклонятся ему. Но поскольку никто не вошел, он двинулся дальше в Кент. Основные силы этой страны были отрезаны в битве; поэтому о сопротивлении не могло быть и речи, и одно место покорялось за другим. Так же поступили Дувр, где находился один из немногих замков в Англии, и Кентербери. В этот момент поход Вильгельма был остановлен болезнью; но даже тогда он смог отправить гонцов в Винчестер. Этот город, где жила овдовевшая леди Эдит, тоже подчинился. Затем он двинулся к Лондону; но он не переправлялся через Темзу; его политика заключалась в том, чтобы завоевать великий город, сначала заняв земли вокруг него. Однако он разгромил вылазку лондонцев и сжег пригород Саутуорк. Затем он прошел по правому берегу Темзы до Уоллингфорда, где переправился через реку. Затем он направился на восток, к Беркхэмпстеду, намереваясь обойти Лондон с севера. После Беркхэмпстеда в этой первой кампании ему больше не нужно было выступать в качестве врага.

3. Избрание и коронация Вильгельма.— Жители Лондона поначалу стремились продолжить войну. Но они были ослаблены изменой северных графов, и по мере того, как Вильгельм постепенно приближался к северу от города, сердца их подводили. Мудрецы и горожане в конце концов согласились, что ничего не остается, как подчиниться Вильгельму. Итак, избранный королем Эдгар отказался от своих притязаний, пошел с архиепископом Элдредом и другими высокопоставленными людьми и предложил Уильяму корону. Говорят, что он испытывал некоторые угрызения совести, принимая это, хотя на самом деле владел такой небольшой частью королевства; но он не мог не видеть, насколько велика была бы для него выгода от завоевания остального, если бы он мог выдать себя за короля Англии, законно избранного и коронованного. Поэтому он приехал в Лондон, и на Рождество Элдред регулярно короновал и помазывал его, как Гарольда в день Богоявления. Во время его коронации нормандские солдаты несли караул у здания собора. И когда людей внутри спросили, хотят ли они видеть герцога Вильгельма своим королем, и они закричали: "Да, да, норманны снаружи подумали, что герцогу причиняют какой-то вред; поэтому — странный способ помочь ему, можно подумать — они подожгли дома рядом с церковью. Другие выбежали из церкви, чтобы потушить пожар, и было много неразберихи и разрушений. Таким образом, старые и новые подданные нового короля поссорились в самый день его коронации, хотя вряд ли по его вине. Тем временем для поддержания порядка в городе поднималась крепость, положившая начало знаменитому Лондонскому Тауэру. Пока он строился, король удалился в Баркинг в Эссексе, недалеко от Лондона.

4. Подчинение Северных графов.—Пока король Вильгельм находился в Баркинге, большинство знатных людей севера Англии подошли и поклонились ему, как это сделали

знатные люди юга в Беркхэмпстеде. Эдвин и Моркир к этому времени поняли, что Уильям не возражает против половины королевства; поэтому они пришли, поклонились ему и были восстановлены в своих графствах. Скорее всего, Уолтеф сделал то же самое. То же самое сделал Копсидж, бывший фаворит и лейтенант Тостига, и другие влиятельные люди в тех краях. Уильям принял их всех любезно. Но, похоже, Освульф не приехал. По крайней мере, несомненно, что он чем-то обидел нового короля; ибо вскоре, в феврале, Вильгельм лишил его графского титула и передал его Копсиджу.

5. Позиция Уильяма. Вильгельм теперь был королем Англии, насколько это могли сделать регулярные выборы и коронация, а также подчинение главных людей страны. Но не следует думать, что он обладал какой-либо реальной властью над всем королевством. Он фактически владел юго-восточной частью, от Хэмпшира до Норфолка. Из главных городов он удерживал Лондон, Винчестер, Кентербери, Норвич и, скорее всего, Оксфорд. И, похоже, его признали в части Херефордшира, где нормандец по имени Осберн, один из старых строителей замка Ричарда, был шерифом при Эдуарде. Но во всей северной, западной и северо-западной Англии он был королем лишь постольку, поскольку другого короля не существовало. Ни одного нормандского солдата не видели поблизости от Йорка, Эксете́ра, Линкольна или Честера. Покорность графов не влекла за собой никакого реального послушания со стороны их графств. Но теперь, когда Вильгельма признали королем, это соответствовало политике Вильгельма - действовать во всем так, как если бы он обладал полной властью повсюду. Таким образом, он вернул Эдвину и остальным земли и должности, которые у него пока не было средств отобрать у них. Таким образом, он заявил, что отдает графство Освульф Копсиджу. Эта последняя история учит нас, каково было реальное положение вещей. Правда в том, что Копсидж, враг Освульфа, хотел сместить его. Его целям соответствовала возможность использовать имя Уильяма, и Уильяму было удобно наделять его полномочиями для этого. Но Уильям не смог дать Копсиджу никакой реальной власти в Нортумберленде. Очень скоро после того, как он отправился туда в качестве графа, назначенного новым королем, он был убит сторонниками Освульфа, которые сохраняли графство до тех пор, пока позже в том же году он сам не был убит грабителем.

6. Конфискации и пожалования земель Уильямом. — В понимании закона Уильямом он сам был, с момента смерти Эдуарда, на самом деле не полноправным королем, которым он не мог быть, пока не был коронован и помазан на царство, но единственным человеком, имевшим право стать королем. Те, кто мешал ему мирно принять корону, прежде всего те, кто сражался против него при Сенлаке, были мятежниками и предателями. Гарольд, по его мнению, был не королем, а всего лишь узурпатором; на юридическом языке правления Вильгельма его никогда не называли королем, а только графом, и все его действия как короля рассматривались как не имеющие силы. Короче говоря, по мнению Уильяма, поскольку ни один англичанин не сражался за него, а многие англичане сражались против него, вся земля королевства, за исключением, конечно, церковных земель, была конфискована короной. Он мог бы, если бы захотел, забрать все это и либо оставить себе, либо подарить кому пожелает. Но в большей части Англии он пока не мог этого сделать, и он был слишком мудр, чтобы пытаться сделать это где угодно сразу. Большая часть земель в Англии, та, что называлась *фолклэнд*, вначале была общей землей нации. В течение долгого времени на эту землю все больше и больше смотрели как на землю короля. И теперь, когда королем стал иностранный завоеватель, перемены были полностью осуществлены, и *фолклэнд* перешел к новому королю как к его собственному. То же

самое произошло с огромными поместьями Гарольда и остальных членов дома Годвинов, а также с другими людьми, погибшими на Сенлаке. Все это король Вильгельм забрал себе, чтобы сохранить как *владения* короны или вознаградить своих нормандских сторонников, как ему заблагорассудится. Что же касается земель людей, которые спокойно подчинились, то поначалу он, по-видимому, обычно возвращал их обратно. За это он часто брал плату; мы читаем о том, что англичане обычно выкупали свои земли обратно, а также о конкретных случаях, когда это делалось. Но существовало универсальное правило, согласно которому ни один человек, нормандец или англичанин, не имел никаких прав на земли, независимо от того, владел он ими раньше или нет, если только он не мог доказать предоставление их королем Вильгельмом, что лучше всего доказывалось наличием королевского приказа и печати. Таким образом, с самого начала своего правления, поскольку любой человек, нормандец или англичанин, оскорблял его или оказывал ему хорошую услугу, Вильгельм всегда захватывал земли и раздавал их в дар, пока к концу его правления большая часть земель Англии не перешла из рук в руки. Большая часть земель была дарована норманнам или другим чужеземцам, но англичане, которые каким-либо образом завоевали его расположение, сохранили свои старые земли и получили новые пожалования. Все это началось сейчас; но это только начало; лишь шаг за шагом главные должности и поместья Англии переходили из рук англичан в руки иностранцев. Пока что только в юго-восточной Англии он мог что-либо либо брать, либо даровать.

7. Визит Вильгельма в Нормандию.—Теперь король Вильгельм решил, что пришло время ненадолго вернуться в свою страну; поэтому он переправился в Нормандию на праздник Пасхи в 1067 году. Было естественно, что он пожелал предстать перед своими старыми друзьями и подданными в своем новом обличье короля и Завоевателя. И это тоже было частью его политики - относиться к Англии так, как если бы она была полностью его собственностью, и тем самым видеть, насколько это действительно так. При этом было необходимо обеспечить управление королевством на время его отсутствия. Север он не мог не оставить таким, каким он был; ту часть королевства, которая действительно находилась в его власти, он отдал под власть своего брата епископа Одо и своего главного друга Уильяма Фиц-Осберна. Им он также подарил графства: Кент - Одо, а Херефорд - Уильяму. Но ни тогда, ни впоследствии он не ставил графов по старинке над всей страной; он ставил их только на побережьях или границах, которые могли подвергнуться нападению. Таким образом, граф Херефорд должен был защищать эту землю от валлийцев, а граф Кент - от любых нападений с материка. Затем король призвал всех знатных людей Англии отправиться с его свитой в Нормандию. Он взял с собой Эдгара, короля мгновения, архиепископа Стиганда, графов Эдвина, Моркера и Уолтеофа, а также других влиятельных людей в стране. Все они отправились как его почетные гости и друзья, хотя на самом деле их скорее следовало называть заложниками и пленниками. Затем он проехал по многим частям Нормандии и раздал подарки многим церквям. Он оставался там до декабря. К тому времени произошли события, которые призвали его вернуться в Англию.

ГЛАВА X.

Как король Вильгельм завоевал все Королевство.

1. Регентство епископа Одо и графа Уильяма.— Правление тех, кого король Вильгельм оставил в Англии править от его имени, было не из тех, которые могли завоевать большую любовь у английского народа. Сам Вильгельм, похоже, сделал все, что мог, чтобы заручиться доброй волей своих новых подданных, последовательно укрепляя свою собственную власть. Он мог быть резким и даже жестоким, когда это служило его цели; но ни разу он, по-видимому, не был виновен в простом бессмысленном угнетении ради угнетения. Он всегда был строг в наказании открытых правонарушителей любого рода, независимо от нации. Иначе обстояло дело с двумя его помощниками, епископом Одо и графом Уильямом Фиц-Осберном. Если они на самом деле не получали удовольствия от угнетения, они, во всяком случае, позволяли своим последователям делать все, что те пожелают, и, какое бы зло ни причинил англичанин, он не мог получить возмещения. Прежде всего, они повсюду строили замки и позволяли другим строить их, и мы уже видели, с каким ужасом наши предки смотрели на строительство замков. Казалось бы, самое страшное притеснение было прямо на глазах у двух регентов. По крайней мере, именно в их собственных графствах, в графстве Кент Одо и в графстве Херефорд Уильяма Фиц-Осберна, теперь вспыхнули особые восстания против власти нового короля. Но эти два движения были разного рода. В Кенте, который полностью подчинился Уильяму, попытка была строго бунтом против установленного правительства. В Херефордшире, где не вся земля покорилась, люди все еще пытались, как могли бы сделать перед великой битвой, не допустить иностранных захватчиков в район, в который они еще не вошли.

2. Эдрик в Херефордшире. Главным лидером сопротивления норманнам на границе с Херефордширом был Эдрик, могущественный человек в тех краях, который никогда не подчинялся новому королю. Он по-прежнему сохранял часть земель совершенно свободными, держась в лесах и других труднодоступных местах, за что норманны прозвали его "*Диким*" или "*Дикарь*". Люди графа Уильяма постоянно нападали на него, но тщетно. В конце концов он заключил союз с валлийскими королями Бледдином и Риваллоном, теми, кому Гарольд передал королевство Граффидд. С их помощью он опустошил земли, покорившиеся норманнам, и захватил большую добычу. На самом деле норманны так и не смогли одолеть Эдрика, и мы еще не раз услышим о нем.

3. Граф Юстас в Дувре. Кентийцы тем временем искали помощи за морем, как Эдрик искал помощи за границей; но они выбрали очень странного помощника. Они послали к графу Юстасу Булонскому, шурина короля Эдуарда, тому самому, кто причинил столько вреда в Дувре во времена Эдуарда и который был одним из четверых, искалечивших умирающего Гарольда. Должно быть, они действительно устали от Одо, когда послали за Юстасом, чтобы тот помог им. Не совсем ясно, почему Юстас послушался их. Вильгельм подарил ему земли в Англии; мы не слышим о какой-либо ссоре между ними, и Юстас вряд ли мог подумать, что ему удастся изгнать Вильгельма и вместо него провозгласить себя королем. Как бы то ни было, он переправился с несколькими войсками, и к нему присоединился большой отряд англичан, в основном кентийцев. Их первой попыткой был Дуврский замок; но Юстас пал духом и уступил; гарнизон совершил вылазку; все его силы были разбиты, а сам он бежал в свою страну.

4. Возвращение Вильгельма.—Помимо тех, кто таким образом открыто восстал против Вильгельма или противостоял его власти, другие англичане по-разному выражали свое

недовольство. Некоторые вообще покинули страну; другие пытались получить помощь в различных регионах, прежде всего у короля Дании Свегена. Следует помнить, что Свеген был племянником Кнута и двоюродным братом Гарольда, и двадцать пять лет назад ходили разговоры о том, чтобы избрать его королем вместо Эдуарда. Если какой-либо иностранный принц действительно мог освободить Англию, то Свеген был тем человеком, который мог это сделать. Но он упустил нужное время, когда так много земель все еще оставалось непокоренными. Хуже всего было то, что англичане не могли договориться действовать сообща. Один район восстал в одно время, а другой - в другое. Кто-то был за Свегена, кто-то за Эдгара, кто-то за сыновей Гарольда; Эдвин и Моркерэ были за себя. Таким образом, против Уильяма не было предпринято никаких совместных действий, и земля постепенно терялась. В декабре Уильям вернулся. Он провел ассамблею в Вестминстере, где большая часть земли была конфискована и снова раздана. Он также добился, чтобы графа Юстаса судили в его отсутствие и объявили вне закона. Как граф Булонский, Юстас ничем не был обязан Вильгельму, но как его человек, владеющий землями в Англии, он мог быть предан суду и объявлен вне закона. Впоследствии Юстас снова завоевал расположение короля и вернул свои земли. Уильям также отправил посольства к различным иностранным принцам, чтобы помешать чему-либо предприниматься против него в их землях. В частности, он отправил английского аббата Этельзига послом к королю Свегену. И он произвел два назначения, на которые стоит обратить внимание. Епископство Дорчестера было вакантным, поэтому он отдал его нормандскому монаху Ремигиусу из Фекана. Это было началом системы, которую он применял на протяжении всего своего правления, - передачи епископств, по мере того как они становились вакантными, норманнам и другим иностранцам. Кроме того, графство Нортумберленд оказалось вакантным после смерти Освульфа. Уильям не имел ни малейшего авторитета в Нортумберленде, и все же он сделал вид, что снова даровал — или, скорее, на самом деле продал — графство Госпатрику, человеку из рода старых графов. Но Госпатрич был пока еще не в большей степени способен завладеть мячом, чем Копсидж.

5. Осада Эксете́ра.—Весной 1068 года Вильгельм всерьез взялся за завоевание той части Англии, где его королевская власть все еще была просто названием. Вся западная, центральная и северная Англия — весь Нортумберленд в старом смысле этого слова, большая часть Мерсии и значительная часть Уэссекса - все еще оставались непокоренными. В этот момент положение дел на Западе было особенно угрожающим. Эксетер, прежде всего, величайший город Запада, был центром всего сопротивления. Гита, вдова Годвина и мать Гарольда, была там, скорее всего, со своими внуками, Годвином, Эдмундом и Магнусом. Жители Эксете́ра заключили союз с другими городами Запада; к ним присоединились люди из других частей Англии; если бы другие непокоренные округа восстали в то же время и если бы все они могли договориться о каком-то одном курсе, возможно, даже сейчас Вильгельма можно было бы изгнать. Но пока Запад был вооружен, Север сохранял спокойствие, и даже в самом Эксете́ре люди не были полностью единодушны. Прежде чем Уильям отправился на войну, он послал послание жителям Эксете́ра, требуя, чтобы они принесли ему присягу и приняли его в город. Они послали известие, что заплатят ему дань, которую привыкли платить старым королям, но что они не будут приносить ему никаких клятв и не примут его в своих стенах. То есть они были бы отдельным государством, платящим ему дань, но не имели бы его своим непосредственным королем. Вильгельм вряд ли допустил бы такого рода половинчатое подчинение; поэтому он начал свой поход на Эксетер, позаботившись о том, чтобы призвать с собой силы уже завоеванных графств. Чтобы вселить страх в своего главного врага, он захватил и опустошил города Дорсета на своем

пути. Знатные люди города были напуганы и отправлены к Уильяму, чтобы покориться и раздать заложников. Но палата общин открестилась от подчинения; поэтому Вильгельм осадил город, предварительно выколов глаза одному из заложников. Эксетер храбро держался восемнадцать дней, а затем был взят, подорвав одну из башен. Затем Вильгельм вошел в город и даровал горожанам прощение. Гита и ее спутники тем временем спаслись бегством по реке. Затем король приказал построить замок под названием *Ружмон*, или Красный Холм, чтобы удержать город в своей власти, и он значительно увеличил размер его дани; но, похоже, больше никакого вреда он не причинил.

6. Завоевание Запада.—За взятием Эксетера сразу или в скором времени последовало завоевание всей западной Англии. Дорсет, Девоншир, Сомерсет, Корнуолл и, скорее всего, Глостершир и Вустершир, теперь были присоединены к владениям Вильгельма. Но Эдрик все еще держался в своем уголке Херефордшира. Теперь Уильям был хозяином всего Уэссекса, Восточной Англии и части Мерсии. За его завоеванием западных земель явно последовало множество конфискаций и пожалований земель; прежде всего брат короля, граф Роберт, получил почти весь Корнуолл и большие поместья в других графствах. Среди них он нашел холм в Сомерсете, где был найден святой крест Уолтема, который норманны называли *Монтакут* или остроконечный холм. Теперь Уильям думал, что все достаточно спокойно для того, чтобы он привез свою жену в Англию; поэтому в день Пятидесятницы 1068 года леди Матильда была овящена королевой в Вестминстере архиепископом Элдредом.

7. Первое завоевание Севера.—Тем временем, сразу после покорения Запада, Север взялся за оружие. Хотя Эдвин, Моркерье и Госпатрич номинально были графами Вильгельма в Северной Англии, все же их графства никогда не подчинялись, и сами графы, похоже, жили в основном при дворе Вильгельма. Но теперь вся Северная Англия приготовилась к сопротивлению, Йорк, естественно, был центром движения, как Эксетер был на Западе. Они призвали на помощь валлийцев и отправили послания в Шотландию и Данию. Вся страна была вооружена. И вот граф Госпатрик вышел и присоединился к своему народу, и то же самое сделал Эдгар Этелинг, и, по-видимому, графы Эдвин и Моркир тоже; так что недостатка в лидерах не было. Король Вильгельм выступил им навстречу до самого Уорика, что, по-видимому, было его первой победой в этой кампании. Возле этого города английская армия встретила его; но сердца Эдвина и Моркера изменили им. Они подчинились и были восстановлены в своих графствах и в кажущейся благосклонности Вильгельма; одна из дочерей короля даже была обещана в жены Эдвину. Теперь армия рассеялась; только отряд самых смелых людей двинулся на север и удержал Дарем. Госпатрик вместе с Эдгаром, его матерью и сестрами нашел убежище у короля Малькольма в Шотландии. Теперь Вильгельму ничего не оставалось, как двигаться на север, захватывая один город за другим. Некоторые, похоже, были взяты силой, в то время как другие покорились мирным путем. Во всех случаях он строил замок, чтобы поддерживать порядок в городе; но была большая разница в его отношении к одному городу и графству и к другому. В некоторых частях гораздо больше англичан сохранили свои земли и должности, чем в других; несомненно, это были те, которые подчинились наиболее спокойно. Таким образом, он занял, скорее всего, Лестер и, конечно же, Ноттингем, а затем двинулся на Йорк. Город покорился спокойно; но был построен замок. Захватив таким образом столицу Севера и главный центр сопротивления, Уильям на этот раз не стал продвигаться дальше, а двинулся обратно другим путем, заняв Линкольн, Стэмфорд, Кембридж и Хантингдон. Эти две кампании 1068 года дали Вильгельму большую часть Англии, чем он завоевал в 1066 году. Нортумберленд в более узком смысле слова с Даремом и северо-западная Мерсия с Честером в

качестве главного города - вот и все, что теперь оставалось непокоренным. Но власть Уильяма над некоторыми из покорившихся земель все еще была очень ненадежной.

8. Сыновья Гарольда. В том же 1068 году трое сыновей Гарольда, Годвина, Эдмунда и Магнуса, бежавших со своей бабушкой Гитой, вернулись морем с войском из Ирландии, несомненно, главным образом датчанами-ирландцами. Но они ничего не делали, кроме грабежа. Они были изгнаны из Бристоля, а затем вступили в битву с людьми Сомерсета, которых возглавлял Эднот, человек, который был *Конюшим* их отца, но теперь состоял на службе у Уильяма. Эднот был убит, а сыновья Гарольда уплыли, только усугубив положение. Примерно в том же году у Уильяма в Англии родился сын, а именно его младший сын Генри. Он был единственным из своих сыновей, родившимся после того, как его отец был коронован; таким образом, он один, согласно английским представлениям, был настоящим этелингом. Более того, он был воспитан как англичанин. Впоследствии он стал королем Генрихом Первым.

9. Первое восстание Йорка.— Ни Север, ни Запад долго не оставались спокойными. 1069 год все еще был полон сражений, чем 1068. Но это был год, когда Англия была по-настоящему завоевана. На рождественском празднике 1068 года Уильям снова пожаловал графство Нортумберленд в более узком смысле этого слова. Эта земля все еще была совершенно непокоренной; но теперь, когда у него был Йорк, было бы легче атаковать Дарем и его окрестности. Итак, король даровал графство некоему Роберту Коминскому, который отправился с нормандской армией, чтобы завладеть им. Но у него дела обстояли не лучше, чем у Копсиджа. Жители страны решили противостоять ему, но с помощью епископа Этельвина он мирно вошел в Дарем. Но он позволил своим людям грабить; поэтому жители города и окрестностей восстали и убили его и всех его сторонников. Этот успех воодушевил жителей Йоркшира и их лидеров, бежавших в Шотландию. Госпатрик и Эдгар вернулись; их встретили в Йорке и осадили замок. Но король Вильгельм немедленно выступил на север, прогнал их, построил второй замок и оставил командовать своего друга графа Уильяма Херефордского. Затем он послал войска против Дарема, но они продвинулись не дальше Норталлертона. Как только король ушел, англичане снова напали на замки Йорка, но были разбиты графом Уильямом. А чуть позже, в июне, сыновья Гарольда снова пришли и пограбили в Девоншире, но были изгнаны. Таким образом, земля подвергалась нападениям как со стороны друзей, так и со стороны врагов.

10. Пришествие датчан.— Все это показывает, насколько все усилия были напрасны просто из-за отсутствия настоящего лидера, короля людей, такого как Гарольд или Эдмунд Айронсайд. Англичане умели сражаться, но от их сражений не было никакого толку, когда в вождях не было стойкости, не было согласия между одной частью страны и другой. На самом деле они, кажется, сражались лучше всего, когда во главе их не стояло графов или других великих людей, когда каждый округ сражался сам за себя. Осенью этого 1069 года был самый лучший шанс на освобождение из всех. Большая часть Англии сразу же взялась за оружие. Восстал Запад; жители Сомерсета и Дорсета осадили новый замок Монтакут; жители Девоншира и Корнуолла осадили новый замок Эксетер. На границе с Уэльсом Эдрик с войском валлийцев и англичан напал на Шрусбери; Стаффордшир, который, скорее всего, еще не покорился, тоже был вооружен. Но все эти движения были подавлены одно за другим; за исключением того, что Стаффордшир на некоторое время оставили в покое. Тем временем на Севере происходили еще более важные события. Король Дании Свеген, наконец, послал на помощь англичанам большой флот под командованием своего брата Осборна и его сыновей Гарольда и Кнута. После нескольких тщетных попыток захватить Дувр, Сэндвич, Ипсвич и Норвич датчане вошли в

Хамбер, и англичане радостно вышли им навстречу. К ним присоединились все знатные люди севера. Эдгар и Госпатрик вернулись из Шотландии, и на этот раз к ним присоединился граф Уолтеф. Командиры Вильгельма в Йорке, Уильям Мале, тот, кто первым похоронил тело Гарольда, и Жильберт Гентский, послали королю весточку, что они смогут продержаться целый год; но это было не так. Войско, датское и английское, двинулось маршем на Йорк, и архиепископ Элдред, измученный неприятностями, умер, когда они приближались. Нормандские военачальники теперь подожгли дома рядом с замками, и большая часть города была сожжена. Датчане и англичане вскоре достигли Йорка; норманны совершили вылазку и были частью изрублены на куски, частью взяты в плен, причем два вождя оказались среди пленников. В этой битве граф Уолтеф убил многих врагов и снискал себе великую славу. Замки были разрушены, и Йорк теперь был совершенно свободен от норманнов. Но вместо того, чтобы удержать город, англичане рассеялись, а датчане вернулись на свои корабли.

11. Окончательное завоевание Севера.—Когда король Вильгельм услышал о падении Йорка, он немедленно выступил на север. Но когда он обнаружил, что все его враги рассеяны, он оставил своего брата Роберта в Линдси действовать против датчан, а сам отправился покорять Стаффордшир, по-видимому, в результате ожесточенных боев. Затем он двинулся на Йорк и вернул себе город. И теперь он совершил одно из самых ужасных деяний в своей жизни. Он привел к тому, что вся северная Англия, начиная с Йоркшира, была полностью опустошена, чтобы ее жители больше не могли воевать против него. Опустошение было ужасающим; люди умирали от голода или продавали себя в рабство, и земля не восстанавливалась в течение многих лет. Затем король Вильгельм надел свою корону и устроил рождественский пир в Йорке. В январе 1070 года он отправился завоевывать крайний север, который все еще не был покорен. Графы Уолтхоф и Госпатрич теперь просили у него прощения. Они были восстановлены в своих графствах, и Уолтеф выдал замуж племянницу короля Джудит. Затем Уильям отправился в Дарем, где епископ и почти все остальные бежали из города, и опустошил всю землю, как он опустошил Йоркшир. Затем он вернулся в Йорк очень тяжелым зимним маршем и уладил дела своего нового завоевания. Теперь он, наконец, был хозяином всего Нортумберленда, как Дейры, так и Бернисии.

12. Конец завоевания.—Тем не менее Вильгельм еще не владел всей Англией. Мало того, что Эдрик все еще держался на своей границе, и, возможно, остров Или так и не покорился полностью; но целый уголок Англии и один из главных городов все еще держался. Это был Честер. Итак, в феврале 1070 года Вильгельм совершил еще один тяжелый зимний поход из Йорка в Честер. Страдания армии были ужасны, и многие наемники взбунтовались. Но Вильгельм пошел дальше и добился подчинения последнего свободного английского города, мирным путем или с боем, мы не знаем. Он построил замки в Честере и Стаффорде. Затем он отправился в Солсбери, где произвел смотр и распустил свою армию, поскольку теперь завоевал всю страну. И так оно и было на самом деле. Если несколько пунктов все еще оставались непокоренными, то ни одно графство или крупный город не устояли против него. Наконец, более чем через три года после своей коронации, он действительно стал королем всей страны как фактически, так и номинально. С этого момента такое противодействие ему, о котором мы все еще слышим, было уже не сопротивлением захватчику, а скорее восстанием против установленного, хотя и иностранного, правительства.

13. Новые архиепископы.—Теперь у Уильяма было время подумать о делах Церкви. Естественно, во время войны все пришло в замешательство; и, кроме того, Вильгельм решил

подчинить себе Англиканскую церковь так же, как и государство, или, скорее, сделать Церковь средством, с помощью которого можно было более прочно удерживать королевство. По мере того как он постепенно передавал самые большие поместья и высшие светские должности от англичан иностранцам, частью его политики было сделать то же самое с главными должностями Церкви. Его правило состояло в том, что после смерти епископов на их места должны быть поставлены норманны или другие чужеземцы, а те из английских епископов, против которых могло быть выдвинуто какое-либо обвинение, должны быть лишены прав, не дожидаясь их смерти. С аббатами правила были менее строгими; их светское положение было не так важно, как у епископов. Таким образом, хотя несколько английских аббатов были свергнуты и было назначено много иностранных аббатов, все же гораздо больше англичан сохранили свои места, чем среди епископов, а некоторые англичане даже получили аббатства от самого Вильгельма. Во всем этом ему помогал папа Александр и те, кто давал ему советы, поскольку частью политики Вильгельма было укрепление связей Англии с Римом, хотя он твердо отказывался отказаться хоть на йоту от своей собственной королевской власти. На праздник Пасхи 1070 года прибыли два папских легата, и, когда король надел свою корону, именно они возложили ее ему на голову. Затем был проведен собор, на котором архиепископ Стиганд был низложен, поскольку его право на архиепископство с самого начала считалось сомнительным. Его преемником был один из самых известных ученых в Европе. Это был Ланфранк из Павии в Ломбардии, который поселился в Нормандии и стал монахом, а теперь был настоятелем монастыря Святого Стефана в Кане, который основал сам Вильгельм. Ланфранк стал архиепископом в августе и был правой рукой Вильгельма до конца его правления. Другой архиепископский пост также оказался вакантным после смерти Элдредра Йоркского. В день Пятидесятницы это было дано норманну Томасу, канонику из Байе, также великому ученому и заботливому епископу. Ибо многие назначения Уильяма были очень хороши сами по себе, если бы только выбранные люди не были незнакомцами. Эти два новых архиепископа отправились в следующем году в Рим, чтобы получить от папы римского паллий, или знак митрополичьего достоинства; таким образом, в Англии было два иностранных предстателя. Другое епископство Стиганда, Винчестерское, также было передано другому норманну, Валкелину. И так продолжалось на протяжении всего правления Вильгельма, пока в конце концов святой Вульфстан Вустерский не стал единственным англичанином, который был епископом в Англии.

14. Датчане в Эли.— Перед хиротонией двух иностранных архиепископов в Англии снова начались боевые действия. Датский флот, который, в конце концов, так мало сделал для Англии, оставался в Хамбере, пока Вильгельм покорял Нортумберленд. Затем Вильгельм дал взятку датскому военачальнику Осбеорну, и было решено, что датчане должны отплыть обратно, когда закончится зима, а тем временем они смогут пограбить в Англии. Таким образом, земля снова подверглась нападению как друзей, так и врагов. Наконец, в мае 1070 года датчане приплыли к Фенландии и появились в Эли. Народ приветствовал их, веря, что они завоюют землю; скорее всего, они были готовы сделать Свегена королем. Таким образом, восстания начались почти в тот момент, когда завоевание было завершено. Сейчас мы впервые слышим знаменитое имя Хирварда. О нем рассказывают всевозможные странные и невероятные истории, но достоверно о нем известно очень мало, хотя того, что мы знаем, вполне достаточно, чтобы представить его перед нами как отважного защитника Англии. У него были земли в Линкольншире, и он бежал из Англии, но когда и почему, неизвестно. Судя по всему, он вернулся примерно в то время, когда датчане пришли в Эли, и присоединился к ним и к людям той страны, которые им помогали. Аббатство Питерборо теперь пустовало после смерти его настоятеля Бранда, и Вильгельм отдал

его норманну по имени Туролд. Он был очень суровым человеком и пришел с отрядом нормандских солдат, чтобы завладеть аббатством. Но Хирвард опередил его. Чтобы богатство аббатства не было обращено на помощь врагу, он пришел (1 июня 1070 г.) с датчанами и местными жителями и разграбил монастырь. Теперь датчане ушли, забрав с собой большую часть награбленного в Питерборо. Но когда они вернулись домой, король Свеген изгнал своего брата графа Осборна за то, что тот брал взятки у Вильгельма и так мало сделал для Англии.

15. Защита Эли.— Примерно в это же время Эдрик Дикий подчинился королю, что означает прекращение всякого сопротивления на его стороне Англии. Но восстание на Фенландии продолжалось. Монастырь Эли был центром сопротивления, поскольку он находился на земле, которая тогда действительно была островом и которую было очень легко защищать. Аббат Терстан, назначенный королем Гарольдом, и его монахи поначалу ревностно относились к патриотам. Люди стекались на остров со всех концов, и они продержались всю зиму 1070 года и большую часть следующего года. Весной 1071 года два графа, Эдвин и Моркер, наконец покинули двор Вильгельма, как говорят, опасаясь, что король закует их в кандалы. Эдвин пытался добраться до Шотландии, но по дороге был убит либо своими людьми, либо норманнами, которым он был предан. Но Моркере добрался до Эли и помог в защите острова. Прибыли и другие высокопоставленные лица; но ясно, что душой предприятия был Хирвард. О его подвигах рассказывают много историй, но в этом, по крайней мере, можно быть уверенным. Пришел Вильгельм и атаковал остров со всех сторон, и в течение многих месяцев шли ожесточенные бои, в ходе которых Уильям Малет, которого датчане освободили, был убит. Наконец, в октябре 1071 года остров сдался. Одни говорят, что монахи Эли, когда король захватил их земли за пределами острова, стали предателями; другие, что Моркере и другие вожди стали малодушными. Так или иначе, война подошла к концу. Король вступил во владение островом; он построил замок в Эли и наложил штраф на аббатство, в то время как Моркере и другие были заключены в тюрьму. Один только Хирвард не покорился, но уплыл в море непобежденным. Существует несколько историй о его конце. Представляется наиболее вероятным, что он наконец-то снискал расположение Вильгельма и даже служил под его началом в войнах на материке. Но некоторые говорят, что он был убит отрядом норманнов, напавших на него без какого-либо приказа короля, и что он погиб, храбро сражаясь, один человек против многих.

16. Краткое содержание.— Таким образом, мы видим, что по прошествии пяти лет с момента первой высадки Вильгельма на берег он полностью владел королевством и повсюду подавлял всякую оппозицию. Великая битва дала ему в реальное владение только юго-восточную Англию; но она дала ему огромное преимущество - короноваться до конца года. В течение 1067 года Вильгельм больше не совершал завоеваний; вся западная и северная Англия оставалась непокоренной; но, за исключением Кента и Херефордшира, не было боевых действий ни в одной части страны, которая действительно покорилась. Следующие два года были временем, когда вся Англия была по-настоящему завоевана. Первая часть 1068 года дала Вильгельму Запад. Во второй половине того же года он получил центральную и северную Англию вплоть до Йоркшира, причем крайний север и северо-запад все еще оставались непокоренными. Попытка завоевать Дарем в начале 1069 года привела к двум восстаниям в Йорке. Позже в том же году весь север и запад снова были вооружены, и прибыл датский флот. Но восстания подавлялись одно за другим, и великая зимняя кампания 1069-1070 годов покорила все еще непокорные части, закончившись взятием Честера. В начале 1070 года вся земля впервые оказалась во владении Вильгельма; сражений больше не было, и он смог сосредоточиться на

более мирной части своих планов, на том, что мы можем назвать завоеванием родной Церкви путем назначения иностранных епископов. Но летом 1070 года началось восстание Фенландов и оборона Эли, которое продолжалось до осени 1071 года. После этого Вильгельм был полноправным королем повсюду, без каких-либо споров. Больше не было национального сопротивления; не было восстания ни в одной значительной части страны. На острове Британия все еще шли войны, но это были войны, в которых Вильгельм мог показать, что он, как король Англии, сражается за Англию. И в королевстве Англии произошло одно значительное восстание; но это не было восстанием народа. Завоевание страны, насколько это касается боевых действий, теперь завершено. Теперь мы должны увидеть, как обстояли дела в стране при короле, который утверждал, что является королем по закону, но которому пришлось завоевать свою корону, сражаясь во главе армии вторжения. Его правление, как мы увидим, не было ни правлением короля, действительно наследовавшего престол в соответствии с законом, ни правлением простого захватчика, который даже не претендовал на законное право.

ГЛАВА XI.

Позднейшие войны короля Вильгельма.

1. Дела Уэльса. Вильгельм теперь был королем всей Англии, но он еще не завоевал ту власть над всей Британией, которая принадлежала старым английским королям. Но его главной целью было завоевать и это, а также правление своим непосредственным королевством. Но, конечно, ни шотландцы, ни валлийцы не были склонны подчиняться ему больше, чем могли, и на обеих границах шли ожесточенные бои. Заботу о валлийских границах Уильям передал в руки своих графов. Графов он вообще разместил только на границах и на открытых побережьях. Помимо его брата Одо в Кенте и его друга Уильяма Фиц-Осберна в Херефорде, в Нортумберленде был граф Госпатрик, охранявший северную границу от шотландцев, и граф Ральф в Норфолке, охранявший восточное побережье от датчан. Но он не назначил никаких графов преемниками Эдвина и Моркера. Однако части графства Эдвина были переданы двум великим нормандским лидерам, Роджеру Монтгомери, который стал графом Шрусбери, и Хью Авраншскому, который стал графом Честером. Их долгом, наряду с графом Херефордом, было удерживать валлийский поход. Они получили обширные поместья и особые полномочия, особенно граф Честерский, который был больше похож на вассального принца, чем на обычного графа. Все эти графы много воевали с валлийцами, и они отняли у них много земель и построили много замков. Граф Роджер специально построил замок, которому дал название своего собственного замка в Нормандии, Монтгомери, откуда и получил свое название город, а впоследствии графство. Более того, валлийские принцы постоянно воевали между собой и часто были настолько глупы, что призывали норманнов друг против друга. Таким образом, английская граница продвинулась вперед. Наконец, в 1081 году, как говорят, король Вильгельм отправился в паломничество к святому Давиду, и примерно в то же время он основал замок в Кардиффе. Из трех графов пограничных, Уильяма, Роджера и Хью, последние двое пережили короля Вильгельма. Но граф Уильям Фиц-Осберн покинул Англию в 1071 году, чтобы жениться на Ричильдис, графине Фландрии, и попытаться завоевать ее графство. Там он был убит, и графский титул унаследовал его сын Роджер, о котором мы сейчас услышим.

2. Первая война с Шотландией.—Король Шотландии Малькольм все это время выдавал себя за друга англичан. Он, по крайней мере, пообещал им помощь и, во всяком случае, предоставил всем английским изгнанникам желанный приют в Шотландии. Но, как будто Англия стала вражеской страной теперь, когда она была завоевана Вильгельмом, в течение 1070 года он вторгся в Нортумберленд и самым жестоким образом опустошил эту землю, уничтожив то немногое, что осталось от норманнов. Тем не менее, когда Эдгар и его сестры снова приехали искать убежища, он принял их очень любезно и через некоторое время женился на сестре Эдгара Маргарет. Этот брак имел огромное значение в истории Шотландии. Ибо Маргарет привнесла в Шотландию английские обычаи и провела множество реформ, а за свою доброту ее называли святой. С этого времени английская часть владений короля Шотландии, а именно графство Лотиан и те части Шотландии, такие как Файф, которые перешли на английский лад, получили полное господство над истинно шотландской частью страны. Без сомнения, этот брак заставил Уильяма смотреть на Малькольма как на еще большего своего врага, но он пока не мог отомстить за его вторжение. Большую часть 1071 года он был занят в Эли, а в 1072 году его разыскивали в Нормандии, где дела во Фландрии делали ситуацию опасной. Но в августе 1072 года он отправился вторгаться в Шотландию по морю и суше. Следует отметить, что Эдрик, герой Херефордшира, отправился с ним. Ибо мы вполне можем поверить, что теперь, когда Вильгельм действительно стал королем всей страны, англичане были вполне готовы служить ему в войне с шотландцами, особенно после вторжения Малькольма. Но сражения не было; ибо Малькольм прибыл и встретился с Вильгельмом в Абернети и стал его человеком, каким со времен Эдуарда Непокоренного всегда были короли Шотландии по отношению к королям Англии. Так Вильгельм завоевал не только королевство вся Англия, но и господство во всей Британии, подобно королям, которые были до него.

3. Дела Ирландии.— На самом деле есть некоторые основания полагать, что Вильгельм искал господства даже за пределами острова Британия, такого, какого никогда не было у королей, бывших до него. В английской хронике говорится, что, если бы король Вильгельм прожил на два года дольше, он завоевал бы всю Ирландию своей мудростью без каких-либо сражений. Мы не можем сказать, как это могло быть; но несомненно, что, хотя Вильгельм никогда не правил какой-либо частью Ирландии, все же в его дни Англия стала иметь гораздо больше общего с Ирландией, как с датчанами, которые там поселились, так и с коренными ирландцами. Это проявилось в том, что епископы из Ирландии приехали в Англию, чтобы пройти хиротонию у Ланфранка. Это означало признание превосходства Англии в духовных вещах, которое, весьма вероятно, переросло бы и в превосходство в мирских вещах.

4. Дела Нортумберленда.— Поскольку Уильям вернулся из Шотландии, следует отметить, что он подтвердил привилегии епископства Дарем. Он только что передал эту кафедру новому епископу, Уолчеру из Нижней Лотарингии. Епископы Дарема постепенно получили большие светские права, подобно графам Честерским. Если бы все графы и все епископы были такими, как эти двое, английское королевство могло бы развалиться на куски, как это произошло с Германией. Король Вильгельм также отобрал графство Нортумберленд у Госпатрика и передал его Уолтхофу, который уже был графом Нортгемптоном и Хантингдоном. Граф Уолтеоф и епископ Уолчер были близкими друзьями. Но Уолтеоф начал свое правление с великого преступления. Это означало убийство сыновей Карла, хотя они были его товарищами при взятии Йорка, потому что их отец Карл, вождь Севера, убил деда Уолтхофа Элдреда. Это был обычай смертельной вражды, который был распространен в Шотландии еще долгое время после этого. Госпатрик отправился в Шотландию, где король Малькольм пожаловал ему земли. Но он либо сохранил,

либо впоследствии получил земли в Англии, и его потомки стали главными людьми на Севере. Один из его сыновей, Дольфин, по-видимому, получил от короля Малькольма небольшую часть Камберленда, а именно земли около Карлайла. Это еще не было частью английского королевства.

5. Война за Мэн.—Следующая война Уильяма была на его собственной стороне моря. Город и земля Мэн, которые он завоевал в 1063 году, теперь восстали против него. Жители штата Мэн сначала выбрали своим графом Хью сына ломбардского маркиза Азо, потому что его мать Герсендис была сестрой их последнего графа Герберта. Но она, ее муж и сын не согласились с жителями Ле-Мана, поэтому народ провозгласил *коммуну*. То есть Ле-Ман должен быть свободным городом, каким стремился быть Эксетер. Вся земля Мэн присоединилась к гражданам, но они были преданы дворянами; так что история Ле-Мана похожа на историю Эксетера. Затем король Вильгельм в 1073 году пересек море, взяв с собой большое войско англичан, среди которых, есть некоторые основания полагать, был и сам Хирвард. Грустно думать, что человек, который так хорошо сражался за свободу в своей стране, должен идти и сражаться против свободы в другой стране; но мы можем быть уверены, что англичане того времени были рады сражаться с франкоговорящими людьми где угодно. С этой армией Вильгельм опустошил всю страну, и, наконец, город сдался, и с ним, как обычно у него, обошлись хорошо. Ле-Ман потерял свою новую свободу, но сохранил все свои старые права и обычаи. Затем Уильям заключил мир с графом Фульком Анжуйским, у которого также были претензии на Мэн; старший сын Уильяма Роберт должен был засвидетельствовать почтение Фульку за графство. Таким образом, король Вильгельм завоевал землю Мэн во второй раз, через десять лет после своего первого завоевания.

6. Враги Вильгельма.—В этот период своего правления Вильгельму приходилось проводить большую часть времени за пределами Англии. Король Франции Филипп был его врагом, а граф Роберт Фландрский - графом Робертом. А дочь графа Роберта была замужем за Кнудом Датским, что помогло еще теснее объединить двух его врагов. Но самое странное, что один немецкий писатель говорит, что в 1074 году все были уверены, что король Вильгельм подумывал о походе в Германию и о том, чтобы короноваться в Ахене. Другой немецкий писатель, с другой стороны, рассказывает историю совсем по-другому и говорит, что король Германии Генрих (который впоследствии стал императором) послал просить Вильгельма о помощи против его собственных врагов. В любом случае, подобные истории показывают, что Уильям повсюду был в мыслях и на устах мужчин. А король Филипп и граф Роберт составили очень тонкий заговор, чтобы вызвать раздражение Уильяма. Это было сделано для того, чтобы посадить "Этелинг Эдгар" в Монрее, на земле между Нормандией и Фландрией. Таким образом, он смог бы собрать вместе английских изгнанников, людей из Франции и Фландрии, а также добровольцев и наемников всех мастей, чтобы они беспокоили нормандскую границу. Эдгар сейчас находился в Шотландии со своей сестрой королевой Маргаритой. Он намеревался отправиться во Францию, но шторм отбросил его назад. И тогда Уильям понял, что лучше всего привлечь Эдгара к себе. Поэтому он послал за ним в Нормандию и много лет держал его при своем дворе в большом почете.

7. Восстание графов. Тем временем в Англии вспыхнуло восстание, которое не было, подобно восстанию в Эли, восстанием английского народа против чужеземцев, но восстанием нескольких великих людей ради достижения своих собственных целей. Роджер, граф Херефорд, выдал свою сестру Эмму замуж за Ральфа, графа Норфолка, вопреки приказу короля, что само

по себе было преступлением. Затем, на вечере бракосочетания, они начали говорить об измене и строить заговор, как бы убить короля и разделить королевство. Граф Уолтеф тоже был там; но неясно, насколько он соглашался с их планами. В целом представляется наиболее вероятным, что он сначала согласился и поклялся, а затем раскаялся и отступил. Он пошел и исповедался архиепископу Ланфранку, который велел ему пойти и все рассказать королю. Итак, Уолтеф отправился в Нормандию и все рассказал, и король принял его любезно и оставил при себе. Тем временем два других графа открыто восстали. Но они нашли мало людей, которые могли бы им помочь, за исключением своих наемников и нескольких бретонцев, которые были привязаны к графу Ральфу. Более того, Ральф заключил союз с королем Свегеном, чтобы снова послать датский флот. Англичане, которые могли бы восстать за Эдгара или Свегена, подумали, что подобное восстание вряд ли приведет к чему-то хорошему, и они сражались за короля против графов. Граф Роджер был остановлен епископом Вульфстаном и аббатом Этельвигом; нормандские епископы Одо и Джеффри выступили против графа Ральфа, который бежал в Данию, в то время как его жена защищала замок Норвич от короля. Датчане под командованием Кнута, наконец, пришли и приплыли к Йорку; но они ничего не сделали, кроме как ограбили собор. Норвичский замок сдался; восстание было полностью подавлено, и те, кто приложил к нему руку, были наказаны различными способами; но никто из них не был предан смерти.

8. Смерть Уолтхофа.—Ральфу Норфолкскому удалось спастись, и его последний конец был лучше, чем начало, потому что он и его жена отправились в крестовый поход и умерли по дороге. Роджера из Херефорда продержали в тюрьме, как говорят некоторые, до конца его дней. Но Вальтеоф, чье преступление, если он его и совершил, было меньшим, чем их, находился в Нормандии вместе с королем и, по-видимому, был в его пользу. Он вернулся в Англию вместе с королем и вскоре после этого был посажен в тюрьму. Его дважды приводили на суд собрания великих людей, и во второй раз, в день Пятидесятницы 1076 года, он был приговорен к смерти и 31 мая был обезглавлен на холмах близ Винчестера. Это был единственный раз за все свое правление, когда Вильгельм предал смерти кого-либо, кроме как на войне. И странно, что Уильям, который снова и снова прощал своих врагов, в том числе и самого Уолтефофа, обошелся с Уолтефом гораздо суровее, чем с Роджером и другими, кто был гораздо более виноват. Но говорят, что у Уолтхофа было много врагов-норманнов, в том числе его жена Джудит. Его графство Нортумберленд было передано его другу епископу Уолчеру. Англичане смотрели на него как на святого и мученика и верили, что у его могилы в Кроулленде творились чудеса. И люди в целом верили, что после смерти Уолтхофа удача, которая до сих пор сопутствовала королю Вильгельму таким чудесным образом, начала покидать его.

9. Восстание Роберта.—И так оно и произошло, имела ли к этому какое-либо отношение смерть Уолтхофа или нет. В том же году Завоеватель потерпел свое первое поражение. По той или иной причине он осадил Дол в Британии, но потерпел неудачу и был вынужден бежать. Тогда его сын Роберт был недоволен, потому что его отец отказался уступить ему какую-либо часть своих владений. Роберт уехал и попытался привлечь на помощь различных князей. Король Филипп оказал ему помощь, и многие молодые дворяне Нормандии присоединились к нему. В 1079 году Филипп поместил его в замок Гербер, и Вильгельм прибыл, чтобы осадить его. В ходе вылазки Роберт сверг своего отца, которого спас англичанин Токиг, сын Виггода из Уоллингфорда. Но Вильгельм не мог взять Гербер, и его убедили помириться с Робертом. Тем временем Малькольм Шотландский совершил еще одно ужасное вторжение в Нортумберленд, и в 1080 году Роберт был послан наказывать его. Роберт сделал очень мало, но на обратном пути он

основал новый замок на берегу Тайна, откуда и получил свое название город Ньюкасл. Затем Роберт снова поссорился со своим отцом и уехал во Францию, чтобы никогда не возвращаться, пока был жив его отец.

10. Смерть Матильды.—Уильям и его королева Матильда жили в полной любви и доверии вплоть до ссоры Уильяма с Робертом. Тогда же они впервые поссорились, потому что Матильда отправила подарки своему сыну в его изгнание вопреки приказу его отца. Чуть позже, в 1083 году, она умерла. Их второй сын Ричард уже погиб странным образом во время охоты в Нью-Форесте, а одна из их дочерей умерла по пути замуж за испанского короля. Но, кроме Роберта, были живы и другие сыновья Уильяма, Уильям и Генри; одна дочь, Констанция, была замужем за графом Аланом Британским, а другая, Адела, за графом Стефаном Шартрским. Другая, Сесилия, была монахиней. Примерно в то же время, когда умерла Матильда, в штате Мэн произошло еще одно восстание, где виконт Хьюберт в течение трех лет (1083-1086) удерживал замок Сент-Сюзанна против всей власти Уильяма. Замок взять не удалось, и в конце концов Уильям был вынужден принять Хьюберта в свою пользу.

11. Смерть епископа Уолчера.—Таким образом, Уильяму пришлось за эти годы понести несколько внутренних потерь и несколько поражений в войне на материке. Но его власть над Англией была такой же твердой, как и всегда. После восстания графов не было ничего, что можно было бы назвать восстанием, только локальная вспышка, в ходе которой местный губернатор лишился жизни из-за одного конкретного дурного поступка. Это был епископ Уолчер Даремский, которому Уильям передал графство Нортумберленд. Этот епископ, как временный правитель, кажется скорее слабым, чем деспотичным; его обвиняют не в том, что он сам был неправ, а в том, что он не смог наказать беззаконников. У него было несколько любимчиков, как английских, так и иностранных, которые натворили много бед. В конце концов кто-то из них убил некоего Лигульфа, англичанина самого высокого ранга в стране и к тому же главного друга самого епископа. Но даже этих людей он пощадил, так что люди поверили, что он сам приложил руку к убийству Лигульфа. Поэтому, когда Собрание собралось для рассмотрения дела, люди во главе с главными присутствующими англичанами убили епископа и всех его последователей. Тогда был послан Одо наказать их; но он взял деньги, предал смерти невинных людей и снова опустошил страну. Это было в 1080 году, когда Роберт был послан против шотландцев. Это было не восстание против нормандского короля как такового, а скорее бунт, подобный тому, который с таким же успехом мог бы произойти при Эдуарде или Гарольде, если бы кто-нибудь из их графов совершил такое же преступление.

12. Смерть Кнута Датского.—Таким образом, после восстания графов в 1075 году в Англии не было ничего, кроме вторжения Малькольма, что можно было бы назвать войной. Но в последние годы правления Вильгельма возникла угроза очень грозного нападения на Англию. Кнут Датский, дважды плававший вверх по реке Хамбер, никогда полностью не отказывался от мысли завоевать или освободить Англию. Когда он сам стал королем, он тщательно подготовился, и к нему присоединились его тесть Роберт Фландрский и Олаф Норвежский, сын Гарольда Хардрады. В 1085 году Кнут собрал большой флот, а Вильгельм привел с собой огромное количество наемников для охраны суши. Но между Кнутом и его братом Олавом возникла ссора, и на следующий год Кнут был убит в церкви своими же людьми и назван святым и мучеником. Таким образом, опасность была отведена от Уильяма.

13. Краткое содержание. Таким образом, мы видели, как Вильгельм, постепенно завоевав всю Англию, продолжал утверждать старую власть английской короны над остальной Британией. Однако он не мог, так же как и короли до него, сохранять полное спокойствие на границах Уэльса и Шотландии. В Уэльсе усиливалась власть его графов; но король Малькольм, хотя и стал человеком Вильгельма, оставался опасным врагом. В Англии не было настоящего народного восстания после подчинения Эли. Англичане в целом не одобряли мятежных графов, и смерть епископа Уолчера была скорее бунтом, чем восстанием. В целом, при правлении Вильгельма в стране было довольно спокойно. За морем Мэн восстал и был завоеван заново; но после этого большого успеха последовало несколько мелких войн, в которых удаче Уильяма пришел конец. Тем не менее, когда речь зашла об Англии, это вернулось снова, поскольку великие приготовления Кнута ни к чему не привели. У Уильяма были и свои домашние проблемы: бунт одного сына, смерть другого и смерть его жены. И во всем этом люди того времени видели наказание за смерть Уолтхофа.

ГЛАВА XII.

Как король Вильгельм правил Страной.

1. Правительство Вильгельма. Таким образом, мы увидели, как иностранный принц завоевал и как он сохранил английское королевство, и как мало после того, как он однажды действительно завоевал его, его правление было нарушено либо восстаниями внутри страны, либо нападениями из-за границы. Теперь мы спрашиваем, каков был характер его правления в Англии все это время? Ответ должен заключаться в том, с чего мы начали вначале, а именно в том, что его правление отличалось как от правления законного местного короля, так и от правления завоевателя, пришедшего к власти без всякого на то права. Вильгельм не был беспричинным угнетателем, и он, без сомнения, искренне хотел управлять своим королевством как можно лучше. Он даже пытался выучить английский, чтобы лучше выполнять свой долг английского короля. Он заявлял, что правит в соответствии с законом короля Эдуарда, то есть правит так же хорошо и справедливо, как это делал король Эдуард. И на самом деле он внес очень мало изменений в старые законы. Изменения, начавшиеся с его правления, были в основном теми постепенными изменениями, которые не могли не произойти, когда все обстоятельства так сильно изменились. Законы, возможно, все еще были теми же; но их действие не могло быть прежним, когда король был чужаком и когда все крупнейшие поместья и должности перешли в руки чужаков. К концу правления Вильгельма было очень мало англичан, владевших большими поместьями; не было ни одного английского графа и только одного английского епископа. Опять же, правительство Вильгельма было намного сильнее, чем у любого короля, который был до него; он был лучше способен обеспечивать соблюдение закона, и он действительно очень строго его соблюдал. Английские писатели всячески восхваляют его за установление доброго мира на земле, то есть за суровое наказание всех беззаконников. Королю, который делал это в те дни, прощалось многое из того, что было плохо в других отношениях. Особая жалоба, которую люди предъявляли правительству Вильгельма, заключалась в том, что оно было жадным и корыстолюбивым и взимало высокие налоги, которые люди считали неправомерными. Это, несомненно, верно; но следует помнить, что

регулярное налогообложение тогда было чем-то новым и что ни в одну эпоху люди не любили, когда у них отбирали деньги.

2. Законы Уильяма.—Однако Уильям все же издал несколько новых законов. Эти законы торжественно принимались на регулярных собраниях королевства; но затем эти собрания постепенно превратились из собраний англичан в собрания норманнов. Он обновил, как говорится, Закон Эдуарда такими изменениями, которые, по его словам, были на благо английского народа. Некоторые из этих изменений были внесены лишь на то время, пока еще существовало различие между английским и *французскими* языками. Это последнее слово обычно используется для обозначения как норманнов, так и всех других франкоговорящих народов, которых Вильгельм привез с собой. Французы, поселившиеся во времена короля Эдуарда, должны были считаться англичанами. Норманны и англичане должны были жить в мире, но поскольку норманнов часто тайно убивали, для их защиты был издан специальный закон. Если убийца не был найден, должна была быть выплачена сотня. И для некоторых целей каждая нация должна была соблюдать свой собственный закон. И англичане, и норманны в сомнительных случаях прибегали к суду Божьему; но норманны стремились выяснить истину единоборством, а англичане - испытанием каленым железом. Вильгельм разрешил оба способа и приказал, чтобы каждый человек соблюдал обычаи своего народа. Он запретил работорговлю, при которой людей продавали за пределы страны, главным образом в Ирландию. Это было запрещено и более ранними королями, но сам Вильгельм не мог полностью избавиться от порочной практики. Он запретил смертную казнь; преступники могли быть ослеплены или искалечены, но не повешены или иным образом убиты. Это правило он наиболее строго соблюдал сам, за исключением только случая с Уолтхофом. И как раз в конце своего правления, в 1086 году, на великом собрании в Солсбери он принял то, что в конечном итоге стало самым важным законом из всех. Каждый мужчина в стране, каким бы другим лордом он ни был, клялся быть верным королю Вильгельму во всем, даже против своего другого лорда. О том, каким великим моментом был этот закон, мы скоро узнаем.

3. Изменения в Церкви.— Другой закон Вильгельма касался дел Церкви. До сих пор в Англии было принято, что как гражданские, так и церковные вопросы должны рассматриваться на общих собраниях, как всего королевства, так и каждого графства. На этих последних заседаниях граф и епископ заседали вместе. Теперь Уильям приказал, чтобы епископы созывали отдельные суды по делам Церкви. И на протяжении всего правления Вильгельма Ланфранк проводил множество синодов духовенства, отличных от генеральных собраний королевства. На этих синодах были низложены епископы и аббаты, и было принято много новых канонов. Это было время, когда папа Григорий Седьмой пытался повсеместно запретить браки духовенства. В Англии светское духовенство очень часто состояло в браке, как приходские священники, так и каноники светских церквей. Правило, которое установил Ланфранк, состояло в том, что ни один каноник не должен был даже содержать жену, на которой он уже был женат; но приходским священникам разрешалось содержать своих жен, только неженатые не должны были вступать в брак, и ни один женатый мужчина не должен был быть рукоположен. Ланфранк был монахом и покровителем монахов; были основаны новые монастыри, прежде всего боевое аббатство короля Вильгельма, построенное во исполнение его обета на холме Сенлак, с его главным алтарем на том месте, где когда-то стоял штандарт Гарольда. И монахи были помещены в некоторые церкви, где раньше были светские священники. Церковное правление Вильгельма и Ланфранка в целом вело к большей образованности и более строгой дисциплине среди

духовенства; но эти достижения были приобретены за счет продвижения чужаков на все главные посты как в Церкви, так и в государстве.

4. Новые епископы и аббаты.— Мы уже говорили, что, когда епископы и аббаты умирали или, когда для этого был какой-либо предлог, лишались власти, на епископские должности назначались посторонние люди, обычно в аббатства. Некоторые иностранные аббаты были грубыми или свирепыми людьми, презиравшими англичан. Таков был Туролд, суровый настоятель Питерборо, о котором мы уже слышали; таков был Павел из Сент-Олбана, который насмеялся над старыми настоятелями и разрушал их могилы. Таким же был Терстан из Гластонбери, который, когда его монахи отказались петь службу по-новому, привел в церковь солдат, которые убили нескольких из них. Но за это король Вильгельм низложил его. Но прелаты Вильгельма, как правило, не были такими. Большинство новых епископов усердно трудились, в соответствии со своим видением, строя свои церкви и реформируя свои отделения и епархии. Некоторые из них, повинувшись одному из канонов Ланфрана, перенесли свои епархии из небольших городов в более крупные. Так престол Личфилда был перенесен в Честер (впоследствии в Ковентри), престола Элмхэма - в Тетфорд (впоследствии в Норвич), престола Шерборна - в Олд-Солсбери, престола Дорчестера - в Линкольн, а после смерти Уильяма престол Уэллса - в Бат. Некоторые из новых прелатов жили в хороших отношениях со своими английскими соседями; существует документ, в котором святой Вульфстан и его монахи из Вустера вступают в узы духовного братства с несколькими аббатами, нормандскими и английскими, и их монахами. Но помимо этого, святой Вульфстан совершил одно доброе дело, которое было его собственным. Закон Вильгельма против работорговли поначалу соблюдался не лучше, чем тот же закон, когда он был издан более ранними королями. Жители Бристоля все еще продолжали продавать английских рабов в Ирландию. Бристоль находился в епархии Вульфстана. Поэтому он ходил туда много раз и часто проповедовал людям против их великого греха, пока они не перестали грешить, по крайней мере, на некоторое время.

5. Король Вильгельм и Папа римский.—Хотя король Вильгельм помогал Ланфранку во всех его реформах, он ни на йоту не отказывался от власти в делах Церкви, которой обладали короли, бывшие до него. И английские короли, и нормандские герцоги были использованы для наделения епископов и аббатов полномочиями, даря им кольцо и посох - знаки их служения. Когда Гильдебранд, который так сильно одобрял нападение Вильгельма на Англию, стал знаменитым папой Григорием Седьмым, он изо всех сил пытался отнять это право у императора и других государей; но королю Англии он никогда ни словом не обмолвился об этом, и сам Вильгельм, а также некоторое время его преемники после него продолжали наделять прелатов так же, как это делалось раньше. В свое время папа Григорий написал королю, требуя, чтобы выплата пенни из каждого дома, называемого *Romescot* или *Peterpence*, выплачивалась более регулярно, и не только это, но и чтобы король стал своим человеком в своем королевстве. На это Уильям написал в ответ, что он заплатит деньги, потому что короли до него платили их; но поскольку ни один король Англии до него никогда не становился человеком папы римского, то и он не станет. Здесь мы должны отметить не только то, как Вильгельм отстаивал права своей короны даже против такого великого папы, как Григорий, но и то, как он ставит себя точно на место древнеанглийских королей. Выдавая себя за их законного преемника, он претендует на все, что принадлежало им, но он не претендует ни на что большее.

6. Заключение в тюрьму епископа Одо.— Был еще один поступок Вильгельма, который показывает, насколько он был уверен в том, что никакие привилегии и одолжения не должны

мешать ему ни исполнять свою собственную волю, ни делать то, что, по его мнению, было для блага его королевства. Его брат Одо, епископ Байе и граф Кентский, так надулся от гордости и жестокости, что его больше нельзя было выносить. Мы можем полагать, что король был особенно недоволен его действиями на Севере, когда его послали наказать за бунт, в ходе которого был убит епископ Уолчер. Наконец, в 1082 году Одо вообразил, что станет папой после смерти Григория, и собрал большой отряд, или, скорее, армию, в Англии и Нормандии, и собирался отправиться в Италию. Вильгельм был тогда в Нормандии, но он вернулся в Англию, созвал ассамблею и официально обвинил своего брата. Он сказал, что проступки Одо больше нельзя выносить; что посоветуют ему Мудрецы страны? Все собрание хранило молчание. Тогда король сказал, что он должен свершить правосудие даже против своего брата; он приказал своим баронам схватить его. Но в те дни схватить епископа или даже любого священника считалось важным делом. Поэтому никто не пошевелился. Тогда король Вильгельм схватил своего брата собственными руками. Одо закричал, что захват епископа незаконен и что никто, кроме папы, не может судить его. Говорят, что Ланфранк посоветовал королю, что на это ответить. Уильям ответил, что он не захватывал епископа Байе, но что он действительно захватил графа Кента. Итак, что бы ни случилось с епископом Байе, граф Кентский содержался в тюрьме в Руане. Папа Григорий горячо умолял освободить его, но Вильгельм держал его под стражей до дня его собственной смерти.

7. Нью-Форест.— Нет сомнений, что Уильям всегда стремился к справедливости, когда это не мешало его собственным планам. И в этом огромная разница между ним и простыми угнетателями, которым, похоже, действительно нравится творить зло. Но мы видели, что он мог совершать очень ужасные поступки ради своей политики, и через некоторое время он стал совершать поступки, только менее ужасные, ради собственного удовольствия. Почти все мужчины того времени любили охоту, особенно Уильям. Ради своего удовольствия он таким образом разбил лес в Хэмпшире, недалеко от своей столицы Винчестера, и по прошествии восьмисот лет этот лес до сих пор называется *Нью-Форест*. Следует помнить, что *лес* на самом деле не означает, что земля полностью покрыта лесом. В лесу, несомненно, должны были быть лесистые участки, но все это не было лесом в целом. Лес - это земля, которая используется для охоты, и которая выведена из-под действия общего права страны и управляется особым и более суровым законом леса. Были назначены очень суровые наказания как для человека, так и для животного, вмешавшегося в королевскую игру. Теперь, чтобы создать или расширить свой Новый Лес, Уильям без колебаний превращал возделанные земли в дикую местность, отнимал у людей землю и разрушал дома и церкви. Точно так же, как люди думали, что Уильям потерял свою удачу после смерти Уолтхофа, люди думали, что Нью-Форест навлек особое проклятие на его дом. Несомненно, что трое из его дома, два его сына Ричард и Уильям, и его внук, сын Роберта, все странным образом погибли в Лесу.

8. Великий опрос.— Одно из величайших деяний правления Вильгельма, благодаря которому мы узнаем об Англии его времени больше, чем из любого другого источника, было совершено на ассамблее, состоявшейся в Глостере на Рождество 1085 года. Затем король, как говорится в Хронике, “очень проникновенно поговорил со своими Мудрецами”. Эта “глубокая речь” на английском языке переведена на французский *parlement*; и таким образом, мы видим, почему наши ассамблеи получили свое более позднее название. И в конце этой проникновенной речи было сказано, что по всей Англии, за исключением только епископства Дарем и графства

Нортумберленд, были разосланы уполномоченные для обследования местности. Они должны были указать, кем тогда владел каждый клочок земли, большой и малый, кем он принадлежал во времена короля Эдуарда, сколько он стоил сейчас и чего стоил во времена короля Эдуарда. Все это было записано в книге, хранящейся в Винчестере, которую люди называли *Книгой Страшного суда*. Это самая замечательная летопись, и она рассказывает нам больше о состоянии Англии именно в тот момент, чем мы знали о ней долгое время до или после. Но прежде всего мы видим, как далеко эта земля перешла от англичан к норманнам и другим чужеземцам. Лишь очень немногие англичане владеют большими поместьями, подобными поместьям вождей норманнов; но было бы совершенной ошибкой думать, что каждый англичанин был изгнан из своего очага и дома. Толпы англичан владеют небольшими поместьями или фрагментами больших, иногда принадлежащими непосредственно королю, иногда норманну или англичанину в пользу Вильгельма. И когда у какого-либо человека, норманна или англичанина, возникали претензии к какому-либо другому человеку, норманну или англичанину, это справедливо фиксировалось в книге, о чем мог судить король.

9. Клятва верности.—Вскоре после этого последовал другой акт, не менее важный, чем большой опрос. Когда обследование было проведено, и король узнал, как распоряжаются всеми землями в его королевстве, он созвал всех сколько-нибудь значимых землевладельцев на великое собрание в Солсбери в августе 1086 года. Там все они, каким бы лордом они ни были, принесли клятву королю Вильгельму и стали его людьми. Иными словами, Вильгельм решил воспрепятствовать в своем королевстве злу, которое разрасталось в других землях. В других местах обычно считалось, что человек обязан сражаться за своего собственного господина, даже против своего сюзерена - короля. Таким образом, королевство Каролингия или Франция, а также королевства, принадлежавшие императорам, распались на практически независимые княжества. Несомненно, сам Вильгельм был бы очень удивлен, если бы человек герцога нормандского отказался выступить против короля французов. Но он позаботился о том, чтобы, по крайней мере, в королевстве Англии не возникало подобных вопросов. Каждый мужчина в королевстве Вильгельма в первую очередь становился человеком короля и должен был подчиняться ему вопреки всем остальным мужчинам. В Англии никогда не был принят ни один закон, имеющий большее значение, чем этот. Англия долгое время становилась все более объединенной, когда приход Вильгельма принес с собой два набора тенденций. С одной стороны, общая сила его правительства и сам факт того, что страна была завоевана, многое сделали для того, чтобы сделать страну еще более объединенной. С другой стороны, многие последователи Вильгельма принесли с собой новые представления, которые привели к расколу других королевств на части. Этот мудрый закон установил, что первый набор тенденций должен взять верх и что земля должна стать более сплоченной в результате Завоевания. Со времен Виллиим. никому и в голову не приходило делить английский королевство.

10. Последний налог.—Великий опрос и присяга на верность были едва ли не последними действиями Вильгельма в Англии. Все, что он сделал потом, - это наложил еще один тяжелый налог. Это был налог в размере шести шиллингов с каждого клочка земли, налог, который можно было взимать и легче, и справедливее теперь, когда была проведена съемка. Люди кричали больше, чем когда-либо, и в целом это было печальное и странное время. Были неурожаи, пожары и голод, и погибло много знатных людей как в Англии, так и в Нормандии. И вот пришло время умереть и великому правителю обеих этих земель.

ГЛАВА XIII.

Два Уильямса.

1. Последняя война короля Вильгельма.—Путь, которым Завоеватель пришел к своей смерти, вряд ли был достоин великих подвигов его жизни. Земля между Руаном и Парижем, на реках Сена и Уаза, известная как *Вексен*, была землей, которая долгое время была предметом спора между Нормандией и Францией. Пограничные распри продолжались постоянно, и как раз сейчас поступили многочисленные жалобы на набеги французских военачальников на Мант, главный город Вексена, на земли различных норманнов. Вильгельм в ответ призвал Филиппа уступить ему город Мант и весь Вексен. Филипп в ответ только подшучивал над Вильгельмом, который как раз сейчас молчал в Руане, пытаясь с помощью медицинского лечения уменьшить объем своего тела. Филипп сказал, что король Англии лежит дома и что на его богослужении будет грандиозное шоу со свечами. Тогда король Вильгельм очень разгневался и поклялся своими самыми страшными клятвами, что, когда он восстанет, он зажжет сто тысяч свечей за счет французского короля. Итак, в августе 1087 года, как только он смог подняться на ноги, он вошел в Вексен и жестоко опустошил землю. Он достиг Манта (15 августа), вошел в город, приказал поджечь его и объехал окрестности, чтобы посмотреть на горение. Наконец его лошадь споткнулась, возможно, на горящих углях; его швырнуло вперед на высокую луку седла, и он получил рану внутри, которая заставила его сдаться. Его перевезли в Руан, и там он лежал в монастыре Сен-Жерваз за городом.

2. Последняя болезнь короля Вильгельма.—Он пролежал там более трех недель. Вокруг него собрались главные прелаты Нормандии; некоторые из них были искусными пиявками, которые могли ухаживать за его телом так же, как и за душой. Но они увидели, что надежды нет, и сказали ему, что он должен умереть. Затем он начал готовиться к смерти. Он выразил раскаяние во всех своих дурных поступках, в том, что задолго до этого разорил Нортумберленд, и в том, что только что сжег Мант. Он послал деньги, чтобы возместить разрушения в Манте, и он послал другие деньги церквям и бедным Англии. Затем он урегулировал вопрос о наследовании своих владений. Он сказал, что по всем законам Роберт должен стать его преемником в Нормандии; так и должно быть; и все же он видел, какие беды обрушатся на землю, где будет править Роберт. Об Англии он сказал, что не осмеливается отдавать никаких приказов; но он хотел бы, если на то будет воля Божья, чтобы Вильгельм стал его преемником, и он отправил письмо архиепископу Ланфранку, умоляя его короновать Вильгельма, если он сочтет это правильным. Своему младшему сыну Генриху он оставил пять тысяч фунтов из своего запаса. Роберт был далеко, и теперь другие сыновья оставили его: Уильям присматривал за королевством, а Генрих - за своими деньгами. Тогда король приказал освободить всех мужчин, норманнов и англичан, которых он держал в тюрьме, за исключением только его брата Одо. Он сказал, что не отпустит его на свободу; если его выпустить, он только станет причиной еще большего зла. Но его брат Роберт и другие усердно молились за него, и в конце концов, во многом против его воли, король приказал освободить Одо вместе с остальными.

3. Смерть и погребение короля Вильгельма.— Наконец, 9 сентября 1087 года великий король Вильгельм, Завоеватель Англии, скончался. По всему Руану царили страх и смятение; люди не знали, что делать теперь, когда человек, который поддерживал мир в стране, ушел. Некоторое время тело короля лежало обнаженным и покинутым. Но в конце концов его отвезли в Кан,

чтобы похоронить в его собственном храме Святого Стефана без стен. Затем, когда начались обряды погребения, некто Асселин, сын Артура, поднялся и сказал, что земля, на которой была построена церковь, принадлежит ему и его отцу, и он запретил хоронить тело в его земле. Поэтому они сразу же заплатили ему за могилу, а потом и за все имущество, которого он лишился. Затем был похоронен король Вильгельм, и над его могилой была воздвигнута искусной работы усыпальница; но теперь все исчезло.

4. Вильгельм Рыжий.—Королем, который теперь должен был сменить Вильгельма Великого, был его третий сын Вильгельм — его второй сын Ричард погиб в Нью-Форесте. Из-за его румяного лица его называли Уильям Руфус, или Красный, а иногда и Красный король. Его характер представлял собой странную смесь. Он унаследовал большую долю дарований своего отца; он был храбр, свободолюбив и весел в речах; и, когда он хотел, он мог быть как хорошим капитаном, так и хорошим правителем. Но у него не было ни одного из действительно выдающихся качеств своего отца; он был богохульником и человеком наихудшей жизни; не будучи сам по себе таким жестоким, как некоторые другие принцы, он был совершенно безрассуден и не заботился о том, сколько зла причиняет. Он также был весьма небрежен к своим обещаниям, за исключением тех случаев, когда давал свое слово как добрый рыцарь; тогда он верно сдерживал его; любой, кто доверял его личному великодушию, всегда был в безопасности. Ибо теперь мы подошли к началу того, что называется рыцарством, одним из первых представителей которого был Вильгельм Рыжий. Он был горд и своеволен больше всех людей, и у него, в отличие от его отца, не было какой-либо твердой цели ни в одном вопросе. Он всегда начинал начинания и не заканчивал их. И все же нет никаких сомнений в том, что он был человеком с большими природными дарованиями, если бы решил использовать их лучше. В то время он произвел огромное впечатление на умы людей, и ни о каком короле не рассказывается больше личных историй.

5. Вступление на престол Уильяма Руфуса.—Не похоже, что Уильяма Руфуса когда-либо регулярно избирали королем. Он переправился в Англию с письмом своего отца к Ланфранку, и 26 сентября архиепископ короновал его в Вестминстере. Никто не опроверг его притязаний; все люди преклонялись перед ним и приносили ему клятвы. Но следует помнить, что на самом деле за любого из его братьев можно было сказать больше, чем за него. Роберт был старшим сыном и естественным преемником своего отца в Нормандии. И те норманны, которые хотели, чтобы Англия и Нормандия оставались вместе, конечно, хотели бы, чтобы Роберт был королем Англии. С другой стороны, если англичане отказались от всякой мысли о короле собственной крови, естественным выбором для них был Генрих. Он один был настоящим этелингом, сыном короля, рожденным в этой стране. Но ни Роберта, ни Генриха под рукой не было, и Вильгельм совершенно спокойно принял корону. Он устроил рождественский пир в Вестминстере и, кажется, именно тогда вернул графство Кент своему дяде епископу Одо.

6. Восстание Одо.Новый король пробыл на троне всего несколько месяцев, когда большинство знатных норманнов открыто восстали против него, намереваясь привести на трон его брата герцога Роберта. Во главе восстания стояли два дяди короля, граф Роберт и епископ Одо. Одо был первым новичком во всей этой суматохе, поскольку обнаружил, что он не был, как надеялся, главным советником короля. Граф Роджер Шрусбери, епископ Джеффри Кутанский, епископ Уильям Даремский и другие великие люди присоединились к ним; но граф Хью Честерский, архиепископ Ланфранк и все другие епископы, прежде всего святой Вульфстан в Вустере, остались верными. Тогда король увидел, что ему не на кого положиться, кроме коренных

англичан. Поэтому он призвал их под свои знамена и всячески обещал хорошее правление. Тогда люди стеклись к нему со всех концов света, и он оказался во главе огромной английской армии. Теперь мятежники были разбиты повсюду; особенно сильно король со своими англичанами отбил войска, которые герцог Роберт послал высадиться в Певенси. То есть они отразили новое вторжение норманнов на том самом месте, где высадился Завоеватель. Затем они захватили замок Рочестер, где находился Одо, и Одо пришлось выйти оттуда с позором и вернуться в Нормандию; он больше никогда не видел Англии. Многие мятежники потеряли свои земли, но впоследствии они вернули их обратно, когда между королем Вильгельмом и его братом Робертом был заключен мир.

7. Конец завоевания.—Уильям Руфус был очень далек от выполнения обещаний хорошего правления, которые он давал коренным англичанам, когда нуждался в их помощи. И все же было бы трудно показать, что он непосредственно угнетал англичан как англичан; его правление было скорее временем всеобщего беззакония, которое угнетало все классы, хотя, несомненно, коренные англичане должны были пострадать больше всего. Но эта война 1088 года была последним этапом нормандского завоевания. Это был последний раз, когда англичане и норманны как таковые встретились в битве друг против друга на английской земле. И что касается боевых действий, то англичане были лучше. В этой войне англичане, сражаясь против норманнов, сохранили корону Англии за нормандским королем. Таким образом, этой войной нормандское завоевание Англии было в некотором роде завершено, а в некотором - отменено. Оно было завершено настолько, что нормандский дом теперь прочно утвердился на английском троне. С этого времени никто не думал изгнать королей, происходивших из рода Завоевателя. Никто больше не думал о том, чтобы подставить Эдгара, хотя он прожил еще долгое время после этого; никто больше не думал о том, чтобы обратиться за помощью к Дании. Но Завоевание было сведено на нет постольку, поскольку все это было сделано самими англичанами, поскольку нормандский король был посажен на трон руками англичан. На этом нам лучше всего закончить наш рассказ об истории Завоевания и остановиться на последствиях, которые это Завоевание оказало как сразу, так и на более позднюю историю Англии.

ГЛАВА XIV.

Результаты нормандского завоевания.

1. Общие итоги завоевания.— Мы должны тщательно отличать непосредственные последствия нормандского завоевания, изменения, которые оно произвело в данный момент, от его долгосрочных результатов, которые наложили свой отпечаток на все последующие времена. Во многих отношениях эти двое были противоположны друг другу. В то время могло показаться, что английский народ полностью утратил свою национальную жизнь, свою свободу, свои законы, свой язык и все, что принадлежало ему. Но на самом деле нормандское завоевание, которое в то время, казалось, уничтожило все эти вещи, на самом деле сохранило для нас все эти вещи — за исключением нашего языка — в более совершенном виде, чем мы могли бы сохранить их, если бы Нормандского завоевания никогда не было. Мы можем убедиться в этом, сравнив ход нашей истории с историей других родственных народов, которые никогда не подвергались

чему-либо подобному Завоеванию. Ни в одной другой стране все не шло с самого начала с таким небольшим реальным перерывом, как в Англии. С древнейших времен и до наших дней в Англии никогда не было без какого-либо национального собрания. Наши национальные собрания изменили свое название и форму, но они никогда полностью не прекращались; нам никогда не приходилось начинать их заново как нечто совершенно новое. Но во многих других странах национальные собрания вообще прекратились, и в более поздние времена их пришлось создавать заново как нечто новое, очень часто по образцу нашего. И так же обстоит дело со многими другими вещами, которые могли бы постепенно исчезнуть, если бы никогда не было никакого Завоевания, и которые могли бы внезапно оборваться, если бы Завоевание было иного рода, чем то, каким оно было. Именно иностранное завоевание, совершенное под видом закона, является ключом ко всему в английской истории. И мы обнаружим, что нормандское завоевание не принесло ничего совершенно нового, а скорее усилило и ускорило тенденции, которые уже действовали. По ходу дела мы увидим множество примеров этого.

2. Сношения с другими странами.—Одним из очень наглядных примеров этого правила является то, что Англия теперь стала иметь гораздо больше общего с другими странами, чем раньше. Но это только усиливало тенденцию, которая уже действовала. Начиная с правления Этельреда, Англия начинала иметь все больше и больше общего с материком. Или, скорее, если раньше Англии приходилось иметь дело, будь то в военное или мирное время, почти исключительно с родственными землями Скандинавии, Германии и Фландрии, то теперь она начала иметь много общего с латиноязычными народами, сначала в Нормандии, затем в самой Франции. Великим началом этого был, как мы уже говорили, брак Этельреда и Эммы. Затем наступило правление их сына Эдуарда с его иностранными обычаями и иностранными фаворитами. Все это в некотором роде подготовило ситуацию к более полному внедрению иностранцев и иностранных обычаев при Завоевании. Когда один и тот же принц правил Англией и Нормандией, и когда в последующие времена тот же принц правил не только Англией и Нормандией, но и другими значительными частями Галлии, люди свободно перемещались взад и вперед из одной страны в другую. Если чужаки занимали высокие посты в Англии, то англичане часто занимали высокие посты в других странах. Наши короли тоже, иностранцы по происхождению, продолжали, даже после того, как они совсем стали англичанами, жениться на иностранках и отдавать своих дочерей иностранным принцам, гораздо чаще, чем это делалось раньше. Внешняя торговля также возросла; Англия вела очень давнюю торговлю с Германией и Фландрией; это никоим образом не прекращалось, в то время как большая торговля с Нормандией и другими частями Галлии росла. И, помимо воинов и других последователей королей, в Англии поселилось немало купцов и других мирных людей из других стран. Короче говоря, Британия во всех отношениях перестала быть самостоятельным миром; Англия, как и Шотландия, стала частью общего мира Западной Европы.

3. Влияние Завоевания на Церковь.—Ни в чем это не проявилось сильнее, чем в делах Церкви. Английская церковь была, в большей степени, чем любая другая, дочерью Римской церкви, и она всегда испытывала сильное почтение к своей родительнице. Но Англиканская церковь всегда обладала большей независимостью, чем другие церкви Запада, а короли и ассамблеи нации никогда не отказывались от своей власти в церковных вопросах. Церковь и государство были едины. Но со времени Завоевания папы получали все больше и больше власти, и в этом не было ничего удивительного, когда сам Завоеватель попросил папу рассудить между ним и Гарольдом. Постепенно все новые понятия распространялись в Англии; папы вторгались все больше и больше, и приходилось принимать законы за законами, чтобы сдерживать их, пока не

пришло время, когда мы полностью сбросили власть папы. Дела Церкви и государства становились все более и более отчетливыми; духовенство начало заявлять, что оно свободно от всякой светской юрисдикции и должно рассматриваться только в церковных судах; браки духовенства также становились все более и более строго запрещенными. Все это было прямым результатом нормандского завоевания. Если бы Завоевания никогда не было, оно могло бы произойти каким-то другим способом; но на самом деле оно произошло благодаря Завоеванию. Вильгельм Завоеватель, как и многие другие великие правители, создал систему, с которой мог работать он сам, но с которой не могли работать более мелкие люди. В последующие времена короли и папы часто играли на руку друг другу, чтобы добиться своих собственных целей, нередко за счет как духовенства, так и народа. Не раз всей нации Англии - дворянам, духовенству и простолюдинам - приходилось вместе восставать против папы и короля.

4. Иностранные войны.— Также благодаря Нормандскому завоеванию Англия начала в значительной степени втягиваться в континентальные войны. И здесь опять же, весьма вероятно, что это могло произойти каким-то другим способом; но именно так это и произошло. Пока Нормандия была отдельным государством, лежащим между Англией и Францией, у Англии и Франции вряд ли могли быть какие-либо основания для ссор. Но когда у Англии и Нормандии появился один принц, Англия оказалась втянутой в распри между Нормандией и Францией. Англия и Франция стали соперничающими державами, и это соперничество продолжалось веками после того, как Нормандия была завоевана Францией. Затем и Англия, и Нормандия перешли к князьям, у которых были другие обширные владения в Галлии, и главное из них, герцогство Аквитанское, удерживалось английскими королями еще долгое время после потери Нормандии. Таким образом, благодаря Нормандскому завоеванию Англия стала континентальной державой, вовлеченной в континентальные войны и политику и, прежде всего, вовлеченной в длительное соперничество с Францией.

5. Влияние на королевскую власть.—Одним из главных результатов нормандского завоевания стало значительное усиление власти королей. Нормандские короли сохранили все полномочия, права и доходы, которые были у английских королей, и добавили к ним несколько новых. На короля можно смотреть двояко. На него можно смотреть либо как на главу государства, членами которого являются другие люди, либо как на главного лорда, у которого главные люди страны состоят в подчинении у его людей, удерживающих их земли. Оба эти представления о королевской власти были известны в Европе; оба были известны в Англии; но Вильгельм Завоеватель знал, как использовать и то, и другое для укрепления королевской власти. Там, где король является всего лишь повелителем знатных людей, королевство, скорее всего, распадется на отдельные княжества, как это произошло и в Германии, и в Галлии. Вильгельм позаботился о том, чтобы этого не произошло в Англии, издав свой великий закон, который делал каждого человека слугой короля. Но когда этот пункт был однажды обеспечен, власть короля значительно возросла из-за того, что он стал личным лордом, а также главой государства, и что все люди должны были владеть его землями. Таким образом, нормандские короли могли взимать старые налоги как главы государства, а также различными способами собирать деньги с земель, которые принадлежали им. Они могли бы, подобно старым королям, призвать всю нацию к войне, и они могли бы также призвать людей, владевших их землями, либо лично пройти военную службу, либо заплатить деньги, чтобы их отпустили. Таким образом, король мог иметь по своему усмотрению либо национальную армию, либо *феодальную* армию, то есть армию людей, которые несли военную службу за свои *феоды*, или, наконец, армию наемников. И короли использовали все три по своему усмотрению. Произошло и еще кое-что. В

более старом представлении царствование было должностью, высшей должностью, должностью, даруемой нацией, хотя обычно даруемой потомкам бывших королей. Но теперь на королевскую власть все больше и больше стали смотреть как на владение, и считалось, что она должна переходить, как и любое другое владение, в соответствии со строгими правилами наследования. Таким образом, корона становилась все более и более наследственной и все менее и менее выборной. В течение нескольких царствований после Нормандского завоевания все складывалось так, что строгое наследование не могло соблюдаться. Тем не менее, со времен Завоевания тенденция была в пользу строгой наследственной преемственности, и в долгосрочной перспективе это стало правилом.

6. Влияние на Конституцию и администрацию.— Мы уже видели, что и Вильгельм Завоеватель, и нормандские короли после него внесли очень мало прямых изменений в закон. Они также не произвели много формальных изменений в правительстве и администрации. Они не разрушали старые учреждения или конторы, но они основали несколько новых рядом со старыми. И из них иногда старые доживали до более поздних времен, а иногда и до новых. И иногда старые вещи получали новые названия, что могло заставить нас думать, что произошло больше изменений, чем было на самом деле. И в этом случае снова иногда старые названия продолжали жить, а иногда новые. Таким образом, норманны называли *шир* графством, а главного королевского чиновника в нем, *шерифа*, они называли *виконтом*. Сейчас мы используем слово *графство* чаще, чем слово *шир*; но *шерифа* никогда не называют *виконтом*, это слово имеет другое значение. Итак, в величайшем случае короля по-прежнему называют *King* его староанглийским именем, но собрание нации, *Витенагемот* или Собрание Мудрецов, называется *Парламентом*. Но это просто потому, что мудрецы говорили или *вели* переговоры с королем, как мы читали ранее, у короля Вильгельма была “очень глубокая речь со своими Мудрецами”, прежде чем он приказал провести великий опрос. Что гораздо важнее, чем смена названия, так это то, что ассамблея полностью изменила свою конституцию. И все же это действительно то же самое собрание, которое продолжается; не было внезапного перерыва; изменения вносились постепенно; но у нас никогда не было без какого-либо национального собрания, и никогда не было случая, чтобы одно собрание было упразднено и на его место было поставлено другое. Величайшая перемена, когда-либо произошедшая за короткое время, заключалась в том, что за двадцать один год правления Завоевателя собрание, почти полностью состоявшее из англичан, превратилось в собрание, почти полностью состоявшее из норманнов. Но даже это изменение произошло не сразу. Не было времени, когда англичане как группа были изгнаны, а норманны как группа были введены. Только по мере того, как англичане, занимавшие высокие посты, умирали или теряли их один за другим, норманны и другие чужеземцы один за другим занимали их места. Таким образом, произошли большие перемены в духе и работе ассамблеи; но в ее форме произошли незначительные изменения или их не произошло вообще. И так было во всем остальном. Без каких-либо внезапных изменений, никогда не упраздняя старые вещи и не устанавливая новые, приходили новые идеи и практически вносили большие изменения в вещи, которые почти не менялись по форме. Ошибочно думать, что наши староанглийские институты когда-либо были упразднены и на их месте были созданы новые нормандские институты. Но совершенно верно, что наши староанглийские институты были сильно изменены, шаг за шагом, новыми способами мышления и деятельности, привезенными из Нормандии.

7. Влияние личного характера Завоевателя. Помимо всех других, более общих причин, не может быть никаких сомнений в том, что личный характер самого Вильгельма оказал огромное

влияние на весь последующий ход английской истории. Как Уильям не любил угнетение ради него самого, так и он не любил перемены ради них самих. Он видел, что, не внося никаких насильственных изменений в английское законодательство, он мог бы получить столько власти, сколько только мог пожелать. И он, и цари некоторое время после него были практически деспотами, королями, которые поступали по своей собственной воле. Но они поступали по своей собственной воле, потому что сохраняли все старые формы свободы; так что в последующие времена, когда короли слабели, а нация становилась сильнее, жизнь могла быть снова возвращена в прежние формы, и старую свободу можно было снова отвоевать. Более мелкий человек, чем Уильям, менее сильный и мудрый, скорее всего, изменился бы гораздо больше. И тем самым он вызвал бы гораздо большее сопротивление и в долгосрочной перспективе причинил бы гораздо больше вреда. Вся позиция Вильгельма заключалась в том, что он был законным королем Англии, правящим в соответствии с английскими законами. Но человек поменьше ростом, чем Уильям, вряд ли смог бы сразу внешне сохранить это положение и в то же время действительно поступать во всем так, как считал нужным. Во многом благодаря мудрости Уильяма не произошло резких перемен, внезапного перелома, но общая система вещей оставалась такой же, как и прежде, позволяя постепенно менять то или иное по мере необходимости.

8. Отношения норманнов и англичан.— Из своеобразного характера завоеваний Вильгельма почти неизбежно следовало, что ни при одном завоевании завоеватели и покоренные так рано не объединялись в один народ. Несомненно, тот факт, что норманны и англичане, в конце концов, были родственными нациями, имел к этому некоторое отношение; но союз вряд ли мог быть заключен так быстро и так основательно, если бы не особый характер завоевания, совершенного в форме закона. Вильгельм отнял у англичан много земли и отдал ее норманнам; но каждый норманн, которому он давал землю, должен был в некотором роде стать англичанином, чтобы владеть ею. Он отобрал ее у английского короля в соответствии с английским законом; он в точности занял место англичанина, который владел этой землей до него; он забрал его права, его полномочия, его бремя, какими бы они ни были, ни больше, ни меньше. Он должен был подчиняться английским законам и управлять ими, занимать английские должности, бесконечными способами приспосабливаться к обычаям страны, в которой он оказался. И, за исключением самых знатных людей, рядом с ним были люди древнеанглийского происхождения, которые владели своими землями так же, как он владел своими, занимали должности, присутствовали на ассамблеях, действовали с ним во всех отношениях как члены одного политического органа. Сын нормандского поселенца, родившийся на этой земле, часто сын матери-англичанки, вскоре почувствовал себя скорее англичанином, чем нормандцем. Таким образом, две нации вскоре смешались воедино, так быстро, что писатель через сто лет после Завоевания мог сказать, что среди свободных людей невозможно было сказать, кто англичанин, а кто нормандец по происхождению. Конечно, смешиваясь таким образом, две нации влияли друг на друга; каждая чему-то научилась и позаимствовала что-то у другой. Англичане не стали норманнами; норманны действительно стали англичанами; но норманны, став англичанами, оказали большое влияние на английскую нацию и привнесли многие способы мышления и действий, которые раньше не были известны в Англии.

9. Влияние завоевания на язык.— Прежде всего, это произошло в вопросе языка. В этом мы и по сей день несем с собой самые красноречивые свидетельства нормандского завоевания. Если бы нормандского завоевания никогда не произошло, английский язык, несомненно,

сильно изменился бы за восемьсот лет, точно так же, как за это время сильно изменились другие языки Европы. Но он не мог измениться таким же образом или в такой же степени. Ни один другой европейский язык не изменился точно так же, потому что ни на одном другом языке не сказались те же причины изменений. Наш собственный древнеанглийский язык, в том виде, в каком на нем говорили, когда пришли норманны, был чистым тевтонским языком, то есть он был почти таким же чистым, каким когда-либо был любой язык; ибо нет языка, который не заимствовал бы некоторые слова у других. Итак, с тех пор как мы приехали в Британию, мы подхватили несколько слов из валлийского и еще больше из латыни. Но это были просто названия вещей, о которых мы ничего не знали, пока не пришли сюда, чужих вещей, которые мы называли чужими именами. И мы сохранили нашу грамматику и то, что грамматисты называют *флексиями*, то есть формы и окончания слов, совершенно нетронутыми. Норманны, с другой стороны, после своего поселения в Галлии совершенно забыли свой старый датский язык, союзный английскому, и, когда они пришли в Англию, все они говорили по-французски. Французский - это *романский* язык Северной Галлии, то есть язык, который вырос там по мере того, как латинский язык утратил свою старую форму и в него вкралось немало тевтонских слов. Влияние нормандского завоевания на наш язык было двояким. Мы утратили почти все наши флексии; мы, весьма вероятно, утратили бы большинство из них, если бы не было нормандского завоевания, поскольку все другие тевтонские языки частично или полностью утратили свои флексии; но нормандское завоевание заставило эту работу начаться раньше и продолжаться быстрее. Затем мы позаимствовали огромное количество французских слов, многие из которых были нам совсем не нужны, названия вещей, у которых уже были английские названия. Но это происходило очень постепенно. Какое-то время на двух языках, французском и английском, говорили бок о бок, не оказывая большого влияния друг на друга. Французский был вежливой речью, латынь - ученой речью, английский - речью народа; но в течение ста пятидесяти лет после завоевания французский язык никогда не использовался в государственных документах. Вскоре норманны в Англии научились говорить по-английски, и, по-видимому, к концу XII века они делали это обычно, хотя, конечно, могли говорить и по-французски. Затем появился французский, в отличие от нормандского влияния; французский вошел в моду, и только в четырнадцатом веке английский полностью победил; а когда он вошел, он утратил многие свои флексии и позаимствовал очень много французских слов. И с тех пор мы продолжали заимствовать новые слова из французского, латыни и других языков, потому что мы потеряли привычку создавать новые слова в нашем родном языке. Все эти более поздние изменения не являются прямыми последствиями нормандского завоевания, но все же это последствия. Французская мода никогда не смогла бы утвердиться так сильно, если бы французский язык уже не был привнесен норманнами.

10. Влияние завоевания на образование и литературу.— Не может быть никаких сомнений в том, что во всех вопросах обучения нормандское завоевание привело к немедленному значительному прогрессу в Англии. В прежние времена в Англии было более одного образованного периода; но датские войны отбросили все назад, и не похоже, что Эдуард, при всей своей любви к иностранцам, много сделал для поощрения иностранных ученых. Но с приходом Вильгельма все сразу изменилось. Например, Ланфранк и Ансельм, первые архиепископы Кентерберийские после Конкисты, были величайшими учеными своего времени. Образованные люди всех мастей приезжали в Англию, и люди в Англии, как нормандской, так и английской крови, пристрастились к обучению и науке. Таким образом, в XII веке мы имеем большое количество хороших писателей, родившихся или живших в Англии. Но они писали на

латыни, как это было принято тогда и еще долго после среди ученых людей по всей Западной Европе; поэтому они ничего не сделали для поощрения местной литературы. Тем не менее люди не переставали писать по-английски; английская хроника продолжается в течение первой половины двенадцатого века, и небольшие произведения, в основном религиозные, все еще писались. Но Нормандское завоевание привело к тому, что английская литература оказалась на более низком уровне; даже когда на ней говорили, она перестала быть ни ученым, ни вежливым языком. С другой стороны, недавно зародившаяся французская литература пустила глубокие корни в Англии. Примерно во время Завоевания люди в Северной Галлии обнаружили, что французский язык, на котором они говорили, настолько отличался от латыни, на которой они писали, что стало возможным писать по-французски так же хорошо, как и говорить на нем. Древнейшие французские книги, как и древнейшие книги на большинстве языков, написаны в стихах, и этот новый французский стих пользовался большим успехом у норманнов, как в Нормандии, так и в Англии. Так Уэйс написал историю нормандских герцогов, и особенно о завоевании Англии. Другие, которые обосновались в Англии и начали любить свою новую землю, писали книги по английской истории и легендам Великобритании. Таким образом, в течение длительного времени после завоевания в Англии велось много письменных работ на всех трех языках. Многие французские труды были переведены на английский, а некоторые английские - на французский. Но все это, хотя и показывало, как работают умы людей, на несколько веков сохранило в тайне настоящий язык и настоящую литературу страны.

11. Влияние завоевания на искусство.— В те дни в Западной Европе было не так уж много искусства, за исключением строительного. Книги были украшены иллюстрациями, а в церквях были и живопись, и скульптура, но это было то, что сейчас сочли бы очень грубой работой. И в Германии, и в Англии искусство вышивания, по-видимому, процветало; но вряд ли это искусство в каком-либо высоком смысле. Но в строительном искусстве нормандское завоевание Англии знаменует собой большой этап. Когда мы говорим о строительстве, мы имеем в основном дело с церквями и замками; дома обычно были деревянными, как, впрочем, и церкви и замки. В одиннадцатом веке люди все еще строили по всему христианскому миру с круглыми арками на манер древних римлян. И в Западной Европе они строили повсюду по тому же образцу, который пришел из Италии. Но в одиннадцатом веке люди начали находить новые пути в архитектуре и, не отказываясь полностью от старых римских моделей с их круглыми арками, они изобрели новые местные стили в разных частях города. Таким образом, одна форма того, что называется *романской* архитектурой, возникла в Италии, другая - в Южной Галлии, третья - в Северной Галлии и так далее. Норманны времен Вильгельма были великими строителями, и романский стиль Северной Галлии вырос в основном в Нормандии и обычно называется *нормандским*. Во времена Эдуарда этот новый стиль появился в Англии среди других нормандских мод, а при Вильгельме он пустил более прочные корни. Новые прелаты презирали английские церкви как слишком маленькие и перестроили их в большем масштабе и, конечно, в новом стиле. Некоторое время старый стиль, который был общим для Англии и остальной Западной Европы, все еще использовался в небольших зданиях; но к концу одиннадцатого века нормандский стиль полностью укоренился в Англии, а в двенадцатом веке он стал намного богаче и светлее. И по мере того, как каменное строительство все больше и больше входило в обиход, этот стиль распространился на жилые дома и другие постройки.

12. Влияние завоевания на ведение войны.— Военная архитектура, строительство замков и других укрепленных мест, является в некотором роде частью истории строительного искусства, не меньшей, чем строительство церквей и жилых домов. Тем не менее, у него есть свой характер

и своя история. В этом вопросе и во всем, что имело отношение к войне, нормандское завоевание произвело величайшие изменения из всех. В Англии люди могли оградить город стенами, но у них не было крепких замков. Их опорными пунктами были большие насыпи с деревянной защитой наверху. Но норманны ввели моду строить замки, как мы уже видели в истории правления Эдуарда. Иногда они строили более легкие крепости на старых курганах; иногда они возводили массивные прочные башни; и в том, и в другом случае они любили окружать их глубокими рвами. Это были типы, которые привезли норманны, и из них выросли сложные замки более поздних времен. Таким образом, земля была заполнена замками, и военные действия принимали в основном форму нападения на них и осады. После Нормандского завоевания мы долгое время гораздо больше слышали об осадах и гораздо меньше - о сражениях в открытом поле, в то время как в датских войнах мы слышали гораздо больше о сражениях, чем об осадах. Норманны также принесли в Англию свой собственный способ ведения боевых действий и произвели большие изменения в английских армиях. До Завоевания у нас не было всадников и очень мало лучников; с этого времени у нас есть и то, и другое, и старое вооружение вышло из употребления. И все же иногда мы читаем о нормандских рыцарях, слезавших с коней и сражавшихся мечами или топорами на староанглийский манер. И поскольку лучники стали самой сильной частью английской армии и считались особенно английскими, в некотором смысле это было возвращением к старому положению вещей. Оружие сменилось, но во времена, когда больше всего думали о всадниках, крепкая пехота все еще была силой английской армии.

13. Краткое содержание.—Таким образом, мы видим, каким особым образом нормандское завоевание, в силу своей особой природы и личного характера Вильгельма, подействовало на Англию. Оно не разрушало и не отменяло наши старые законы или институты; но, оказывая влияние, оно постепенно менялось и в конце концов сохранилось. И таким образом Завоевание в конечном итоге обернулось ко благу. Мы действительно сохранили более прямую связь с древнейшими временами, без каких-либо внезапных перерывов или перемен, чем те родственные народы, которые никогда таким же образом не были завоеваны чужаками. Произошли большие перемены, но все это происходило постепенно, без каких-либо общих потрясений в какой-либо конкретный момент. Теперь, в нашей последней главе, мы немного подробнее рассмотрим, как эти причины действовали в более поздней истории Англии.

ГЛАВА XV.

Позднейшая история.

1. Нормандские короли.—Уильям Руфус начал свое правление только как нормандский король Англии; Роберт владел герцогством Нормандия. Но Вильгельм получил в свои руки сначала часть, а затем и всю Нормандию, а затем и войну с Францией. Итак, вот начало наших французских войн, войн, о которых французские писатели с самого начала говорят как о войнах англичан против французов. Правление Уильяма Руфуса было периодом великого угнетения и несправедливости, и в его время, при его министре Рэндольфе Фламбарде, новые обычаи владения землей приобрели определенную форму. После его смерти в 1100 году Нормандия и Англия снова были на некоторое время разделены, поскольку Роберт снова получил свое

герцогство, в то время как Генрих был избран английским королем. Поскольку он был единственным из детей Завоевателя, кто в каком-либо смысле был англичанином, коренные англичане горячо поддерживали его и помогли ему сохранить корону, когда норманны снова возжелали заполучить Роберта. Это последний раз, когда мы слышим об англичанах и норманнах в Англии, действующих как отдельные классы людей. Правление Генриха, которое длилось до 1135 года, было временем, когда две расы постепенно объединились. Генрих также порадовал англичан, женившись на Эдит, или Матильде, дочери короля Шотландии Малькольма, и Маргарите, сестре этельинга Эдгара. Таким образом, его дети произошли по женской линии от древних королев. Затем Роберт правил Нормандией так плохо, что многие из его соплеменников пожелали избавиться от него; поэтому в 1106 году король Генрих завоевал герцогство в битве при Тинчebre. Это было всего через сорок лет после того, как Вильгельм Великий завоевал Англию, и люди начали говорить, что теперь все изменилось. Сын Генриха, Вильгельм Этелинг, умер раньше него. Поэтому он хотел, чтобы его корона перешла к его дочери Матильде, вдове императора Генриха Пятого, которую он выдал замуж за графа Жоффруа Анжуйского. Переход власти к женщине был странным явлением как в Англии, так и в Нормандии. Поэтому, когда Генрих умер, мужчины выбрали сына его сестры Стефана Блуа. Стефана очень любили люди всех рас, но в те времена у него не было сил править. Друзья императрицы восстали против него, и за все время правления Стефана, до 1154 года, наступило такое время, какого Англия никогда не видела ни до, ни после. Все законы исчезли, и не было ничего, кроме кровопролития и грабежей. Тем временем граф Жоффруа завоевал Нормандию. Наконец было решено, что корона останется за Стефаном пожизненно, но что сын Джеффри и Матильды, Генрих, ныне герцог нормандский, будет править после него.

2. Генрих Анжуйский.—Герцог Генрих вскоре наследовал Стефану, и с ним начались новые времена. Он унаследовал Нормандию и Анжу; он захватил Англию по соглашению со Стефаном; и прежде чем стать королем, он женился на Элеоноре, графине Пуату и герцогине Аквитанской, которая принесла с собой всю юго-западную Галлию. Таким образом, король Англии стал великим князем на материке и был гораздо более могуществен в Галлии, чем его господин, король Франции. Нормандия, как и Англия, стала частями обширного доминиона, правительница которого никоим образом не была ни нормандкой, ни англичанкой, кроме как по женскому происхождению. Тем не менее, поскольку он был англичанином по женскому происхождению, мужчины пытались увидеть в нем представителя старых королев. При таком положении вещей все уроженцы Англии, какой бы расы они ни были, начали сближаться друг с другом, и еще больше при сыновьях Генриха, когда вошло в моду отдавать предпочтение мужчинам, которые были совершенно чужими, ни англичанами, ни норманнами. Это правление было временем знаменитого архиепископа Томаса, сына Гилберта Бекета. Он родился от нормандских родителей в Англии во времена правления Генриха Первого, и он был первым человеком, родившимся в этой стране, который стал архиепископом после Завоевания. Нас здесь больше всего беспокоит он, потому что он показывает, как две расы теперь объединились. Томас повсюду чувствует и говорит как англичанин, и все смотрят на него как на такового. Генрих Второй был одним из наших величайших королей, первым со времен завоевания, кто действительно был законодателем. Многие из наших более поздних законов относятся к его времени, и все это законы, созданные для объединенной нации, без различия норманнов и англичан. Неясно, говорил ли сам Генри по-английски; но он определенно понимал его, и в его время на нем обычно говорили люди обеих рас. Генрих также увеличил

величие своего королевства, установив более полное господство над Шотландией и начав завоевание Ирландии.

3. Сыновья Генриха.—После Генриха в 1189 году появился его сын Ричард. Он родился в Англии, но на самом деле был наименее англичанином из всех наших королей. За время своего правления он был в Англии всего дважды, оба раза очень недолго. Сначала он приехал, чтобы короноваться, а затем, в 1194 году, снова принял свою корону. Ибо он отправился в крестовый поход, а на обратном пути был заключен в тюрьму императором Генрихом Шестым. Ему он за что-то отдал дань уважения, как Гарольд отдал дань уважения Вильгельму, и некоторые говорят, что он отдал дань уважения короне Англии. Остаток своего правления он в основном сражался в Галлии; но пока его не было, Англией правили его министры. Его первым главным министром был его канцлер Уильям Лонгчамп, епископ Элийский. Он был родом из Нормандии и всячески презирал англичан и насмехался над ними. Но имя англичанин теперь стало носить все мужчины, родившиеся в этой стране, и мы находим другого епископа, тоже родившегося в Нормандии, который говорит об этом как о странном и постыдном факте, что епископ Уильям не говорил по-английски. Таким образом, нация под руководством брата короля графа Джона восстала и изгнала иностранного канцлера. В более поздний период правления Ричарда страной лучше управлял его министр архиепископ Хьюберт. После смерти Ричарда в 1199 году граф Джон тихо наследовал престол в Нормандии, а затем был избран королем Англии. Но в Анжу понятие наследственного права пустило более глубокие корни, и там люди были за племянника Ричарда Артура, потому что его отец Джеффри был старшим братом Джона. В Англии в подобных случаях всегда обходили стороной племянника, и избрание Джона было вполне законным. Король Франции Филипп встал на сторону Артура, но Артур перешел на сторону Иоанна и, без сомнения, был убит им в 1202 году. Затем Филипп собрал суд пэров и объявил, что этим преступлением Иоанн лишил Франции всех земель, которыми он владел, принадлежащих короне Франции. Чтобы выполнить этот указ, Филипп в 1203-4 годах завоевал всю континентальную Нормандию; только острова подчинились своему герцогу, и с тех пор они принадлежат английским королям. Таким образом, наша королева по-прежнему владеет настоящей Нормандией, землей, которая осталась нормандской, в то время как остальная часть герцогства стала французской. Филипп также захватил Анжу и другие анжуйские земли, но не Аквитанию, герцогство королевы Элеоноры, которая все еще была жива. Таким образом, Иоанн и его преемники потеряли континентальную Нормандию, но сохранили Аквитанию.

4. Последствия потери Нормандии.— Это окончательное разделение Англии и Нормандии знаменует собой один из главных этапов нашей истории. Если какие-то неанглийские чувства еще и теплились в сердце любого англичанина нормандского происхождения, то теперь, когда Англия была единственной страной для всех англичан, а Нормандия стала чужой и враждебной землей, они совершенно угасли. В то время как первые анжуйские короли удерживали свои великие владения в Галлии, хотя Англия была их величайшим владением, мы не можем сказать, что она каким-либо образом была главой или центром, или что другие их земли находились в зависимости от Англии. Но теперь, когда король Англии владел только герцогством Аквитанским в дальней части Галлии, это герцогство явно находилось в зависимости от Англии, и это всегда приводило наших королей к ссорам с Францией. Таким образом, соперничество между Англией и Францией, начавшееся с союза между Англией и Нормандией, продолжилось и после того, как Нормандия снова была присоединена к Франции. Таким образом, потеря Нормандии закрепила как внешнее, так и внутреннее положение Англии. Отныне это снова королевство, населенное объединенным английским народом, но королевство, находящееся в значительной

отдаленной зависимости от французской короны и ставшее, таким образом, особым соперником Франции.

5. Нация и короли. Может показаться странным, что как раз в этот момент, когда основные внешние признаки нормандского завоевания были сметены, и когда норманны в Англии стали совершенно хорошими англичанами, в какой-то момент все, казалось, вернулось на круги своя. Тринадцатый век, к которому мы сейчас подошли, - это время, когда французский язык стал использоваться для официальных документов. В старые времена люди использовали либо английский, либо латынь. После завоевания английский постепенно вымер, и какое-то время у нас была только латынь. Теперь постепенно приходит французский, и у нас есть латынь и французский. Таким образом, как раз в тот момент, когда английский язык снова вышел на передний план, он снова был отброшен назад. Но это более широкое использование французского языка было просто модой, во многом благодаря огромному влиянию, которое Франция и французский язык имели в то время во всех частях Европы. И теперь, когда вся нация объединилась, это было просто модой, а не знаком завоевания. Но в то время как нация становилась все более английской, короли становились все более иностранными. Иоанн (1199-1216) наполнил страну иностранными наемниками и стал человеком папы римского. Нация вырвала у него Великую Хартию, и это знаменует собой великий этап. Долгое время после Завоевания, всякий раз, когда возникало какое-либо плохое правление, люди взывали к закону короля Эдуарда. Но теперь мы больше не слышим о законе короля Эдуарда; Великая Хартия давала все, о чем просили, под этим названием. При сыне Иоанна Генрихе Третьем (1216-1272) земля была захвачена чужеземцами и разграблена папами. Тогда нация объединилась больше, чем когда-либо, при графе Симоне Монфор. Как ни странно, по рождению он был французом в самом строгом смысле этого слова; но он унаследовал английские поместья и стал таким же хорошим англичанином, как король Кнут и архиепископ Ансельм. При нем и при следующем короле Эдуарде (1272-1307) наши национальные собрания, ныне называемые *парламентами*, начали приобретать свою нынешнюю форму с выборной Палатой общин, избираемой графствами и городами.

6. Король Эдуард Первый.—Король Эдуард, величайший из наших более поздних королей и первый после Завоевания, носивший английское имя, в свое время звался Эдуардом Третьим или Четвертым, каким он был на самом деле; но впоследствии его стали называть Эдуардом Первым, как первого носителя этого имени после завоевания. Теперь, наконец, у нас был действительно английский король, целью которого было величие Англии дома и за границей. Он установил верховенство Англии над Уэльсом и Шотландией более основательно, чем когда-либо. Уэльс теперь был присоединен к Англии и постепенно инкорпорировался в нее; но подчинение Шотландии привело к ее полной независимости. Подобно Генриху Второму, король Эдуард был великим законодателем, и с его времен мы можем сказать, что к нам вернулись наши старые законы и свобода в формах, более соответствующих времени. Теперь можно сказать, что все признаки нормандского завоевания исчезли, за исключением использования французского языка. Король Эдуард хорошо говорил по-английски, и в его время было написано много по-английски; и когда он был в состоянии войны с Францией, он объявил, что французский король желает вторгнуться в Англию и стереть с лица земли английский язык. Тем не менее французский продолжал входить в моду и стал более чем когда-либо языком официальных документов.

7. Войны с Францией.—Последние следы французского влияния в Англии были окончательно уничтожены во время великой войны с Францией, которая началась при внуке Эдуарда Первого Эдуарде Третьем (1327-1377). Он претендовал на корону Франции через свою мать, и последовала долгая война, которая в 1360 году завершилась Бретиньянским миром. Этим Эдуард отказался от своих притязаний на Францию, но он сохранил герцогство Аквитанское, город Кале, который он завоевал, и графство Понтье не как феоды французской короны, а как полностью независимые владения. Затем французы нарушили мир; война началась снова, и Англия потеряла почти все, кроме Кале, Бурдо и Байонны. Но при Генрихе Пятом (1413-1422) война снова разгорелась с новой силой. Он завоевал Нормандию и заключил мир, по которому должен был унаследовать корону Франции. Он умер слишком рано для этого, но его сын Генрих Шестой (1422-1460) унаследовал титул как Франции, так и Англии и был коронован в Париже. Но в его время англичане были изгнаны сначала из Франции, затем из Нормандии, а затем и из Аквитании (1453 г.), так что Англия потеряла как старое наследство, так и новое завоевание. Не было сохранено ничего, кроме завоевания Эдуардом Третьим Кале, которое было потеряно только в 1558 году. Эти длительные войны становились все более и более национальными войнами Англии против Франции. Действительно, Эдуард Третий, воспитанный матерью-француженкой, похоже, действовал не столько как английский король, сколько как французский принц, претендующий на французскую корону. Но война была вполне национальной со стороны его подданных, а Генрих Пятый был английским королем во всех смыслах этого слова. Эти длительные войны с Францией, естественно, нанесли удар по использованию французского языка дома, как языка врага. Английский язык снова одержал верх в течение четырнадцатого века. У Генриха Пятого даже были министры, которые не говорили по-французски, и которые поэтому на совещании с французскими министрами потребовали, чтобы они использовали латынь, как общий язык Западного христианского мира. Однако сила привычки такова, что акты парламента писались по-французски до довольно позднего конца пятнадцатого века, и в некоторых торжественных случаях, например, когда королева дает свое согласие на акт парламента, французский язык используется до сих пор.

8. Краткое содержание. Таким образом, все события: правление Генриха Первого, Анжуйское владичество и распад этого владительства, неанглийские правления Иоанна и Генриха Третьего и английское правление Эдуарда Первого, долгая война с Францией, ее победы и поражения - все это разными способами помогло устранить иностранное влияние в Англии и сделать страну все более и более английской. Фактически, мы продвинулись вперед, вернувшись назад. Все лучшие изменения в наших законах, институтах и обычаях на самом деле были возвращением в новых формах к нашим старым обычаям. Таким образом, мы избавились от последствий нормандского завоевания; но только с помощью самого нормандского завоевания мы смогли избавиться от них. Короче говоря, Завоевание дало старой жизни и старой свободе новое начало. Это помешало им вымереть или погрузиться в сон. Людям всегда было к чему стремиться и с чем бороться; и поэтому мы могли сохранять и реформировать, никогда не разрушая и не создавая заново. Все это произошло из-за особого характера нормандского завоевания Англии, как это было объяснено в самом начале. Но работе сильно помог тот факт, что норманны, в конце концов, были замаскированными родственниками, и еще больше этому способствовал личный характер их лидера, сильная воля и дальновидная мудрость самого Вильгельма Великого.

Оксфорд: Напечатано в издательстве Clarendon Press Хорасом Хартом, магистром медицины

Примечания переписчика

Пунктуация, переносы и орфография были приведены в соответствие, когда в оригинальной книге было обнаружено преобладающее предпочтение; в остальном они не изменялись.

Были исправлены простые типографские ошибки; несбалансированные кавычки были исправлены, когда изменение было очевидным, и в противном случае оставлены несбалансированными.

В тексте в основном упоминается “Эдвард”, но есть три вхождения “Эдварда”.